

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (871)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

3

Issue (871)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3 (871)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3(871)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Особенности лексико-синтаксического словообразования в современном итальянском языке: критерии выделения и факторы продуктивности составных наименований (полирем) АКЛАЕВ А. Р.	9
Двойные модальные сочетания XX–XXI веков (социолингвистический аспект) БАРСУКОВА Э. К.	16
Смысловое согласование в английском языке и семантика композиционности подлежащего БОРЗИЛОВ А. Д., САЛЬКОВА М. А.	22
Релевантность и салиентность компонентов значения слова в зеркале деривационных процессов: к методологии исследования БУДНИКОВА Е. И.	30
Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиадискурса ВАНЬКО Т. Р.	39
Вербальные и невербальные приемы в технологии информационно-психологического воздействия ЗАРИПОВ Р. И.	46
Основные способы образования новых лексических единиц в американской прессе КРИГЕР Е. И.	55
Специфика англоязычного интернет-дискурса блогеров, интерпретирующих современную массовую культуру КУКОВСКАЯ А. В.	60
Семантика периферийных единиц сочинения (на примере французских лексем <i>en fait</i> , <i>de fait</i> , <i>en effet</i> , <i>effectivement</i>) ОВСЕЙЧИК Ю. В.	68
Употребление дополнений в дательном падеже готского языка: дательный объекта ПАВЛОВА Е. Б.	76
Экспрессивные этнонимы Мексики: актуализация гетерообразов ПОПОВА Е. А.	82
Аргументативный потенциал порядка слов в письменном научном дискурсе (на материале немецкого языка) САДОВНИКОВА Е. В.	89
Функционирование и структура звуковых повторов в текстах художественного стиля СВЕТЛИЧНАЯ В. Ю.	96
Прецедентный феномен как средство выражения оценки в публицистическом дискурсе (на материале современного немецкого фельетона) СЕВЕРИНА Е. А.	104
Языковая ситуация многоязычия в Люксембурге СОКОЛОВА Г. А.	110

СОДЕРЖАНИЕ

Реализация когнитивного диссонанса в стилистических приемах, основанных на механизме сходства	
СОЛОБУТО Д. С.	115
Событийный фрейм как когнитивная схема метафоризации (на материале английских результативных и нерезультативных конструкций)	
СОРОКИНА Т. С.	123
Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты	
ЦИБУЛЯ Н. Б.	129

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Образ врача и его трансформация в произведениях А. П. Чехова	
ДИН ИХУН	136
Буддийские идеи и мотивы в творчестве Ф. Н. Горенштейна	
ДУБАКОВ Л. В.	144

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Таллинское надгробие Понтуса Делагарди: текст и тексты	
ВАЛЬКОВ Д. В.	151
Мотив наказания грешников в изобразительном искусстве романского стиля	
ТЁМКИН В. А.	158

LINGUISTICS

Peculiarities of Lexico-Syntactic Word-Formation in the Contemporary Italian Language: Criteria of Identification and Productivity of Multi-Word Expressions (<i>polirematiche</i>) AKLAEV A. R.	9
Double Modal Combinations of the 20th–21st Centuries (sociolinguistic aspect) BARSUKOVA E. K.	16
Notional Agreement in Modern English and Semantics of Compositionality of the Subject BORZILOV A. D., SALKOVA M. A.	22
Relevance and Salience of Word Meaning Components Reflected in Derivational Processes: to a Research Methodology BUDNIKOVA A. I.	30
Realization of Subjective Modality in the Syntax of Political Online Media Discourse VANKO T. R.	39
Verbal and Nonverbal Techniques in Information-Psychological Impact Technology ZARIPOV R. I.	46
The Main Ways of Forming New Lexical Units in the American Press KRIGER E. I.	55
Peculiarities of English Internet Discourse of Bloggers Engaged in Contemporary Mass Culture Interpretation KUKOVSKAYA A. V.	60
Semantics of Peripheral Coordinators (on the example of French <i>items en fait, de fait, en effet, effectivement</i>) AUSEICHYK YU. V.	68
The Use of Dative Objects in the Gothic Language: the Objective Dative PAVLOVA E. B.	76
Expressive Ethnonyms of Mexico: Actualization of Hetero-Images POPOVA E. A.	82
Argumentative Potential of Word Order in Written Scientific Discourse (on the material of the German language) SADOVNIKOVA E. V.	89
Functioning and structure of sound repetitions in artistic style texts SVETLICHNAYA V. YU.	96
Precedent Phenomenon as a Means of Expressing Evaluation in Journalistic Discourse (based on the material of modern German satirical article) SEVERINA E. A.	104
Language Situation of Multilingualism in Luxembourg SOKOLOVA G. A.	110

CONTENTS

Actualizing Cognitive Dissonance in Similarity-Based Stylistic Devices SOLOBUTO D. S.	115
Event Frame as Cognitive Schema of Metaphorisation (English resultative and non-resultative constructions) SOROKINA T. S.	123
Gestures-Illustrators with the Meaning of Contrast and Their Prosodic Correlates TSIBULYA N. B.	129

LITERARY STUDIES

The Image of a Degrading Doctor in the Works of A. P. Chekhov DING YIHONG	136
Buddhist Ideas and Motives in the Works of F. Gorenstein DUBAKOV L. V.	144

CULTUROLOGY

Tallinn Tombstone of Pontus Delagardi: Text and Texts VALKOV D. V.	151
The Motive of Punishment of Sinners in the Fine Art of the Romanesque Style TYOMKIN V. A.	158

Особенности лексико-синтаксического словообразования в современном итальянском языке: критерии выделения и факторы продуктивности составных наименований (полирем)

А. Р. Аклаев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
aaklaev@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются особенности составных наименований (полирем) в современном итальянском языке. Рассматриваются отличительные семантические, структурные и функциональные признаки полирем как критерии их выделения среди сходных единиц (композигов, коллокаций, фразеологизмов). Характеризуются основные показатели и факторы продуктивности полирематического словообразования. Исследование основано на обобщении новейших работ итальянских лингвистов.

Ключевые слова: итальянский язык, лексикология, лексикография, словообразование, составные наименования, фразема

Для цитирования: Аклаев А. Р. Особенности лексико-синтаксического словообразования в современном итальянском языке: критерии выделения и факторы продуктивности составных наименований (полирем) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 9–15. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_9

Original article

Peculiarities of Lexico-Syntactic Word-Formation in the Contemporary Italian Language: Criteria of Identification and Productivity of Multi-Word Expressions (Polirematiche)

Airat R. Aklaev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
aaklaev@gmail.com*

Abstract. The article examines the peculiarities of multi-word expressions (polirematiche) in the contemporary Italian language. The author considers characteristic semantic, structural and functional properties of multiword expressions and the criteria for their distinction from similar linguistic units (composite words, collocations, phraseologisms). The article goes on to characterise major factors of productivity of phrasemic word-formation in the Italian language. The research is based on summary of most recent relevant literature in the Italian linguists.

Keywords: Italian language, lexicology, lexicography, word-formation, multi-word expressions, phraseme

For citation: Aklaev, A. R. (2023). Peculiarities of Lexico-Syntactic Word-Formation in the Contemporary Italian Language: Criteria of Identification and Productivity of Multi-Word Expressions (polirematiche). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 9–15. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_9

ВВЕДЕНИЕ

Важной тенденцией современного этапа развития словарного состава романских языков, в том числе и итальянского, становится продуктивность лексико-синтаксического способа словообразования. В результате такого типа словообразования номинация предмета осуществляется посредством его описания путем составных наименований. Конструктивным принципом является лексикализация синтагмы: новая лексема образуется из сочетания нескольких слов, которые в речи объединяются в одну номинативную единицу: например, *carta di credito, ferro da stiro, luna di miele, caso da manuale, vestito su misura, carta da parati, andar in scena, vero e proprio, vuoto a perdere, aqua e sapone, scala mobile* и т. п. Возникающие таким образом составные наименования представляют собой устойчивые сочетания формально отделенных друг от друга слов, которые образуют единое семантическое целое и по своей номинативной функции эквивалентны одному слову. Они являются многословной лексической единицей, значение которой не сводимо к простой сумме значений слов-компонентов. По своей природе такие составные наименования представляют собой явления, находящиеся на стыке между словообразовательным и синтаксическим уровнями языка.

В современном итальянском языке составные наименования (полиремы) высоко частотны по узусу и обладают высокой степенью продуктивности, их систематическое изучение началось в начале 1990-х годов, и вопрос об их статусе как особой группы лексических единиц до сих пор не определен окончательно и даже отсутствует их однозначная дефиниция. В зависимости от фокуса и контекста анализа в итальянистике используются различные термины для обозначения составных наименований. В лексикографии они называются полирематическими (букв. 'многословными') единицами (*unita' polirematiche*), или полиремами (*polirematiche*) (греч. *poly* – много и *rema* – слово) и трактуются как последовательности слов, обладающих единым значением. Так, М. Вогера определяет полиремы как сочетания слов, воспринимаемые носителями языка как единая лексическая единица, но при этом не обладающие морфологическими свойствами, типичными для слова, при этом степень их внутренней когезии превышает ожидаемую внутри обычной синтагмы [Voghera, 2004]. Полиремы являются неотъемлемой частью словарной статьи в любом толковом словаре итальянского языка.

В исследованиях по морфологии слова, по ассоциации с обычными морфологически сложными

однословными лексемами (моноремами), образованными из двух корневых морфем в результате словосложения, употребляются термины «составная лексема» («*lessema composto*») [De Mauro, Voghera, 1996] и «составное слово» («*complessa*») [Simone, 2008]. В работах по итальянской лексикологии для обозначения того же явления употребляется термин «лексическая единица более высокого уровня» («*unità lessicale superiore*») [Dardano, 1978], которая трактуется как семантически эквивалентное одному слову устойчивое многословное сочетание. Наряду с этим, в лексикологических работах употребляются и другие термины, подчеркивающие структурные отличия полиремы от моноремы: «лексикализованная синтагма» («*sintagma lessicalizzato*») [Marello, 1996] и «синтагматическое слово» («*parola sintagmatica*») [Masini, 2009].

Полиремы являются актуальным предметом современных дискуссий в итальянистике. Важный аспект дискуссий представлен вопросом об отличительных признаках полирем, которые могут быть использованы в качестве критериев их отграничения как от обычных слов (однословных наименований, или монорем), так и от других типов устойчивых синтагм (коллокаций и фразеологизмов). Этим вопросам посвятили свои исследования такие известные итальянские лингвисты, как М. Вогера (2004), М. Дардано и П. Трифоне (1995), Ф. Мазини (2019), Р. Симоне (2008), Л. Сквилланте (2016). В работах К. Марелло (1996) и Ф. Мазини (2011) рассматривается взаимовлияние процессов грамматикализации и лексикализации, лежащих в основе переосмысления синтагмы в качестве составного наименования. Качественное разнообразие полирематических лексем стимулировало попытки ученых предложить и обосновать различные типологии полирем на основе семантических, структурно-морфологических и структурно-семантических критериев [Voghera, 2004; Masini, 2009]. Кроме того, очевидный факт неуклонного количественного роста составных наименований в словаре современного итальянского языка и их широкая употребительность в речи вызвал появление специальных работ, посвященных продуктивности полирематических сочетаний и их моделей [Ježek, 2005; Masini, 2012], а также дискуссии о принципах их лексикографической фиксации [De Mauro, 2005; Giuliani, 2008; Simone, Piu'no, 2017].

Цель статьи – привлечь внимание к составным наименованиям (полиремам) в современном итальянском языке и обрисовать основные контуры соответствующей проблематики. В этой связи поставлены следующие задачи: 1) обобщить основные направления дискуссий об отличительных семантических, структурных и функциональных

признаках итальянских полирем и связанных с этим критериях выделения их среди других языковых единиц; 2) охарактеризовать наиболее актуальные показатели и факторы продуктивности полирем, которые становятся предметом новейших лексикологических исследований в итальянском языкознании.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ПОЛИРЕМ И КРИТЕРИИ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

На современном этапе лексикологических исследований большинство ученых выделяют как минимум три группы признаков полирем: 1) семантическая целостность; 2) лексическая и синтаксическая кристаллизация; 3) частотность и функциональная маркированность употребления в речи.

Семантическая целостность означает наличие между компонентами полиремы специфической семантической общности, своего рода смысловой спаянности. Хотя одно многосоставное наименование объединяет два или более самостоятельно употребляющихся в речи слова. Значение полиремы не сводится к простой сумме значений образующих ее слов-компонентов. При этом степень семантической транспарентности может быть разной: есть полиремы весьма прозрачные с семантической точки зрения, например *carta di credito, occhiali da sole, letto a castello, mulino a vento, carta da lettera, tavolo da cucina*, но есть и менее очевидные, как *luna di miele* (медовый месяц), *terzo mondo* (развивающиеся страны), *ferro da cavallo* (подкова). Важно, что составляющие полирему слова, хотя и сохраняют свою форму и функцию, оказываются настолько тесно связаны семантически, что возникает общее значение более высокого уровня. В работах итальянских лингвистов его называют *надзначением* (*un sovrappiù semantico*).

Лексическая и синтаксическая кристаллизация проявляется в неизменности внешнего облика полиремы, которая основана на высокой степени связанности ее компонентов по сочетаемости. Следствием такой кристаллизации структуры становится принципиальная невозможность как лексических, так и синтаксических вариаций внутри полиремы. С лексической точки зрения, слова-компоненты не поддаются синонимической замене. С синтаксической точки зрения, внешний облик полиремы четко фиксирован, недопустимы ни изменения флексий зависимых слов-компонентов, ни изменения в порядке слов-компонентов, ни их синтаксическое распространение.

Действительно, любые гипотетически изменения приводят либо к искажению смысла, либо

к его утрате. Например, очевидна невозможность синонимической замены внутри полиремы *colonna sonora* на **pilastro sonoro* или в *carta da lettera* на **foglio da lettera*. Равным образом, внутри субстантивных полирем нельзя изменить форму числа (единственное на множественное или наоборот) либо у одного из компонентов (*camicia da notte*, но не **camicia da notti*; *carta da parati*, но не **carta da parato*), либо у обоих (*alte sfere*, но не **alta sfera*), хотя для адъективных полирем такая возможность иногда есть (*scala mobile* и *scale mobili*). Таким образом, слова-компоненты полиремы превращаются в подобия морфем в сложном по составу (состоящим из двух корней) слове-монореме. Даже если возможность флексивной вариации формально существует (например, для полиремы *vedere rosso* через вариации *vedere un rosso, vedere rossi, vedere il rosso*, где зависимое слово-компонент восстанавливает свою способность самостоятельного изменения), тем не менее измененные синтагмы либо утрачивают при этом семантическую целостность единой полиремы, либо приобретают иное, новое, значение (например, *fare scemo, scema* по сравнению с *fare lo scemo, la scema*), становясь таким образом новой лексемой.

Синтаксическая кристаллизация полиремы обуславливает еще ряд особенностей поведения ее слов-компонентов. С одной стороны, это невозможность изменения порядка слов, нереализуемость инверсии конститuentов внутри полиремы. Например, недопустимо **risposta e botta* для полиремы *botta e risposta*. Равным образом, нельзя сказать **quel permesso è di soggiorno* вместо *quello è un permesso di soggiorno*. С другой стороны, жесткая фиксированность порядка слов-компонентов обуславливает недопустимость распространения компонентов полиремы при помощи внешних по отношению к этой полиреме слов. Так, препозиция или постпозиция прилагательного-определения возможна только по отношению ко всей полиреме, но не внутри ее: возможны *un buon ferro da stiro* либо *un ferro da stiro buono*, но недопустимы варианты разрыва структуры полиремы через вставку зависимого определения **un ferro buono da stiro* или **un ferro da buono stiro*. Соответственно, для полирем *biglietto da visita* или *casa di cura* невозможны варианты **biglietto grosso da visita* или **casa spaziosa di cura*. Наконец, недопустима местоименная замена слов-компонентов полиремы, например, для *cartone animato* невозможна трансформация: **Quelli animati sono i cartoni che preferisco*.

Семантическая целостность, а также лексическая и синтаксическая кристаллизация являются теми отличительными признаками, которые

позволяют выделять полирематические лексемы на фоне других языковых единиц.

На лексико-морфологическом уровне полиремы (состоящие из двух и более слов) сходны с монорематическими композитами, или сложными словами (состоящими из двух и более корневых морфем, например, *terremoto*, *dolceamaro*, *malvolentieri*, *qualsiasi*). Компоненты как полирем, так и монорем-композитов образуют единый семантический блок и только вместе выражают значение, относящееся к денотату. Однако, в отличие от слов-композитов, составные компоненты полиремы остаются четко отделенными друг от друга.

На синтаксическом уровне полиремы представляют собой устойчивые синтагмы, и в этом они сходны с коллокациями и фразеологизмами, занимая промежуточное положение между ними.

С одной стороны, полиремы очень близки к коллокациям, под которыми понимают сочетания двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. Как отмечается в лексикографических исследованиях по теории сочетаемости, в основе коллокаций лежит семантико-грамматическая обусловленность элементов словосочетания, при этом их признаками являются воспроизводимость и регулярность, относительная свобода сочетаемости и широкая распространенность в языке [Иорданская, Мельчук, 2007]. Вместе с тем сочетаемость слов-компонентов внутри полирем более жесткая, чем в коллокациях, так как синтаксическая кристаллизация полиремы в принципе не допускает вариативности. Например, сочетания *cambiare un parato*, *assegnare un compito*, *fetta di pane* представляют собой коллокации, так как в них возможна замена хотя бы одного из компонентов синтагмы при сохранении общего смысла (например, допустимы сочетания *rinnovare il parato*, *dare* или *attribuire il compito*, *pezzo di torta*). В полиремах такая замена, напротив, полностью исключена: компоненты полиремы не обладают свободой сочетаемости и не допускают синонимичной замены. Так возможны только сочетания *colonna sonora* или *carta da parati*, но не **pilastro sonoro* или **carta da rivestimenti*.

С другой стороны, полиремы близки к фразеологизмам по признаку жесткой фиксированности структуры, но отличаются от них семантически, по типу номинации и отсутствию коннотаций. Полиремы представляют собой первичные номинации, являются средством называния, выделения и классификации обозначения. Например, полиремы с опорным словом *rosa*, принадлежащие к специальной лексике, выполняют чисто номинативную функцию и обладают только денотативным значением: (*meteor.*) *rosa dei venti*, (*mar.*) *rosa della bussola*, (*zool.*) *rosa di mare*. Фразеологизмы,

напротив, представляют собой вторичную номинацию, возникающую на основе переносного, метафорического значения и помимо основного, денотативного значения, обладают также эмоционально-экспрессивными и образными коннотациями. Например, *stare su un letto di rose*, *non c'è rosa senza spine*, *fresco come una rosa*, *una cura all'acqua di rose*. Если у фразеологизма экспрессивно-образные коннотации являются его сущностным свойством, то в семантической структуре полиремы коннотации не играют заметной роли.

Частотность и функциональная маркированность представляют собой отличительные признаки полирем, характерные для их употребления в речи. В современном итальянском языке полиремы представляют собой лексический пласт, который не только количественно обширен, но и весьма разнообразен типологически и по употребительности в речи.

В наиболее авторитетном и самом полном на сегодняшний день толковом словаре итальянского языка («Grande dizionario italiano dell'uso» – GRADIT), под редакцией Т. де Мауро, среди общего корпуса зарегистрированных лексических единиц (св. 360 тыс.) количество полирем превышает одну треть (их свыше 130 тыс. единиц), в том числе около 63 тыс. полирем представлены в качестве отдельных подлемм с развернутым толкованием, еще примерно 67 тыс. полирем толкуются через отсылки и еще 1 750 полирем имеют автономные леммы¹.

Полиремы разнообразны типологически, по своей принадлежности к частям речи. Среди них представлены полиремы именные, или субстантивные (*carta di credito*, *ferro da cavallo*, *gioco di carte*, *ordine del giorno*), глагольные (*stare al verde*, *andare in scena*, *mettere in moto*), адъективные (*alla mano*, *acqua e sapone*, *usa e getta*), прономинальные (*che cosa*, *lo stesso*), адвербиальные (*più o meno*, *a suo tempo*), предложные и союзные (*nella misura in cui*, *in modo che*, *fermo restando che*), междометные (*mamma mia*, *santo cielo*). Из 63 тыс. полирем, зафиксированных в GRADIT в качестве подлемм с собственными дефинициями, подавляющее большинство (84 %) составляют субстантивные, среди остальных – глагольные (7 %), адъективные (3 %), адвербиальные (4,5 %), предложные и союзные (0,7 %) междометные (0,3 %), прономинальные (0,04 %) [Voghera, 2004].

С функциональной точки зрения, большинство полирем маркированы и связаны со специальной лексикой (например, *anno accademico*, *amministratore delegato*, *particella elementare*, *campo semantico*). В словаре GRADIT пометы об употреблении

¹De Mauro T. Grande dizionario italiano dell'uso. Torino: UTET, 1999–2000.

в специальной лексике фиксируются для 89 % именных полирем [Voghera 2004, с. 58]. Очевидна близость подавляющего большинства полирем к терминологической и официально-деловой разновидности специальной лексики. Вместе с тем по частотности употребления преобладают, конечно же, нетерминологические полиремы, представляющие собой названия конкретно-бытовых предметов. Как отмечают исследователи, для некоторых понятий часто не существует иных способов номинации, кроме как при помощи полирем, например, *macchina da scrivere, frutto di mare, carta di credito, giacca a vento, ferro da stiro, ferro da cavallo* и т. п. [Squillante, 2016, с. 8]. Если термины употребляются как специальные названия для тех или иных понятий науки, техники, социально-экономической или культурной жизни, то отличительная черта функционирования названий конкретно-бытовых предметов – это их общепонятность и широкая употребительность.

Интересно заметить, что многие общеупотребительные слова включают в свою семантическую структуру десятки полирем, относящихся к специальной лексике. Так, в словаре GRADIT 8 из 15 значений лексемы *campo* снабжены пометой *TS* (что означает «употребляется в технической или специальной лексике») и каждое из них содержит от 5 до 12 полирем со специальным толкованием. Например, только для одного значения с пометой *fis.* (*употребляется в физике*) приводятся толкования таких полирем, как *campo di forze, campo elettrico, campo magnetico, campo elettromagnetico, campo gravitazionale, campo visivo, campo ottico* и др.

ПОКАЗАТЕЛИ И ФАКТОРЫ ПРОДУКТИВНОСТИ ПОЛИРЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Отличительной чертой лексико-синтаксических моделей образования составных наименований (полирем) в современном итальянском языке, является их высокая продуктивность. В этой связи в новейшей литературе интенсивно обсуждаются показатели и факторы этой продуктивности.

Среди основных показателей (индикаторов) продуктивности образования полирем обращают на себя внимание следующие. Во-первых, в подавляющем большинстве полиремы относятся к активному словарю. Среди них практически полностью отсутствуют архаизмы. Статистические исследования словника словаря GRADIT показали, что лишь 1,3 % от общего числа полирем имеют пометы употребительности *arc* – *архаичное*, *lett* – *книжно-литературное* или *BU* – *нечастое по узусу* [Voghera, 2004].

Во-вторых, среди высокочастотных по употребительности полирем, имеющих пометы *FO* (*di uso fondamentale* «базовое по узусу») и *AU* (*alto uso* «высокочастотное по узусу»), свыше половины являются многозначными. Так, у полиремы *mettere da parte* частотность употребления способствовала формированию в современном языке четырех значений: а) «*mettere da un lato*»; б) «*eliminare*», в) «*risparmiare*»; г) «*tener da conto*» [там же].

В-третьих, исследователи обращают внимание на тот факт, что полиремы часто становятся моделью для аналогичных лексико-синтаксических производных образований, воспроизводящих либо первое (опорное) слово-компонент полиремы (*stato di emergenza* – *stato di necessità; lista di attesa* – *lista di leva*), либо второе (*stato di emergenza* – *governo di emergenza, lista di attesa* – *sala di attesa*) [Dardano, Trifone, 1995].

В качестве основных групп факторов, способствующих очевидной продуктивности полирематических моделей лексико-синтаксического словообразования в современном итальянском языке можно выделить следующие:

- во-первых, играет роль общечеловеческий фактор – продуктивность образования многословных наименований связана с креативной способностью носителей языка к созданию новых слов. По мнению М. Дрога, словотворчество является одним из проявлений индивидуальности языковой личности и отражает процесс выявления потенциала языка, не реализованного в узусе и норме. При этом среди причин, побуждающих к словотворчеству в первую очередь играют роль стремление к новизне выражений и желание создать неожиданный словесный образ;

- во-вторых, лексико-синтаксические модели словообразования, приводящие к созданию полирем, связаны со спецификой современного этапа развития романских языков, в частности гармонично сочетаются с действующей на современном этапе их развития тенденцией к аналитизму в образовании языковых единиц разных уровней. Т. де Мауро утверждает, что в романских языках, особенно во французском и итальянском, образование полирематических лексем может считаться функциональным аналогом глагольного и именного словосложения в тех языках, где морфологическое словообразование более активно и продуктивно, чем в неолатинской традиции [De Mauro, 1999]. Ранее такую же гипотезу в отношении французского языка выдвинул в 1966 году Э. Бенвенист;

- в-третьих, продуктивность образования полирем в современном итальянском языке связана с их функциональной маркированностью, близостью к специальной, особенно терминологической лексике. Естественно, что в условиях современного

развития цивилизации, ее неуклонный научно-технический прогресс отражается в словарном составе. Так как полиремы абсолютно преобладают в составе специальной лексики, их число также неуклонно растет;

– в-четвертых, продуктивности полирем как в специальной, так и в общепотребительной лексике современного итальянского языка способствуют также и процессы калькирования заимствованных полирем из французского и особенно английского языков. Так, словарь GRADIT фиксирует свыше 1 700 таких единиц, в том числе, например, полирематические экзотизмы (*clip art, digital divide, private banking, week end* и т. п.) и полирематические кальки (*danno collaterale, fine settimana, fuoco, amico, museo virtuale, patto di stabilità*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном итальянском языке ярким и продуктивным проявлением процессов лексико-синтаксического словообразования являются полиремы. Они составляют свыше одной трети зарегистрированных лексем словарного состава, очень распространены

в речи и представляют собой обширный лексический пласт, неуклонно растущий количественно, прежде всего за счет именных (субстантивных) полирем в специальной лексике.

Систематическое изучение полирем в итальянском языкознании началось сравнительно недавно, на рубеже 1980–1990-х годов, и до сих пор их статус еще не определен окончательно, о чем свидетельствует разноречивая терминология даже на уровне дефиниций. К настоящему времени в итальянской лексикологической и лексикографической литературе сложился консенсус по основным составляющим концептуальной карты исследований в области полирематике, в частности, по таким проблемам, как выявление отличительных признаков полирем с семантико-структурной и функциональной точек зрения, которые выступают в качестве критериев выделения полирем на фоне сходных языковых единиц – слов-композигов, коллокаций и фразеологизмов.

В фокусе внимания новейших исследований современного итальянского лексико-синтаксического словообразования находится проблематика показателей и выявления факторов продуктивности многосоставных наименований (полирем).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Voghera M. Polirematiche // La formazione delle parole in italiano. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. P. 56–69.
2. De Mauro T., Voghera, M. Scala mobile. Un punto di vista sui lessemi complessi // Italiano e dialetti nel tempo / Saggi di grammatica per G. C. Lepschy. Roma: Bulzoni, 1996. P. 99–131.
3. Simone R. Verbi sintagmatici come costruzione e come categoria // I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Stato dell'arte e prospettive di ricerca. Berlin: Peter Lang, 2008. P. 13–30.
4. Dardano M. La formazione delle parole nell'italiano di oggi. Roma: Bulzoni, 1978.
5. Marelli C. Le parole dell'italiano: Lessico e dizionari. Bologna: Zanichelli, 1996.
6. Masini F. Combinazioni di parole e parole sintagmatiche // Spazi linguistici. Studi in onore di Raffaele Simone. Roma: Bulzoni, 2009. P. 191–209.
7. Ježek E. Lessico: classi di parole, strutture, combinazioni. Bologna: Il Mulino, 2005.
8. Masini F. Parole sintagmatiche in italiano. Roma: Caissa Italia, 2012.
9. De Mauro T. La fabbrica delle parole. Il lessico e problemi di lessicologia. Torino: Utet Libreria, 2005.
10. Giuliani M. Le polirematiche nel TLIO: pratiche lessicografiche, dati e criteri di classificazione // Proceedings of the XIII EURALEX International Congress Barcelona: Institut universitari de lingüística aplicada Universitat Pompeu Fabra, 2008. P. 1123–1138.
11. Simone R., Piuino V. Combinazioni di parole che costituiscono entrata. Fenomeni, rappresentazione lessicografica e aspetti lessicologici // Studi e Saggi Linguistici. 2017. Vol. 55. № 2. P. 13–44.
12. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре М.: Языки славянской культуры, 2007.
13. Squillante L. Polirematiche e collocazioni dell'italiano. Uno studio linguistico e computazionale. Hildesheim: Universitätsverlag, 2016.
14. Dardano M., Trifone P. Grammatica italiana con nozioni di linguistica. Bologna: Zanichelli, 1995.
15. De Mauro T. Postfazione al Grande Dizionario Italiano dell'Uso // Grande Dizionario Italiano dell'Uso / ed. by T. De Mauro. Torino: UTET, 1999. Vol. 6. P. 1163–1211.

REFERENCES

1. Voghera, M. (2004). Polirematiche. In Grossman, M., Rainer, F. (eds.), *La formazione delle parole in italiano* (pp. 56–69). Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
2. De Mauro, T., Voghera, M. (1996). Scala mobile. Un punto di vista sui lessemi complessi. In *Italiano e dialetti nel tempo* (pp. 99–131). Saggi di grammatica per G. C. Lepschy. Roma: Bulzoni.
3. Simone, R. (2008). Verbi sintagmatici come costruzione e come categoria. In Cini, M. (ed.), *I verbi sintagmatici in italiano e nelle varietà dialettali. Stato dell'arte e prospettive di ricerca* (pp. 13–30). Berlin: Peter Lang.
4. Dardano, M. (1978). *La formazione delle parole nell'italiano di oggi*. Roma: Bulzoni.
5. Marelli, C. (1996). *Le parole dell'italiano: Lessico e dizionari*. Bologna: Zanichelli.
6. Masini, F. (2009). Combinazioni di parole e parole sintagmatiche. In *Spazi linguistici. Studi in onore di Raffaele Simone* (pp. 17–38). Roma: Bulzoni.
7. Ježek, E. (2005). *Lessico: classi di parole, strutture, combinazioni*. Bologna: Il Mulino.
8. Masini, F. (2012). *Parole sintagmatiche in italiano*. Roma: Caissa Italia.
9. De Mauro, T. (2005). *La fabbrica delle parole. Il lessico e problemi di lessicologia*. Torino: Utet Libreria.
10. Giuliani, M. (2008). Le polirematiche nel TLIO: pratiche lessicografiche, dati e criteri di classificazione (pp. 1123–1138). In *Proceedings of the XIII EURALEX International Congress Barcelona: Institut universitari de linguística aplicada Universitat Pompeu Fabra*.
11. Simone, R., Piunno, V. (2017). Combinazioni di parole che costituiscono entrata. *Fenomeni, rappresentazione lessicografica e aspetti lessicologici. Studi e Saggi Linguistici*, 55(2), 13–44.
12. Iordanskaya, L. N., Mel'chuk, I. A. (2007). *Smysl i sochetajemost' v slovarje = Meaning and collocability in a dictionary*. Moscow: Jazyki slavianskoi kultury. (In Russ.)
13. Squillante, L. (2016). *Polirematiche e collocazioni dell'italiano. Uno studio linguistico e computazionale*. Hildesheim: Universitätsverlag.
14. Dardano, M., Trifone, P. (1995). *Grammatica italiana con nozioni di linguistica*. Bologna: Zanichelli.
15. De Mauro, T. (1999). Postfazione al Grande Dizionario Italiano dell'Uso. In T. De Mauro (ed.), *Grande Dizionario Italiano dell'Uso*, 6, 1163–1211. Torino: UTET.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аклаев Айрат Равильевич

кандидат исторических наук
доцент кафедры итальянского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aklaev Airat Ravilievich

PhD (History)
Associate Professor of the Italian Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.11.2022
06.06.2022
11.07.2022

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_16

Двойные модальные сочетания XX–XXI веков (социолингвистический аспект)

Э. К. Барсукова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

elia2605@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается двойная модальность с точки зрения социолингвистики. Самые частотные сочетания, определенные корпусным методом, анализируются на предмет влияния на них таких социолингвистических переменных, как возраст, гендер и образование респондентов. Исследование показало географическое распространение двойной модальности, ее использование разными возрастными и гендерными группами, а также употребление сочетаний в разных речевых ситуациях и типах дискурса.

Ключевые слова: модальность, двойная модальность, двойные модальные сочетания, социолингвистика

Для цитирования: Барсукова Э. К. Двойные модальные сочетания XX–XXI веков (социолингвистический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 16–21. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_16

Original article

Double Modal Combinations of the 20th–21st Centuries (sociolinguistic aspect)

El'mira K. Barsukova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

elia2605@yandex.ru

Abstract. This article looks into the sociolinguistic aspect of double modality. The most frequent combinations, attested through the corpus-based method, were subjected to a sociolinguistic analysis to see how age, gender and level of education of the respondents influence presence of double modality in their speech. We state geographical expansion of the phenomenon, its acceptance by various gender and age groups and its usage in different types of discourse and speech situations.

Keywords: modality, double modality, double modal combinations, sociolinguistics

For citation: Barsukova, E. K. (2023). Double modal combinations of the 20th–21st centuries (sociolinguistic aspect). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 16–21. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_16

ВВЕДЕНИЕ

В английском языке велика вероятность встретить сочетания двух модальных глаголов по типу *might could* или *might should*, именуемые двойной грамматической модальностью. При незнании данное явление может трактоваться изучающими английский язык как нарушение грамматической нормы и, соответственно, как ошибочное употребление языковой единицы, однако важно понимать, что ошибкой как таковой это не является.

Двойная грамматическая модальность представляет собой явление, характерное преимущественно для южных штатов США, севера Англии и территории Шотландии и подразумевающее по своей природе сочетания двух модальных глаголов в предложениях типа *It might could work in our favour* или *You might should just try it out the way it is*. Исследования в области семантики показывают, что первый компонент выражает эпистемическую модальность, а второй – корневую, которая, в свою очередь, также может подразделяться на динамические или деонтические значения [Nagle, 1997; Bour, 2015].

Двойные модальные сочетания оказались в центре внимания исследователей преимущественно во второй половине XX века. Ученые рассматривали истоки их происхождения [Montgomery, Nagle, 1993], их прагматический функционал и синтаксические характеристики [Di Paolo, 1989; Battistella, 1995; Hasty, 2012], а также социолингвистический аспект употребления двойной модальности [Hasty, 2011].

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ЕЕ АСПЕКТЫ, РЕЛЕВАНТНЫЕ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С точки зрения социолингвистики учеными проводились синхронные исследования на предмет употребления модальных сочетаний в речи носителей американского варианта английского языка. В частности, М. Ди Паоло и Ч. МакКленон [Di Paolo, McClenon, 1979] были первыми, кто предпринял попытку установить, как социальные характеристики респондентов (принадлежность индивида к сельской или городской местности и возраст от 16 до 65 лет) влияют на использование в речи двойной модальности. В ходе эксперимента выяснилось, что более высокий процент осведомленности в вопросе модальных сочетаний демонстрируют респонденты 45–65 лет преимущественно из сельской местности (отметим, что исследование было релевантно только для штата Техас). Аналогичный анализ воздействия социальных факторов на речевое поведение респондентов был проведен

К. Фиджин в штате Алабама [Feagin, 1979]; при этом, внимание уделялось не только неязыковым социальным факторам (возраст, гендер и др.), но и фактору принадлежности индивида к определенному социальному слою или классу. Основываясь на 98 случаях, К. Фиджин говорит о «тяготе» (более частом использовании) к модальным сочетаниям менее образованных респондентов, а также отмечает так называемое неосознанное употребление модальности, характерное для всех опрошенных. Иными словами, прямой и однозначной связи как таковой между социальными факторами и использованием сочетаний не устанавливается. С такими выводами в дальнейшем не согласится Д. Хейсти [Hasty, 2011], который на примере штата Теннесси установил, как три основных фактора – возраст, гендер и образование – определяют наличие двойных модальных сочетаний в речи. Основные выводы анализа Д. Хейсти можно сформулировать следующим образом:

- возраст респондентов является основным фактором, определяющим наличие или отсутствие сочетаний в речи. Группа молодого возраста (19–29 лет) показала самый высокий процент принятия сочетаний, за ними идет старшая и далее средняя группа;
- группа среднего возраста наименее склонна признавать правомерность употребления подобных сочетаний в силу своей «консервативности» в вопросах языка;
- более «лояльными» к сочетаниям оказались мужчины и группа респондентов без высшего образования [там же].

Итак, основываясь на результатах имеющейся исследовательской практики с позиции социолингвистики, можно сделать вывод, что употребление двойной модальности считалось признаком неграмотности респондентов или их принадлежности к малообразованному сословию. Упомянутые работы лишь фрагментарно отражают картину явления, так как до недавнего времени затрагивали только определенные районы. В связи с этим кажется целесообразным провести социолингвистическое исследование на основе имеющегося материала (XX–XXI вв.), а также принимая во внимание общую тенденцию к географической экспансии двойной модальности за пределы внутреннего круга.

БАЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная цель данной статьи – выявить связь между такими социолингвистическими характеристиками респондентов, как возраст, гендер и уровень образования и их речевым поведением,

в частности, с использованием в речи двойной грамматической модальности. Примеры употребления самых частотных сочетаний анализируются с учетом социального контекста ситуации, территориального распространения и типа дискурса.

Определение самых частотных сочетаний проводилось при помощи корпусных данных, примеров из личной практики исследователей (М. Монтгомери, С. Нейгла и др.), а также с опорой на специально созданную информационную базу MultiMo, которая дает представление об употреблении сочетаний преимущественно в XX веке, в то время как корпусы – в XXI веке.

Использованные корпусы:

- COCA Corpus, объемом 1 млрд слов, американский вариант английского языка, 1990–2019 гг.;
- GloWbE Corpus, объемом около 2 млрд слов, 2012–2013 гг., 20 стран;
- iWeb Corpus, объемом 14 млрд слов, 2017 год, 6 стран;
- Coronavirus Corpus, объемом 1,5 млрд слов, обновляющийся ежедневно и берущий начало в январе 2020 года, 20 стран.

Общий набор сочетаний, отмеченных в литературе, довольно велик, и нам для проведения социолингвистического анализа необходимо было сначала установить, какие из них являются самыми частотными. Общее количество имеющихся в нашем распоряжении примеров составило около 3,5 тыс. Из них самыми частотными являются *might could*, *might would*, *might should*.

Таблица 1

УПОТРЕБЛЕНИЕ *MIGHT COULD*

Социальные характеристики		в %
Гендер	мужчины	62,2
	женщины	37,8
Возраст	до 20	4,6
	20–30	11,5
	30–50	61,0
	от 50	22,9
Образование	среднее	13,0
	высшее	62,0
	ученая степень	25,0
Местоположение	США (юг)	57,0
	США (др.)	18,7
	внутренний круг	9,3
	внешний круг	15,0
Тип дискурса	устный	49,0
	письменный (худ.)	6,0
	письменный (медиа)	20,0
	письменный (Интернет)	24,0

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты исследования примеров употребления сочетаний с *might could* представлены в таблице 1. Это сочетание часто встречается в южных штатах США (Джорджия, Кентукки, Флорида, Алабама, Северная и Южная Каролина и др.) и в ряде неюжных штатов (Аризона, Висконсин, Пенсильвания, Небраска). Также можно отметить, что оно вышло за пределы внутреннего круга (Великобритания, США, Канада, Австралия,) и распространилось во внешний (Сингапур, Гонконг, Замбия и др.). Например:

...your wife and tell her how you truly feel. In a loving way you **might could** encourage her to go talk to a therapist (*GloWbE Corpus*, 2014) – Замбия.

I purchased apple cider, and didn't use it all, and thought it **might could** be a good starter (*GloWbE Corpus*) – Сингапур.

...but of course also a «traffic light» functionality showing a stability figure which **might could** be achieved by comparing a long history average against a short history average (*GloWbE Corpus*) – Гонконг.

Значимым социолингвистическим признаком, определяющим использование двойной модальности, является возраст. По этому показателю с большим отрывом (61 %) «лидирует» группа среднего возраста, что отличается от данных, полученных Д. Хейсти в 2011 году. Более лояльны к *might could* мужчины (62 %) и люди с высшим образованием (62 %). Это также идет в разрез с утверждениями о том, что употребление двойной модальности является признаком неграмотности респондентов.

Для сочетания *might could* характерно употребление как в устном, так и в письменном дискурсе практически в равных соотношениях (49 % и 51 %). В устной речи это могут быть как ситуации повседневного общения между друзьями, так и ситуации неравного общения, например:

You **might could** check back in a month or two (*DiPaolo*, 1980) – секретарь клиенту

В устном дискурсе компонент *might* выступает в роли хеджирующего элемента с целью уменьшить давление на собеседника, минимизировать угрозу его «негативному лицу». Согласно теории вежливости Браун-Левинсона [Brown, Levinson, 2014], такая угроза возникает при использовании говорящим речевых актов (например, предложения), потенциально ограничивающих свободу действий слушающего.

Забегая вперед отметим, что эта функция также характерна для сочетаний *might should* и *might would*.

В письменном типе дискурса *might could* встречается в художественной литературе (преимущественно для придания герою «южного колорита»), в различных медиа и в Интернете. Результаты употребления следующего сочетания *might would* представлены в таблице 2.

78 % случаев употребления *might would* приходятся на США (из них большинство – юг): Техас, Кентукки, Северная и Южная Каролина, Флорида. Также отмечаем случаи распространения в других странах внутреннего круга – Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Во внешнем круге регистрируются 11 % случаев, например:

The key isn't as tricky as many people **might would** think! (*iWeb Corpus*, 2011) – Танзания.

What comes to your mind when I say marketing, well it **might would** probably be buying and selling (*GloWbE Corpus*) – Бангладеш.

I know this used to be a place for urbanism and the last thing you **might would** expect here is children stuff (*GloWbE Corpus*) – Танзания.

Might would используется в речи и мужчинами, и женщинами без очевидной гендерной разницы

в частотности. В основном это молодые люди от 20 до 30 лет (40 %) или респонденты средних лет (38 %). Результаты анализа данного сочетания также идут в разрез с утверждениями о связи двойной модальности и малограмотности людей, ее использующих: 45 % респондентов имеют высшее образование.

Анализ третьего сочетания *might should* в рамках настоящей статьи показан в таблице 3. Сочетание *might should* используется в речи и женщинами, и мужчинами с небольшой разницей. На долю мужчин-респондентов приходится 67 %. Анализ такого социолингвистического фактора как возраст показал, что в большинстве случаев это либо молодые люди до 30 лет, либо люди среднего возраста: случаев *might should* в речи подростков до 20 лет отмечено пока не было.

Большинство респондентов имеют степень бакалавра или магистра, среднее образование имеют преимущественно «опрошенные» старше 60 лет, а 26%, использующих двойную модальность, имеют ученую степень. Отметим, что сочетание *might should* на регулярной основе употребляется врачами со степенью кандидата или доктора наук, обоих гендеров, преимущественно от 30 до 50 лет в разговоре с пациентами (что само по себе также представляет ситуацию неравного общения), и в некоторой степени напоминает *might could*, например:

Таблица 2

УПОТРЕБЛЕНИЕ *MIGHT WOULD*

Социальные характеристики		в %
Гендер	мужчины	51,0
	женщины	49,0
Возраст	до 20	9,0
	20–30	40,0
	30–50	38,0
	от 50	13,0
Образование	среднее	26,0
	высшее	71,0
	ученая степень	3,0
Местоположение	США (юг)	61,0
	США (др.)	17,0
	внутренний круг	11,0
	внешний круг	11,0
Тип дискурса	устный	42,0
	письменный (худ.)	4,0
	письменный (медиа)	9,0
	письменный (Интернет)	45,0

Таблица 3

УПОТРЕБЛЕНИЕ *MIGHT SHOULD*

Социальные характеристики		в %
Гендер	мужчины	67,0
	женщины	33,0
Возраст	до 20	0,0
	20–30	39,0
	30–50	37,0
	от 50	24,0
Образование	среднее	16,0
	высшее	58,0
	ученая степень	26,0
Местоположение	США (юг)	58,0
	США (др.)	23,0
	внутренний круг	10,0
	внешний круг	9,0
Тип дискурса	устный	51,0
	письменный (худ.)	6,0
	письменный (медиа)	9,0
	письменный (Интернет)	34,0

...you **might should** take it for 2 weeks and then go off for two weeks, or take it for a month and then go off it for a month' (*iWeb Corpus*) – США.

Сочетание *might should* широко распространено как в южных штатах США, так и в других штатах (например, Пенсильвания, Иллинойс, Гавайи), а также в странах внешнего круга: Гонконг, Бангладеш, Танзания и др.:

"...for now, this measure **might should** be used to fight the enemies," the editorial stated (*GloWbE Corpus*) – Индия.

When you have a listing of stocks to get, you **might should** diversify them in a method that provides the greatest reward/risk ratio (*iWeb Corpus*) – Танзания.

Что касается неязыковых социолингвистических характеристик, то в целом они аналогичны уже рассмотренным *might could* и *might would*. Не прослеживается большой разницы в вопросе частотности употребления между мужчинами и женщинами, так как и те, и другие используют сочетание примерно в равной степени (51 % и 49 %). Это сочетание употребляется в разных ролевых соотношениях и в разных типах дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основе проведенного социолингвистического исследования двойных модальных сочетаний *might could*, *might would* и *might should* можно сделать следующие выводы:

- 1) в последние десятилетия отмечается тенденция к географической экспансии двойной грамматической модальности. Сочетания расширяют зону своего распространения, выходя за пределы юга США, севера Англии, Шотландии и внутреннего круга в целом;
- 2) двойная модальность принимается и используется разными гендерными и возрастными группами, при этом большинство респондентов имеют высшее образование или ученую степень, что не позволяет рассматривать такого рода сочетания как грамматическую ошибку и признак необразованности;
- 3) использование модальных сочетаний не ограничивается определенным типом дискурса и речевой ситуацией. *Might could*, *might would* и *might should* встречаются и в письменной, и в устной речи: в художественной прозе, в медиадискурсах, в Интернете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nagle S. What is double about double modals? // *Language history and linguistic modelling: festschrift for Jacek Fisiak on his 60th birthday*. Berlin: Mouton de Gruyter. 1997. Vol. 2. P. 513–526.
2. Bour A. Exotic multiple modals: Semantic and morphosyntactic survey. // *Scottish Language*. 2015. 35. P. 14–41.
3. Montgomery M., Nagle S. Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? // *Folia Linguistica Historica*. 1993. Vol. 14 (1–2). P. 91–107.
4. Di Paolo M. Double modals as a single lexical item // *American speech*. 1989. 64. P. 195–224.
5. Battistella E. The Syntax of the Double Modal Construction, 1995. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/la/article/download/22489/26146>
6. Hasty D.J. We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English, 2012. URL: <https://msu.edu/~hastyjam/images/Double%20Modal%20Reanalysis.pdf>
7. Hasty D. J. I Might Not Would Say That: A Sociolinguistic Study of Double Modal Acceptance, 2011. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1197&context=pwpl>
8. Di Paolo M., McClenon C. A survey of double modals in Texas. *Texas Linguistic Forum*. 1979. 13. P. 40–49.
9. Feagin C. Variation and change in Alabama English: A sociolinguistic study of the white community. Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1979.
10. Brown P., Levinson S.D. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

REFERENCES

1. Nagle, S. (1997). What is double about double modals? // *Language history and linguistic modelling: festschrift for Jacek Fisiak on his 60th birthday*. Berlin: Mouton de Gruyter. Vol. 2. P. 513–526.
2. Bour, A. (2015). Exotic multiple modals: Semantic and morphosyntactic survey. // *Scottish Language*. 35. P. 14–41.

3. Montgomery, M., Nagle, S. (1993). Double modals in Scotland and the Southern United States: Trans-Atlantic inheritance or independent development? // *Folia Linguistica Historica*. 1993. Vol. 14 (1–2). P. 91–107.
4. Di Paolo, M. (1989). Double modals as a single lexical item. // *American speech*. 64. P. 195–224.
5. Battistella, E. (1995). The Syntax of the Double Modal Construction. URL: <https://journals.lib.unb.ca/index.php/la/article/download/22489/26146>
6. Hasty, D.J. (2012). We might should oughta take a second look at this: A syntactic re-analysis of double modals in Southern United States English. URL: <https://msu.edu/~hastyjam/images/Double%20Modal%20Reanalysis.pdf>
7. Hasty, D.J. (2011). I Might Not Would Say That: A Sociolinguistic Study of Double Modal Acceptance. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1197&context=pwpl>
8. Di Paolo, M., McClenon C. (1979). A survey of double modals in Texas. *Texas Linguistic Forum*. 13. P. 40–49.
9. Feagin, C. (1979). Variation and change in Alabama English: A sociolinguistic study of the white community. Washington, D. C.: Georgetown University Press.
10. Brown, P., Levinson, S. D. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барсукова Эльмира Камиловна

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка
Московского государственного лингвистического университета
преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barsukova Elmira Kamilovna

PhD Student, Department of Grammar and History of English
Faculty of the English language
Moscow State Linguistic University
Lecturer, Department of Second Foreign Languages
M. Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.11.2022
28.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_22

Смысловое согласование в английском языке и семантика композиционности подлежащего

А. Д. Борзилов¹, М. А. Салькова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹adborz@mail.ru

²smartletters@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется смысловое согласование и уточняется представление о композиционности – семантической доминанте существительного-подлежащего в грамматических основах – репрезентантах смыслового согласования. В целях обоснования омонимичности отдельных групп композиционных существительных используются семантический, контекстуальный и концептуальный методы анализа. Актуальность исследования определяется неоднозначностью и неполнотой имеющихся на сегодняшний день грамматических описаний.

Ключевые слова: смысловое согласование, подлежащее, сказуемое, композиционность, композиционные / собирательные существительные, множественность

Для цитирования: Борзилов А.Д., Салькова М.А. Смысловое согласование в английском языке и семантика композиционности подлежащего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 22 – 29. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_22

Original article

Notional Agreement in Modern English and Semantics of Compositionality of the Subject

Aleksandr D. Borzilov¹, Marina A. Sal'kova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹adborz@mail.ru

²smartletters@mail.ru

Abstract. The article looks into notional agreement and suggests a revised understanding of compositionality as a semantic dominant of the noun-subject in grammatical clauses – representatives of notional agreement. To justify homonymy in some groups of compositional nouns, semantic, contextual and conceptual methods of analysis are employed. The relevance of the study is determined by the lack of consistency and completeness in the present-day grammatical descriptions available.

Keywords: notional agreement, subject, predicate, compositionality, compositional / collective nouns, multitude

For citation: Borzilov, A. D., Salkova, M. A. (2023). Notional Agreement in Modern English and Semantics of Compositionality of the Subject. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 22 – 29. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_22

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – описать семантические особенности собирательных существительных, употребляемых в качестве подлежащих в предложениях со смысловым согласованием главных членов.

Актуальность изучения существительных, способных передавать семантику композиционности, и шире, описания специфики компонентного состава грамматических основ, репрезентирующих смысловое согласование, обусловлена рядом причин.

Во-первых, на сегодняшний день в лингвистической науке явление смыслового согласования принято рассматривать преимущественно в прикладном ракурсе в различных учебных изданиях [Кобрина и др., 1999; Крылова, Гордон, 2003; Бархударов, 2019; Клоуз, 1979; Quirk et al., 1985; Alexander, 1988; Alexander, 1990; Hewings, 2013; Swan, 2016]. Методологически к основным недостаткам имеющихся описаний относится их терминологическая и понятийная противоречивость, избирательность, построение упрощенного объяснения на частных образцах ограниченного объема (например, *The family is / are in the dining-room*), и, как следствие, предлагаемая большинством авторов, произвольность грамматических решений при оформлении основы предложения: «...singular and plural verbs are more or less interchangeable in these contexts...» [Quirk et al., 1985, с. 361]. Слабость данной позиции отражает исследовательский педагогический интерес к тем трудностям, которые испытывают представители различных культур и адресных групп при освоении данной темы в учебной аудитории¹.

Во-вторых, в специализированной научной литературе не обнаружено основательных штудий, касающихся природы варьирования глагольных форм в репрезентантах согласования. Данный вопрос рассматривается в работах ряда исследователей [Crystal, 1987; Veenstra, Acheson, 2016], а также в рамках традиции англосаксонского языкознания, в материалах ведущих периодических изданий (например, «The Times» 2015, «The Guardian» 2016) и в профессиональных блогах лексикографических издательств. Тем не менее особенности смыслового согласования исследованы лингвистами избирательно и на сегодняшний день представляют значительное пространство для субъективной трактовки, давая возможность описать не только поверхностные формальные, но и содержательные взаимоотношения между субъектом и предикатом. При этом

значимость существительного-подлежащего как одного из компонентов репрезентанта смыслового согласования действительно высока:

1) позиционно, оно предваряет сказуемое и имеет тема-определятельный статус;

2) в семантическом ракурсе, оно представляет собой один из актантов глагола-предиката и в рамках обсуждаемого типа предложений является обязательным для употребления;

3) в терминах когнитивистики, оно «инициирует» событие предложения [Кобрина, Болдырев, Худяков, 2007].

Всё это определило круг нашего исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология исследования опирается на положения лингвистической семантики, функциональной грамматики и учитывает востребованную когнитивно-дискурсивную идеологию, а также выраженную антропоцентричность современной парадигмы знания.

Методы и результаты поисковой деятельности преимущественно ориентированы на возможности базы данных FrameNet², которая разработана специалистами Международного института компьютерных наук в Беркли (Калифорния, США). FrameNet представляет собой объемный ресурс разнообразных семантических сведений о лексических единицах английского языка и их валентностных связях. Лексическая база данных FrameNet содержит более 1 200 семантических фреймов, 13 тыс. лексических единиц и 202 тыс. примеров предложений.

Данные о языковых единицах во FrameNet группируются на основе теории значения, сформированной Ч. Филлмором, и далее организуются в семантические фреймы, рассмотренные с разных точек зрения. Продуктом многоаспектной семантической трактовки становится концептуальная структура, описывающая событие, отношение или объект вместе с его участниками.

В качестве сопутствующих методов в статье используются контекстуальный и концептуальный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Изучение теоретических источников грамматической направленности демонстрирует, что принятый в литературе подход к описанию смыслового согласования признает значимость этого

¹URL: <https://www.wgtn.ac.nz/lals/resources/publications/nzej-backissues/2003-laura-vantellini.pdf>

²URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>

вида синтаксической организации предложения, однако не раскрывает сущности данного явления. В частности, в отношении используемых в позиции подлежащего групповых существительных с признаками одушевленности апелляция к понятийной паре *collective* – *multitude* как возможности одного и того же существительного быть либо тем, либо другим на выбор говорящего усиливает существенные недостатки описаний. При данном подходе в первую очередь игнорируется сложность концепта «композиционность», его многообразие и отсутствие произвольности в его реализации лексическими и грамматическими средствами английского языка. Иначе говоря, данная терминологическая дихотомия на фоне идеи о свободе выбора глагольной формы предиката становится источником логического и грамматического противоречия.

Обобщение данных ресурса FrameNet, полученных в ответ на частные запросы о существительных в типичных примерах – иллюстрациях смыслового согласования из проанализированных источников, позволили установить, что центральный семантический признак таких существительных относится к категории / слоту «aggregate»¹. В современном английском языке этот слот представлен в следующих лексических единицах: *army.n, assemblage.n, assembly.n, assortment.n, band.n, batch.n, bevy.n, body.n, book.n, brood.n, bunch.n, circle.n, claque.n, class.n, clique.n, clump.n, cluster.n, clutch.n, cohort.n, collection.n, colony.n, combination.n, community.n, corps.n, coterie.n, covey.n, crew.n, crop.n, crowd.n, family.n, flock.n, flotilla.n, force.n, gaggle.n, gang.n, group.n, harem.n, heap.n, herd.n, horde.n, host.n, huddle.n, legion.n, mob.n, multiplicity.n, multitude.n, pack.n, package.n, party.n, passel.n, population.n, posse.n, quartet.n, quintet.n, repertoire.n, repertory.n, school.n, set.n, sextet.n, shoal.n, slew.n, squad.n, stand.n, swarm.n, team.n, throng.n, tribe.n, trio.n, variety.n*.

Содержание понятия «aggregate» раскрывается в анализе как потенциальная способность композиции из нескольких объектов к тотальности, кумуляции, собирательности; при этом количественные характеристики и конкретный компонентный состав являются неопределенными и не воспринимаются значимыми. Представление о подобной группе одушевленных объектов предполагает направленность взаимосвязей «внутри» группы, прочность контактов, неотделимость участников группы друг от друга вплоть до нивелировки индивидуальных характеристик отдельных членов группы. Именно эту идею принято обозначать

термином «собирательность»; грамматически эта доминанта в идее композиционности фиксируется употреблением глагола-предиката в единственном числе.

Иную идею несут в себе композиционные существительные, семантически ориентированные на представление о дискретности, квантифицируемости, существовании (относительной) свободы отношений взаимодействия между участниками, значимости индивидуальных свойств членов сообщества, их различиях, интересах, мнениях и т. д. Глагол-сказуемое после этих существительных стоит во множественном числе (рис. 1).

Композиционность (compositionality) <i>family</i>	
Собирательность (collectiveness: many as one, single body) <i>Family is</i>	Множественность (multitude: one body as many items, element structure) <i>Family are</i>

Рис. 1. Семантика композиционности

2. В результате проведенной поисковой работы было сформировано два совместимых списка существительных, обсуждаемых в контексте смыслового согласования:

- набор частных примеров из грамматических изданий, который ориентирован на создание наиболее общего представления о собирательности – множественности;

- систематизированная группировка, сгенерированная ресурсом FrameNet² на семантическом основании «aggregate». Сопоставление списков позволило отметить существование сложной иерархии гипероним-гипонимических отношений между элементами перечней: для единиц из списка FrameNet характерен более высокий уровень обобщения по сравнению с примерами из учебной литературы. Такой подход задает направление интерпретации репрезентанта, в частности, глагольного компонента, связанного формальными и смысловыми отношениями с тем или иным коллективом / организацией / сообществом, которые существуют в социальной практике в течение длительного или краткого периода времени, функционируют окказионально либо становятся социально-культурным артефактом человечества (табл. 1).

3. Поскольку различия качественного характера, присутствующие в семантике обсуждаемых композиционных существительных, не имеют прямого выхода в представление о количественных различиях, они не отмечены формально как разные

¹URL: <https://framenet2.icsi.berkeley.edu/fnReports/data/frameIndex.xml?frame=Aggregate>

² URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

GROUP (AGGREGATION)

army	multiplicity	government	team	class
division regiment squad etc.	majority minority trio etc.	Parliament the Cabinet the Senate etc.	band crew gang Machester United etc.	aristocracy bourgeoisie clergy élite gentry intelligentsia laity proletariat etc.

морфологические формы числа. Однако количественные различия концептуально поддерживаются использованием противопоставленных друг другу морфологических форм единственного и множественного числа глагола-предиката. Данные взаимоисключающие глагольные значения единственности / множественности при совпадении формы существительного являются убедительным доказательством принципиально различного осмысления фрагментов реальности. Из сказанного следует, что так называемые *collective nouns* и *nouns of multitude* должны быть отнесены к группе омонимичных лексических единиц. Таким образом, связь существительного с глаголом не завершается простой регистрацией той или иной формы числа глагола-сказуемого: в понимание смыслового согласования необходимо включать как сведения о семантике существительного-подлежащего, так и данные о семантике глагола-сказуемого. В этом случае будет достигнута необходимая полнота представлений о функционировании данного явления в английском языке.

ОБСУЖДЕНИЕ

Организация предложения как центральной синтаксической единицы предполагает наличие в нем грамматической основы, компоненты которой передают значение предикативности – дифференциального признака, позволяющего предложению обозначать и описывать фрагмент действительности. К категориям, реализующим предикативность, относятся грамматическое время, наклонение, лицо, число, а также интонация. Традиционно согласование (*agreement, concord*) подлежащего со сказуемым и местоименным определителем трактуется как способ выражения синтаксического отношения, заключающийся в придании сказуемому и местоименному определителю формы, соответствующей форме подлежащего, которому они «подчинены».

Вариативность подлежащих и форм глагола-сказуемого в предложениях является источником

для выделения двух основных типов согласования подлежащего и сказуемого в английском языке. В учебной литературе первое называется формальным / грамматическим согласованием, поскольку число подлежащего однозначно определяет соответствующую форму сказуемого и местоименного определителя [Кобрин и др., 1999; Бархударов, 2019; Клоуз, 1979], например, *The child is tired. VS The children are tired.* Второе называется смысловым согласованием, поскольку относится к согласованию глаголов с их подлежащими и местоимений, кореферентных подлежащим-существительным, на основе значения, а не грамматической формы. В данном случае взаимодействие субъекта, сказуемого и прономинального детерминанта выявляет интерпретационные, когнитивные отношения, определяемые говорящим¹ (рис. 2).

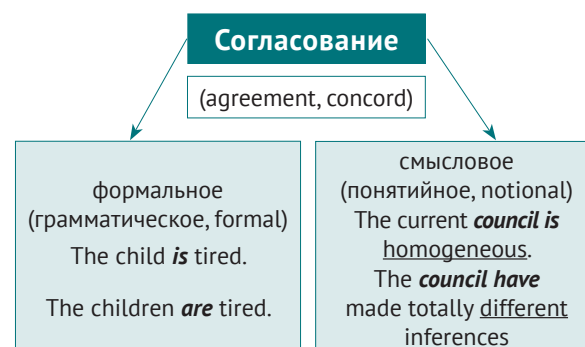

Рис. 2. Типы синтаксического согласования

Поддающее большинство учебников по английской грамматике придерживается близкого подхода к классификации и перечислению видов и случаев согласования подлежащего – сказуемого и местоименного определителя [Swan, 2016; Hewings, 2013]; при этом по отношению

¹Смысловое согласование также известно как синезис. Другие термины для смыслового согласования – согласование *ad sensum* (по смыслу), логическое согласование; конструкция *ad sensum*. URL: <https://www.thoughtco.com/notional-agreement-grammar-1691439>

к глаголу речь идет в основном о грамматическом числе сказуемого, что для современного английского языка видится достаточно ограниченной морфологической информацией. В целом особенности, на которые обращают внимание известные практикоориентированные издания, состоят в следующем:

1) после подлежащего, выраженного существительным с семантикой композиционности, сказуемое, а также местоименные определители употребляются неоднозначно как в единственном, так и во множественном числе [Кобрина и др., 1999]. Выбор формы глагола после таких существительных чаще всего предлагается рассматривать как свободный; семантические критерии для существительных задаются декларативно. В то же время, поскольку подлежащему отдается явный приоритет интересов при формировании предложения, имеющиеся описания предлагают трактовки подлежащего смыслового согласования с разных грамматических позиций.

Ряд авторов перечисляет морфологические способы выражения подлежащего как формы слова, принадлежащего к какой-либо части речи, например, имени нарицательного в единственном / множественном числе, местоимения [Quirk et al., 1985]. Другие авторы предпочитают группировать средства выражения подлежащего по структурному признаку; выделяются такие варианты, как словоформа, словосочетание (например, двух имен существительных в единственном числе, соединенных союзами), синтаксический комплекс, который может быть представлен клаузой или конструкцией [Грамматика английского языка, 2008]. Иногда учебники просто перечисляют существительные без конкретного критерия. Практико-ориентированная ценность такого учебного издания зависит от того, насколько подробным окажется список существительных, вызывающих вопрос числа при наличии смыслового согласования в предложении: *army, audience, clan, class, club, committee, crew, crowd, family, flock* ($\approx$ crowd), *gang, government, group, jury, majority, minority, public*; такой список может включать и имена собственные, связанные с названиями правительственных органов, государственных и общественных организаций, политических партий и религиозных групп [Alexander, 1988; Alexander, 1990]. Однако попытка собрать исчерпывающий список существительных с семантикой композиционности, ориентируясь на учебные издания, не была успешной. Именно поэтому поиск был перенесен в сферу ресурса FrameNet, где обрабатывается семантический профиль слова в составе фрейма;

2) причиной выбора формы числа глагола сказуемого нередко являются социолингвистические переменные, т. е. какой вариант современного английского языка изучается; каков режим речи (устная / письменная) и речевой регистр (формальный / неформальный):

а) в британском английском предпочтение отдается глаголам во множественном числе, а в американском английском – в единственном;

б) в неформальном разговорном английском чаще наблюдаются формы множественного числа, в формально-письменном английском встречаются глаголы единственного [Крылова, Гордон, 2003; Клоуз, 1979; Quirk et al., 1985];

3) за рамками обсуждения постоянно оказывается наиболее существенный вопрос о природе и концептуальной сущности «проблемных» подлежащих.

Подлежащие, представленные существительными, которые внутренне, посредством своей семантики, передают идею композиционной организации (aggregation), относятся к трем групповым объектам, состоящим из нескольких элементов, идентичных или похожих по внешнему виду и внутригрупповому потенциалу:

а) одушевленные существительные, относящиеся к людям (антропоцентрические / общинные существительные);

б) неодушевленные существительные, описывающие животных и предметы;

в) существительные, обозначающие понятия.

Первая группа собирательных существительных ориентирована на тех субъектов, которые обозначают всех членов социальной группы. Типичный пример – слово *family*, собирательное существительное, обозначающее всех людей рода, т. е. внутренний состав кровнородственной группы, куда войдут родители, дети, дедушки и бабушки, тети, дяди и т. д.

Второй тип собирательных существительных обозначает виды и подвиды животных. Можно говорить о *a murder of crows, a zeal of zebras, a mob of kangaroos, a conspiracy of lemurs* и т. д.

Третий тип собирательных существительных представляет вещи и понятия. К ним относятся *a pack of cards, a galaxy of stars, a bouquet / bunch of flowers, a bowl of soup, a handful of tips* и т. д.

Последние две группы существительных почти никогда не вызывают затруднений у изучающих английский язык. Такие существительные действуют как регулярные исчисляемые имена, поскольку объекты, которые они объединяют, неодушевлены и, таким образом, в некотором роде предсказуемы. Для непрофессиональных говорящих на современном английском языке отсутствие

у имени семы антропоцентричности приводит к распознаванию целых групп как практически не различающихся в своих внутренних количествах и / или качествах. Так, название группы становится почти эквивалентным названию одного вида, который она объединяет: *A flock of birds was leaving for the South, winter coming soon.* ≈ *A bird was leaving for the South, winter coming soon* / *Flocks of birds were leaving for the South, winter coming soon.* = *Birds were leaving for the South, winter coming soon.*

Возвращаясь к первой группе существительных, отметим, что здесь рекомендация изучающим английский язык придерживаться формального согласования в случае сомнений [Крылова, Гордон, 2003] кажется чрезмерно упрощенной.

Проиллюстрируем связь смыслового согласования с прагматическим контекстом несколькими примерами из корпуса BNC¹.

1. When the third bell rings in the Globe, the **audience** *take their seats* for "Pamela".

В данном случае придаточное времени, задающее тематическую направленность контекста, заставляет коммуниканта выбрать репрезентант понятийного согласования подлежащего со сказуемым и притяжательным местоимением во множественном числе. Из опыта нам известно, что во время третьего звонка каждый из зрителей в отдельности занимает отведенное ему место согласно купленному билету.

2. A regiment turned out to betray the motherland.
(1) The **army does** not really *want* the regiment mentioned at all. (2)

Здесь существительное *army* употребляется в единственном числе; контекстуально, ситуация (2) антонимична (1), причем форма глагола становится не просто воплощением единства обезличенной силовой структуры, но и единодушного неприятия произошедшего, ответом на вызов патриотизму.

3. Their **family has** earned a reputation for its talented writers.

В данной иллюстрации ценность семьи определяется ее безликой ролью в качестве поставщика культуры. Из этой доминанты возникает согласование сказуемого и местоименного определителя с композиционным подлежащим в ед. числе.

4. The **jury find** that the convict is absolutely innocent.

Присяжные – это совет из двенадцати человек, которые приглашаются в зал суда по результатам произвольного поиска. Каждый из них обязан осмыслить услышанное в ходе процесса и принять решение о виновности / невиновности подсудимого. Присяжные самостоятельны в суждении, в период слушания дают согласие на некоторые ограничения в коммуникации и передвижении. Такой прагматический фон и требуемый плюрализм мнений становятся решающим фактором для выбора множественного числа глагола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, поскольку полнота и достоверность знаний о смысловом согласовании явно ограничены, поставленные вопросы сохраняют научную актуальность и позволяют по-новому взглянуть на фундаментальный тезис о том, что субъектно-предикатные отношения в грамматике выделены исследователями как особые в силу взаимозависимости компонентов основы.

Во-первых, существительные – подлежащие смыслового согласования нуждаются в более глубоком изучении: необходимо учитывать, что они включаются в пропозициональную структуру предложения до актуализации, т. е. до получения сказуемым грамматической формы. Они также являются связующим звеном текущей части высказывания относительно предконтекста; в то же время, их семантика носит векторный характер по отношению к дальнейшему развертыванию высказывания.

Во-вторых, семантизация синтаксических теорий не позволяет игнорировать сложную природу взаимодействия субъекта и предиката. Если движение от подлежащего к сказуемому реализуется в виде формальных назначений, сказуемое, являясь структурно-семантическим узлом предложения, избирательно по отношению к смысловым доминантам подлежащего. Это означает, что содержательные свойства сказуемого требуют не меньшего внимания. Так, в контексте смыслового согласования грамматист В. Я. Плоткин заметил, что «числовое значение глагола перестало быть чисто согласовательной категорией и самостоятельно отражает такую существенную характеристику действия, как количество деятелей» (цит. по: [Кобрина, Болдырев, Худяков, 2007, с. 27]). Следовательно, интерпретация взаимоотношений субъекта и предиката в когнитивном ключе позволяет говорить о присутствии здесь своеобразной взаимной «суггестивности»: репрезентант смыслового согласования «увязывает» действие, состояние, процесс

¹URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

и т. д., которые способны выполнить групповой субъект так, как он мыслится говорящим.

В дальнейшем исследование предложений со смысловым согласованием целесообразно вести не только в ракурсе соответствия их синтаксической организации требованиям грамматического строя современного английского языка, но и в аспекте изучения созависимости семантик тематического аргументного компонента (подлежащего),

местоименного определителя и сказуемого, и их общего соответствия прагматическим условиям употребления. Говоря иначе, смысловое согласование может быть описано как грамматическая конструкция. Доступ ко всем сторонам функционирования смыслового согласования и получение релевантных в количественном и качественном отношении результатов предоставляет работа с материалом корпусов современного английского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобрина Н. А. [и др.]. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис: учеб. пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности «Иностранные языки» / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. СПб.: СОЮЗ, 1999.
2. Крылова И. П., Гордон Е. М. Грамматика современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 9-е изд. М.: Университет: Высшая школа, 2003. (на англ. яз.)
3. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: ЛКИ, 2019.
4. Клоуз Р. А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык: пособие для учителя. М.: Просвещение. 1979. (на англ. яз.)
5. Quirk R. [et al.] A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. L.: Pearson Longman, 1985.
6. Alexander L. Longman English Grammar. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1988.
7. Alexander L. Longman English Grammar Practice for intermediate students. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1990.
8. Hewings M. Advanced Grammar in Use. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
9. Swan M. Practical English usage. 4th ed. L.: Oxford University Press, 2016.
10. Crystal D. Safety in numbers? // English Today. 30.04.1987. URL: <https://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-3990.pdf>
11. Veenstra A., Acheson D. J. Semantic integration and subject-verb agreement: Independent effects of notional and grammatical number. 2016. URL: <https://sites.uclouvain.be/bkl-cbl/wp-content/uploads/2016/05/Veenstra-Acheson.pdf>
12. Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.
13. Грамматика английского языка: пособие для студентов педагогических институтов / В. Л. Каушанская и др. 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. (на англ. яз.)

REFERENCES

1. Kobrina, N. A., Korneeva, E. A., Ossovskaya, M. I., Guzeeva, K. A. (1999). A grammar of the English language. Morphology. Syntax. A teaching manual for pedagogical institute students and universities with № 2103 "Foreign languages" profile. St. Petersburg: SoJUZ. (In Russ.)
2. Krylova, I. P., Gordon, E. M. (2003). A grammar of modern English: A book for foreign language institutes and departments. 9th ed. Moscow: Universitet: Visshaya shkola.
3. Barkhudarov, L. S. (2019). The structure of a modern English simple sentence. Moscow: LKI. (In Russ.)
4. Close, R. A. (1979). A Reference Grammar for Students of English: Teacher's manual. Moscow: Prosveschenie.
5. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1985). A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Pearson Longman.
6. Alexander, L. G. (1988). Longman English Grammar. Harlow: Longman Group UK Ltd.
7. Alexander, L. G. (1990). Longman English Grammar Practice for intermediate students. Harlow: Longman Group UK Ltd.
8. Hewings, M. (2013). Advanced Grammar in Use. Cambridge: Cambridge University Press.

9. Swan, M. (2016). Practical English usage. 4th ed. London: Oxford University Press.
10. Crystal, D. (30.04.1987). Safety in numbers? English Today. <https://www.davidcrystal.com/Files/BooksAndArticles/-3990.pdf>
11. Veenstra, A., Acheson, D. J. (2016). Semantic integration and subject-verb agreement: Independent effects of notional and grammatical number. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. <https://sites.uclouvain.be/bkl-cbl/wp-content/uploads/2016/05/Veenstra-Acheson.pdf>
12. Kobrina, N. A., Boldirev, N. N., Khudyakov, A. A. (2007). A theoretical grammar of modern English: A teaching manual. Moscow: Visshaya shkola. (In Russ.)
13. Kaushanskaya, V. L. [et al.] (2008). A grammar of the English language. A manual for pedagogical institute students. 5th ed., rev. and suppl. Moscow: Airis-press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борзилов Александр Дмитриевич

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Салькова Марина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borzilov Aleksandr Dmitrievich

Post-graduate Student, Department of English Grammar and History of the English Language
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Sal'kova Marina Alekseevna

PhD (Linguistics), Associate Professor
Head of the Department of English Grammar and History of the English Language
Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2022
23.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.111'373

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_30

Релевантность и салиентность компонентов значения слова в зеркале деривационных процессов: к методологии исследования

Е. И. Будникова

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь
geronimo1981@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается и апробируется методика выявления релевантных и салиентных типов семантических компонентов в структуре лексического значения с опорой на деривационные данные. На основании анализа семантических, морфологических и синтаксических производных английской единицы *sand* (песок) в структуре ее значения выявлены релевантные и салиентные компоненты и сопоставлены с семантическими признаками, зафиксированными в лексикографических описаниях.

Ключевые слова: релевантность, салиентность, структура лексического значения, метонимия, метафора

Благодарность: исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы «Релевантность и салиентность информации в семантике языковых и дискурсивных единиц» (ГР № 20212246).

Для цитирования: Будникова Е. И. Релевантность и салиентность компонентов значения слова в зеркале деривационных процессов: к методологии исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 30–38. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_30

Original article

Relevance and Salience of Word Meaning Components Reflected in Derivational Processes: To a Research Methodology

Alyona I. Budnikova

Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus
geronimo1981@mail.ru

Abstract. It is suggested to use derivational data (semantic, morphological and syntactic derivatives of a word) in revealing and distinguishing relevant and salient word meaning components. The methodology tested on the English word *sand* allowed revealing salient and relevant components in its meaning comparing them with the features reflected in its lexicographic definitions.

Keywords: relevance, salience, lexical meaning structure, metonymy, metaphor

Acknowledgements: the research was done as part of the project “Relevance and Salience of Information in the Semantics of Language and Discourse Units” (GR 20212246).

For citation: Budnikova, A. I. (2023). Relevance and Salience of Word Meaning Components Reflected in Derivational Processes: To a Research Methodology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 30–38. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_30

ВВЕДЕНИЕ

Одним из главных следствий современного понимания процесса порождения и обработки языковых сообщений является выделение таких ключевых характеристик, как *релевантность* (существенность, соответствие сообщения целям коммуникации) и *салиентность* информации (выделенность на фоне других сведений)¹.

Применительно к структуре концепта и значения слова эти термины используются для разграничения двух перспектив оценки значимости семантических признаков: классификационной vs. идентификационной ценности. Релевантные признаки в структуре значения формируют его так называемый логический модус, целью которого является классификационное упорядочение когнитивного знания [Никитин, 2007]. Эти признаки лежат в основании поименованного класса, поэтому не могут быть удалены или заменены другими (ср. *концептуальная центральность* [Sloman, 1998; Keil, 2002]). Салиентность компонентов значения слова связывается с их яркостью и выделенностью на фоне других, что в ряде случаев может обеспечивать референцию имени / идентификацию (ср. *категориальная центральность* [Sloman, 1998]). По мнению М. В. Никитина, для задачи распознавания человеку «бывает удобнее отказаться от сущностного анализа вещи и опираться на ее побочные, поверхностные, отличительные признаки, если последние легче поддаются наблюдению и вместе с тем столь же привычно связываются с данной вещью или классом вещей» [Никитин, 2007, с. 140].

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показал ряд психолингвистических экспериментов, перспективы рассмотрения компонентов содержания предметного имени *интуитивно* различаются носителями языка [Keil, 1986; Sloman, 1998]. Так, при определении принадлежности денотата к той или иной категории большинство респондентов опирается прежде всего на релевантные, существенные характеристики. В частности, отнесение некоторого животного к определенной категории в народной таксономии биологических видов происходит на основании сложившейся в сознании человека теории об анатомии, репродукции и т. п. особей данного вида. В свою очередь, внешнее сходство членов данной

категории мыслится скорее как следствие общности их «биологической модели» [Croft, Cruse, 2004]. Кроме того, релевантные признаки чаще других выбираются респондентами в качестве характеристик, детерминирующих наличие других свойств объектов (так называемые *cause features*) [Ahn et al., 2000]. Напротив, в экспериментах на быстрое реагирование, в которых требуется выбрать наиболее типичного члена категории; типичные качества членов класса и пр., суждения испытуемых базируются скорее на салиентных, внешних признаках, закрепившихся в сознании носителей языка в связи с этой категорией / классом объектов [Langacker, 1987; Pattabhiraman, 1992].

При всех преимуществах опоры на «прямой» доступ к интуиции носителей языка, применение совокупных интуитивных данных для разграничения релевантной и салиентной информации в семантике предметного имени в то же время сопряжено с рядом нерешенных вопросов. Так, результаты экспериментов не дают четкого ответа, как отграничить релевантные и салиентные компоненты от всего множества информации о денотате: предполагается постепенный переход от наиболее значимых к наименее значимым признакам в структуре концепта, репрезентированного именем, в зависимости от оценки респондентами степени их релевантности или салиентности. Таким образом, по данным психолингвистических экспериментов можно выявить структуру концепта как единицы сознания индивида или группы лиц, но не структуру лексического значения как одной из сторон языкового знака.

В поисках *формальных* показателей при разграничении релевантных и салиентных компонентов в структуре лексического значения мы обратились к предложенной профессором З. А. Харитончик методике анализа деривационных процессов, в которых задействуются исходные слова, а их значения подвергаются когнитивной обработке. Как отмечает автор методики, «словообразование и семантическая деривация в разной степени ориентированы на релевантные и салиентные признаки в значениях задействованных в них слов, причем выбор типа признака коррелирует с конкретными подтипами деривации – метафорическими или метонимическими переносами в семантической деривации, семантическими – транспозицией, модификацией, мутацией – и структурными – суффиксация, конверсия, сложение и т. д. – разновидностями словообразования» [Харитончик, 2019, с. 436].

Цель настоящей статьи – попытка выявить релевантные и салиентные семантические компоненты в лексическом значении, опираясь на предложенную методологическую установку, а также сопоставить выявленный реестр с признаками,

¹См. работы Д. Уилсона, Д. Спербера, Т. Паттабхирамана, В. З. Демьянкова, Р. Гиоры, Д. Герарта, Х.-Й. Шмида, З. А. Харитончик и др.

закрепленными в лексикографическом дискурсе. В качестве материала исследования выбрана единица *sand* (песок), которая характеризуется определенным разнообразием семантических признаков в структуре значения и достаточно большим числом производных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Установление релевантных семантических признаков

В поисках релевантных семантических компонентов в лексическом значении слова *sand* был рассмотрен ряд его производных, значения которых формируются по метонимической модели или с опорой на общекатегориальные и классообразующие компоненты исходного значения.

В результате исследования установлены следующие типы релевантных семантических признаков: «покрытие», «содержимое», «особенности строения», «поверхность».

Как видно из таблицы 1, признак «покрытие» в семантике исходной единицы *sand* является важной составляющей значений ряда ее производных. В частности, он выступает основой предиката-связки между ономазиологическим базисом и признаком¹ в значении *sands 1* (базис – «пространство / участок земли», признак – «песок / пески», предикат-связка – «быть покрытым»), что выводится из словарной дефиниции (маркер – *covered with sand* – *покрытый песком*). Ср. *sands* – «a tract of land **covered with sand**, as a beach or desert»². Кроме того, значения ряда

¹Здесь использованы широко известные термины составляющих ономазиологических структур значений производных слов, введенные Е. С. Кубряковой: ономазиологический базис, ономазиологический признак и предикат-связка [Кубрякова, 1981].

²URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sand>

Таблица 1

РЕЛЕВАНТНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *SAND*, ПРОФИЛИРУЕМЫЕ В ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Релевантный признак	Дериват	Значение деривата	Тип переноса
Семантические дериваты			
особенности строения	<i>sand 1</i>	сон, мейбум (шаровидная частица, формирующаяся во внутреннем углу глаза, особенно во время сна, из собирающегося секрета глазных желез)	вещество → часть вещества (метонимия) → другое вещество, схожее по форме (метафора)
покрытие	<i>sands 1</i>	пески (участок земли, покрытый песком, например пляж или пустыня)	вещество → пространство, покрытое веществом ³
Словообразовательные дериваты			
покрытие, содержимое	<i>to sand</i>	посыпать, наполнять песком	вещество → посыпать / наполнять веществом
покрытие, содержимое	<i>sandy 1</i>	песчаный, песочный; содержащий или покрытый песком	вещество → содержащий / покрытый веществом
покрытие	<i>sandpaper</i>	наждачная бумага (бумага, покрытая с одной стороны надежно приклеенным абразивным материалом (например, песком), используемая для шлифовки и полировки)	вещество → продукт, покрытый веществом
содержимое	<i>sandbar</i> <i>sandbank</i> <i>sandstone</i> <i>sandcastle</i>	песчаная отмель; коса; песчаник; замок из песка	вещество → объект, состоящий из вещества
поверхность	<i>sandshoes</i>	теннисные туфли (мягкие легкие туфли, часто на резиновой подошве)	вещество → обувь для хождения по веществу

³ Этот вид метонимического переноса отмечен и в работе А. Бириха на материале современного русского языка как окказиональный в группе наименований веществ, при этом ведущее положение занимает модель «материал – продукт» [Бирих, 1995, с. 80].

производных формируются как на основании признака «покрытие», так и признака «содержимое» в семантике исходной единицы, о чем косвенно свидетельствуют маркеры *fill with sand* – *наполнить песком* и *containing sand* – *содержащий песок* в дефинициях дериватов. Ср. *to sand* «**to cover or fill with sand**»¹ (базис – действие, признак – песок, предикат-связка – «покрывать / наполнять»), *sandy* «**containing or covered with sand**»² (базис – «имеющий характеристику», признак – «песок», предикат-связка – «быть покрытым / содержать»).

Такой признак, как «особенности строения» лег в основу развития вторичного значения *sand 1* – *глазная слезь, мейбум*, которое образовалось в результате двух последовательных семантических сдвигов (метафониими): метонимии по модели «целое – часть» (*sand* – *песок* → *sand* – *песчинка*) и метафоры сходства (*sand* – *песчинка* → *sand* – *глазная слезь, сон в глазу*). Ср. *sand* «also called *sleeper, sleep*; a globule that forms at the inner corner of the eye, especially during sleep, from the accumulated secretion of the glands of the eyelid»³. Тем самым релевантное знание о частях целого стало основой метонимического переноса, а салиентные признаки частички (шаровидная форма) позволили использовать это наименование для другого денотата.

Следует отметить и иные словообразовательные производные единицы *sand*, например, результаты словосложения типа: *sandbar* – *песчаная отмель*; *sandbank* – *коса, отложения песка*; *sandstone* – *песчаник, осадочная порода*; *sandcastle* – *замок из песка*; *sandshoes* – *теннисные туфли*; *sandpaper* – *наждачная бумага* и т. д. Как свидетельствует анализ их ономаσιологических структур, большинство дериватов образованы на основе либо признака «содержимое», либо признака «покрытие», которые были ранее выявлены на основании анализа семантических, аффиксальных дериватов и производных по конверсии. Так, ономаσιологическим базисом при формировании значений всех указанных производных выступает «природный объект / артефакт», признаком – «песок», а предикаты-связки различаются: для значений *sandbar, sandbank, sandstone, sandcastle* – *состоять из..*, для значения *sandpaper* – *быть покрытым*. Исключение составляет единица *sandshoes*, в семантике которой профилируется знание о песке как типе поверхности (особенно, теннисных кортов), что, по-видимому, следует отнести к отдельному признаку «поверхность».

Кроме указанных производных *sand*, в словарях отмечаются и дериваты, образованные по регулярным моделям типа *sandable* – *то, что можно отшлифовать*, *sandless* – *без песка*, *unsanded* – *нешлифованный*. Единицы *sandable* и *unsanded* являются вторичными дериватами (от глагола *to sand* – «to smooth or dress by grinding or rubbing with an abrasive (such as sandpaper)»⁴ – «шлифовать или затирать абразивом, например, наждачной бумагой»), поэтому были исключены из рассмотрения. Значение слова *sandless*, как можно судить по отдельным дефинициям, формируется на основе признака «содержимое»: *sandless* – «having no sand»⁵ / «не имеющий песка».

Установление салиентных семантических признаков

Как было указано выше, одним из показателей салиентности некоторого признака в структуре лексического значения является привлечение его в качестве основания метафорического переноса, сопровождающего формирование семантических и словообразовательных дериватов. Анализ соответствующих производных единицы *sand* позволил выявить следующие типы салиентных семантических признаков: «цвет», «скорость перемещения частиц», «текстура» (табл. 2).

Цветовые характеристики денотата *sand* стали мотивирующими признаками в образовании его производных *sand 2* и *sandy 2* (базис – «характеристика / имеющий характеристику», признак – «песок», предикат-связка – «по цвету похожий на»). Ср. *sand* «yellowish-gray colour»⁶, *sandy* «pale yellowish to yellowish brown (of hair colour)»⁷.

Многие из салиентных признаков исходного значения, профилируемые в деривации, так или иначе, связаны с текстурой вещества и его отдельными частями (песчинками). Так, развитие метафорического значения *sands 2* как *моменты жизни* (ср. *sands of life* – *пески жизни*) мотивировано признаком «быстротечность», который связывается со скоростью перемещения песчинок, прежде всего в песочных часах. Тем самым дериват можно рассматривать либо как коррелятивную метафору (сходство предикатно-аргументных структур *песок течет быстро* и *время проходит быстро*) [Сидоренко, 2012], либо как метонимию

¹URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sand>

²URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/sandy>

³The Random House Dictionary of the English Language, 2nd edition, New York, Random House, 1987.

⁴URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sand>

⁵URL : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/sandless>

⁶URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sand>

⁷URL : <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn?s=sandy&sub=Search+WordNet&o2=&o0=1&o8=1&o1=1&o7=&o5=&o9=&o6=&o3=&o4=&h=>

Таблица 2

САЛИЕНТНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *SAND*,
ПРОФИЛИРУЕМЫЕ В ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Салиентный признак	Дериват	Значение деривата	Тип переноса
Семантические дериваты			
цвет	<i>sand 2</i>	цвет песка; желтовато-серый цвет	вещество → цвет, схожий с цветом вещества
скорость перемещения частиц	<i>sands 2</i>	время; моменты жизни; «пески жизни»	вещество → время, проходящее так же быстро, как перемещается вещество
Словообразовательные дериваты			
цвет	<i>sandy 2</i>	песочный; от бледно-желтого до желто-коричневого (<i>о цвете волос</i>)	вещество → цвет, схожий с цветом вещества
текстура	<i>sandy 3</i>	зыбкий; нетвердый и нестабильный, как песок	вещество → качество, схожее с качеством вещества
текстура	<i>sandiness</i>	зернистость; текстура, напоминающая текстуру песка	вещество → свойство, схожее с текстурой вещества

по модели «инструмент измерения – объект измерения»¹ (песок как инструмент измерения времени в песочных часах используется для указания на само время). Однако в пользу первой версии говорит употребление *sands* в составе идиоматического выражения *the sands are running out*²) букв. ‘пески утекают – часики тикают’, в значении которого акцентируется скорость / быстротечность сопоставляемых явлений.

Такие особенности текстуры песка, как шероховатость и зыбкость, являющиеся также следствием его строения (песчинки тверды на ощупь по отдельности, но вместе создают зыбкую, нетвердую структуру), выходят на первый план в дериватах *sandiness* (базис – «характеристика», признак – «песок», предикат-связка – «по шероховатости похожий на») и *sandy 3* (базис – «имеющий характеристику», признак – «песок», предикат-связка – «по зыбкости похожий на»).

Примечательно, что часто в словарных описаниях дериватов типа *sandy*, *sandlike* и *to sand*, образованных по регулярным моделям, на первый план выходит именно значение модели, к которой

предлагаются как метонимические, так и метафорические переменные [Тур, 2020]. Например, следующая дефиниция прилагательного *sandy* формируется вокруг общей модели «связанный с песком», которая имеет четыре переменные / возможные реализации (одну метафорическую и три метонимические): *sandy* «**resembling or containing or abounding in sand; or growing in sandy areas**»³ / «**напоминающий песок, содержащий песок, имеющий много песка, растущий в песчаных местах**». Описание глагола *to sand* в одном из источников представляет собой общую схему действия (*to sprinkle – насыпать*) и возможные актанты (*with sand or as if with sand – песком или чем-то похожим*): *to sand*⁴ – *to sprinkle with or as if with sand*⁵. Тем самым дефиниция дает только подсказку, а не само значение деривата, которое должно раскрываться в контексте. Однако поскольку мы опирались на *экспликацию* салиентного признака исходного значения в дефинициях его производных, то самые общие маркеры типа *resembling – похожий на* не принимались нами к рассмотрению.

³URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn?s=sandy&sub=Search+WordNet&o2=&o0=1&o8=1&o1=1&o7=&o5=&o9=&o6=&o3=&o4=&h=>

⁴В наш реестр вошел глагол *to sand* в значении «посыпать или наполнять песком» как непосредственный дериват от существительного *sand*.

⁵URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sand>

¹Ср. в данном отношении метонимическую модель «музыкальный инструмент – звуки, издаваемые этим инструментом» [Бирих, 1995].

²The Farlex Idioms and Slang Dictionary, CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017.

Определенные сложности при анализе производных единиц вызывали и случаи так называемой стертой внутренней формы, например, *sand – firm resolution, perseverance*¹ / *решительность, напористость*. Даже при интуитивном ощущении связи характера с твердостью песчинок, о типе мотивировочного признака в таком случае говорить не приходится, поскольку нет зафиксированных этимологических сведений.

Проверка репрезентативности

При анализе реестра производных единиц встает вопрос о репрезентативности отобранного материала, поскольку очевидно, что не все производные отмечаются в словарях. Кроме того, есть целый ряд синтаксических дериватов, значение которых также формируется на основании релевантного или салиентного типа информации, например, конструкции *N+N* [Тур, 2015].

С целью проверки репрезентативности нашей выборки производных для выявления релевантных и салиентных семантических признаков значения слова *sand* нами был отобран² корпус конструкций *N+N* (45 словосочетаний), в которых исследуемая единица является определяющим словом. Среди семантических признаков исходного значения *sand*, профилируемых в контексте данных конструкций, выявлены следующие: «содержимое» (*sand storm – песчаный вихрь, sand bodies – фигуры из песка, sand dunes – песчаные дюны, sand boxes – коробки с песком, sand buckets – ведра с песком* и др.); «поверхность» (*sand tyres – шины для езды по песку, sand hole – след на песке, sand courts – песчаные корты* и др.); «покрытие» (*sand landscape – песчаный ландшафт, sand ridges – песчаные хребты* и др.); «текстура» (*sand textures – текстура песка*); «место обитания» (*sand eel – песчаный угорь, sand lizard – дюнная ящерица, sand wasps – песчаные осы* и др.); «функция / действие» (*sand abrasion – песчаная эрозия, sand traps – ловушки песка, sand encroachment – продвижение песка*); «особенности строения» (*sand grains – частицы песка, sand sieves – сито для песка*); «зыбкость» (*sand ropes – нестабильные структуры*).

Как видно, контекстные данные, пересекаясь с данными словообразовательной и семантической деривации, всё же дополняют реестр новыми семантическими признаками – «функция / действие» и «место обитания».

Корреляция с лексикографическими данными

По данным ряда привлеченных словарей³ в структуре значения единицы *sand* можно выделить следующие компоненты: классифицирующий признак / родовое понятие (*material – материал, substance – вещество, grains – гранулы, debris – осколки*); «текстура» (*loose granular – рассыпчатый, гранулярный / like powder – похож на порошок*); «цвет» (*pale brown – светло-коричневый*); «происхождение» (*results from the disintegration of rocks – в результате измельчения камней*); «особенности строения» (*consists of particles smaller than gravel but coarser than silt – состоит из частиц, меньших, чем гравий, но грубее, чем ил; consisting of rock or mineral grains, esp. rounded grains of quartz, between 0.05 and 2 mm in diameter – состоит из каменных или минеральных гранул, особенно округлых гранул кварца, размером от 0,05 до 2 мм в диаметре*); «функция» (*used in mortar, glass, abrasives, and foundry moulds – используется для изготовления строительного раствора, стекла, абразивов и литейных форм*); «место распространения» (*found on beaches and in deserts – распространен на пляжах и в пустынях*).

Как отражено в таблице 3, релевантные и салиентные признаки значения слова *sand*, установленные по деривационным данным, и компоненты его лексикографических дескрипций могут выступать в отношениях *изоморфизма* (полного совпадения передаваемой информации о денотате), *частичного изоморфизма* и *взаимодополнительности* (несовпадения передаваемой информации о денотате). Совпадение в типах экспликации наблюдается у признаков «особенности строения», «содержимое», «цвет» и «текстура». При этом отдельные релевантные признаки выражены в дефинициях имплицитно, через значения слов-классификаторов. Так, признак «содержимое» составляет часть значения классификатора *substance* – «the real physical matter of which a person or thing consists»⁴ / *вещество* «реальная физическая материя из которой состоит человек или вещь». В целом классификаторы в словарных дефинициях отражают релевантные характеристики объекта описания, относящиеся скорее к его сущности (*intrinsic features* в понимании Р. Лангакера [Langacker, 1987]), а не отношениям с другими объектами.

¹URL : <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sand>

²Отбор проводился методом сплошной выборки из Британского национального корпуса текстов (BNC).

³Привлекались онлайн-версии следующих словарей: American Heritage Dictionary of the English Language, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary. Complete and Unabridged, Macmillan Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Oxford Dictionaries, Random House Dictionary.

⁴URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn?s=substance&sub=Search+WordNet&o2=&o0=1&o8=1&o1=1&o7=&o5=&o9=&o6=&o3=&o4=&h=00>

**КОРРЕЛЯЦИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ И САЛИЕНТНОСТИ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *SAND*
И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ**

Релевантные семантические признаки	Тип корреляции	Семантические признаки в словарных дефинициях
покрытие	взаимодополнительность	нет
поверхность	взаимодополнительность	нет
содержимое	изоморфизм	материал / вещество
особенности строения	изоморфизм	гранулы / осколки, состоит из частиц, меньших, чем гравий, но грубее, чем ил
место обитания	взаимодополнительность	нет
функция / действие	частичный изоморфизм	используется для изготовления абразивов
Салиентные семантические признаки	Тип корреляции	Семантические признаки в словарных дефинициях
цвет	изоморфизм	светло-коричневый
скорость перемещения частиц	взаимодополнительность	нет
текстура: зыбкость	изоморфизм	рассыпчатый, гранулярный, похож на порошок
текстура: шероховатость	частичный изоморфизм	используется для изготовления абразивов; грубее, чем ил
нет	взаимодополнительность	происхождение
нет	взаимодополнительность	место распространения

Релевантные признаки, связанные с использованием объекта человеком, в словарях представлены лишь одним компонентом (использование в растворах, абразивах и т. п.), в то время как деривационные данные позволяют выявить и ряд других телических признаков: информацию о применении описываемого вещества в качестве покрытия, поверхности для ходьбы, а также о его разных типах воздействия на другие объекты. Тем самым наблюдается частичный изоморфизм данных признаков в сопоставляемых видах актуализации. Аналогичным образом салиентный признак «шероховатая текстура» лишь частично коррелирует с признаками, отраженными в дефинициях: он либо представлен как часть телической информации, либо как часть признака «особенности строения».

Лексикографическая информация о происхождении и территории распространения вещества *sand* не является полной и четкой по деривационным данным. С другой стороны, в словарные дефиниции не была включена релевантная информация о песке как месте обитания животных и такая салиентная, но окказиональная черта денотата *sand*, как быстротечность / скорость перемещения частиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что анализ деривационных данных является эффективным способом выявления как глубинных типов информации в семантике слова, так и социально закрепленных ассоциаций с некоторой единицей, которые лежат в основе ментальных операций по формированию производных единиц. При этом для получения репрезентативной выборки необходимо обращаться и к данным синтаксической деривации.

Для значения единицы *sand* глубинными и релевантными типами информации являются такие признаки, как «покрытие», «содержимое», «особенности строения», «поверхность», «место обитания», «функция / действие». Салиентными признаками в значении единицы *sand* являются такие качества, как цвет, текстура вещества, а также быстрота, с которой перемещаются его частички.

Как релевантные, так и салиентные характеристики в значении слова *sand* можно условно разделить на относящиеся к самому веществу (*особенности строения, цвет, текстура*) или связанные с другими объектами: человеком (*поверхность для ходьбы, покрытие артефактов,*

скорость перемещения частиц в песочных часах), природными объектами (*содержимое и покрытие природных объектов, действие песка на разные поверхности*), животными (*место обитания животных*).

Экстраполируя полученные сведения о компонентах значения слова *sand*, можно предположить, что установленные нами релевантные признаки являются центральными для наименований целого ряда веществ (особенно артефактов). Это

обусловлено как влиянием телической составляющей значений данных единиц (их свойства наполнять некоторый контейнер, покрывать некоторую поверхность, служить поверхностью или контейнером важны именно с функциональной точки зрения), так и частотностью для этих наименований словообразовательных моделей, профилирующих один и тот же признак исходного значения (например, признак «особенности строения» в метонимии «часть – целое»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
2. Sloman S. A., Love B. C., Ahn W.-K. Feature centrality and conceptual coherence // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22, Issue 2. P. 189–228.
3. Keil F., Kim N. S., Greif M. L. Categories and levels of information // *Category specificity in brain and mind* / ed. by M. E. Forde. Hove, GBR: Psychology Press, 2002. P. 375–401.
4. Keil F. The acquisition of natural kinds and artifact terms // *Language learning and concept acquisition* / ed. by W. Demopolous and M. Marras. Norwood: Praeger, 1986. P. 133–153.
5. Croft W., Cruse D. A. *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Ahn W.-K. [et al.] Causal status as a determinant of feature centrality // *Cognitive Psychology*. 2000. № 41. P. 361–416.
7. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar: theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press, 1987.
8. Pattabhiraman T. *Aspects of salience in natural language generation: a thesis ... doctor of philosophy in the school of computing science*. Vancouver, 1992.
9. Харитончик З. А. Салиентность и релевантность знания как факторы деривационной активности лексических единиц // *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 36. С. 432–442.
10. Бирих А. Метонимия в современном русском языке. Семантический и грамматический аспекты // *Slavistische Beitrage*. 1995. Band 326.
11. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
12. Сидоренко М. Н. Метафорические модели в системно-функциональном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2012.
13. Тур В. В. Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексики *tail* «хвост») // *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. №2. 2020. С. 52–63.
14. Тур В. В. Актуализация латентных признаков в семантике компонентов сочетаний «существительное + существительное» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015.

REFERENCES

1. Nikitin, M. V. (2007). *Kurs lingvisticheskoi semantiki = A course of linguistic semantics*. St. Petersburg: the Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia (In Russ.)
2. Sloman, S. A., Love, B. C., Ahn, W.-K. (1998). Feature centrality and conceptual coherence. *Cognitive Science*, 22(2), 189–228.
3. Keil, F., Kim, N. S., Greif, M. L. (2002). Categories and levels of information. In Forde, M. E. (ed.), *Category specificity in brain and mind* (pp. 375–401). Psychology Press.
4. Keil, F. (1986). The acquisition of natural kinds and artifact terms. In Demopolous, W., Marras, M. (eds.), *Language learning and concept acquisition* (pp. 133–153). Praeger.
5. Croft, W., Cruse, D. A. (2004). *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Ahn, W.-K. et al. (2000). Causal status as a determinant of feature centrality. *Cognitive Psychology*, 41, 361–416.
7. Langacker, R. W. (1987). *Foundations of cognitive grammar: theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
8. Pattabhiraman, T. (1992). *Aspects of salience in natural language generation: Doctoral dissertation*. Vancouver: Simon Fraser University.

9. Kharitonchik, Z. A. (2019). Salience and relevance of knowledge as factors of lexical units derivational activity. *Cognitive studies of language*, 36, 432–442. (In Russ).
10. Birch, A. (1995). Metonimiya v sovremennom russkom yazyke. *Semanticheskiy i grammaticheskiy aspekty* = Metonymy in modern Russian. Semantic and grammar aspects. In Berger, T. et al. (eds.), *Slavistische Beitrage* (B. 326). (In Russ).
11. Kubryakova, E. S. *Tipy yazykovykh znacheniy: semantika proisvodnogo slova* = Types of linguistic meanings: semantics of a derived word. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Sidarenka, M. N. (2012). *Metaforicheskiye modeli v sistemno-funktsionalnom aspekte (na materiale imen sushchestvitelnykh nemetskogo yazyka)* = Metaphoric patterns: systematic-functional approach (on the data of German nouns): PhD in Philology. Minsk. (In Russ.)
13. Tur, V. V. (2020). *Tozhdestvo i otdelnost leksicheskogo znacheniya (na primere semantiki angliyskoy leksemy tail «khvost»)* = The identity and separateness of lexical meaning: case study of the English word tail. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2, 52–63. (In Russ.)
14. Tur, V. V. (2015). *Akualizatsyya latentnykh priznakov v semantike komponentov sochetaniy «sushchestvitelnoye + sushchestvitelnoye» v sovremennom angliyskom yazyke* = Actualization of latent features in the semantics of the constituent elements of noun + noun complexes: PhD in Philology. Minsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Будникова Елена Игоревна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры стилистики английского языка
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Budnikova Alyona Igorevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Stylistics
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.11.2022
20.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81'271.16

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39

Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиадискурса

Т. Р. Ванько

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bestgrammar@yandex.ru*

Аннотация. На фоне повсеместной цифровизации усиливается влияние политического онлайн-медиадискурса, существующего на различных платформах. Публикации в аккаунтах политических и общественных деятелей служат источником информации и инструментом манипуляции общественным мнением. Субъективная авторская модальность политического медиадискурса в блогах реализуется разнообразными синтаксическими средствами, необходимость исследования которых очевидна на фоне роста влияния политической медиакоммуникации на происходящие процессы.

Ключевые слова: политический онлайн-медиадискурс, субъективная модальность медиадискурса, синтаксические средства выражения субъективной модальности

Для цитирования: Ванько Т. Р. Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиадискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 39–45. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39

Original article

Realization of Subjective Modality in the Syntax of Political Online Media Discourse

T. R. Vanko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bestgrammar@yandex.ru*

Abstract. Against the background of widespread digitalization, the influence of the political online media discourse that exists on various blog platforms is increasing. Publications in the accounts of political and public figures serve as a source of information and a tool for manipulating public opinion. The subjective authorial modality of political media discourse in blog posts is realized by a variety of syntactic means, the need to study which is obvious considering the growing influence of political media communication on political processes.

Keywords: political online media discourse, subjective modality of media discourse, syntactic means of expressing subjective modality

For citation: Vanko, T. R. (2023). Realization of subjective modality in the syntax of political online media discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 39–45. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация, появление новых технологий и распространение Интернета повлияли не только на традиционные СМИ, но и привели к рождению новых видов медиа. В настоящий момент традиционные СМИ не являются единственным источником информации. Блогинг как форма политической коммуникации получил широкое распространение благодаря своей доступности, гибкости, персонализированному характеру и мультимедийности. Аккаунты политиков, общественных деятелей, политологов и журналистов в социальных сетях являются доступным и эффективным средством политической коммуникации и способом манипулирования аудиторией. Политические медиакоммуникации в цифровую эпоху не только фиксируют и анализируют политические процессы, но и непосредственно влияют на них [Керимов, 2022]. Ввиду всё большей интеграции политики и СМИ и возрастающего влияния массмедиа на политическую жизнь общества в настоящее время пристальное внимание обращено на исследование различных аспектов современных массмедиа, в частности их лингвистических характеристик.

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ МЕДИАДИСКУРСА В ЛИНГВИСТИКЕ

Теоретико-методологическую базу исследования медиатекстов, их типологию, методы и направления их анализа с точки зрения языка, содержания, формата, взаимодействия и взаимовлияния культур разработала Т. Г. Добросклонская [Добросклонская, 2008; Добросклонская, 2020]. Она обосновала возникновение медиалингвистики той ролью, которую играют массмедиа в современных языковых и социокультурных процессах. По ее мнению, развитие и распространение информационно-коммуникативных технологий создало глобальную сеть медиакоммуникации, т. е. единое информационное пространство, а именно, виртуальную среду для текстового общения. Соответственно, необходимо всесторонне изучать медиаречь или язык СМИ с учетом специфики их функционирования в современных условиях цифровой среды, так как мировое информационное пространство (информационная среда, информационное поле, медиасреда, инфосфера) является особой сферой речевой деятельности, оказывающей заметное воздействие на культурноязыковые процессы на геолингвистическом, интерлингвистическом и интралингвистическом уровнях. Т. Г. Добросклонская считает медиатекст основной категорией медиалингвистики и определяет его как

многоуровневую единицу медиапотока, сочетающую знаковые единицы вербального и медийного рядов. Автор подчеркивает важность лингвистических методов изучения медиатекстов, позволяющих описать их лексические, синтагматические, стилистические и социолингвистические характеристики. При анализе лингвистических свойств различных типов медиатекстов (новости, комментарии (информационная аналитика), публицистика и реклама) Т. Г. Добросклонская особо подчеркивает интерпретационную, или идеологическую, функцию информационно-аналитического текста, что отражается в его оценочном мировоззренческом характере и имеет целью интерпретацию и оценку окружающей действительности, формирование определенного идеологического и эмоционального фона [Добросклонская, 2008]. Оценка выражается как имплицитно, так и эксплицитно с помощью лексических средств (слов и словосочетаний с оценочными значениями, идеологически модальной лексики, образных единиц – метафор, сравнений, аллюзий), а также синтаксических средств (порядка слов, синтаксических повторов, анафоры) [там же].

Т. Г. Добросклонская, отмечая достижения медиалингвистических исследований за последние 20 лет, указывает на изменение свойств и характера массмедийного контента, обусловленное развитием информационно-коммуникационных технологий [Добросклонская, 2020]. Виртуальная коммуникация в социальных сетях стала повседневным способом общения, при котором сам ее факт важнее, чем передаваемый контент, что повлияло на свойства медиатекстов и привело к возникновению в последнее десятилетие новых форматов (longread, infotainment, infomercial) и размыванию границ традиционных жанров, широкому использованию визуальных средств (мемов, имодзи), а также к разделению медиасреды на «белую» и «серую» зоны [там же]. Наметив основные направления изучения медиатекстов Т. Г. Добросклонская, однако, не рассматривает синтаксические параметры онлайн-медиадискурса в блогосфере, в частности, синтаксические средства реализации субъективной модальности политического онлайн-медиадискурса.

Сегодня онлайн-массмедиа признаны основным источником информации [Поплавская, 2017; Керимов, 2022]. Назрела необходимость пристального их изучения с учетом специфики коммуникативного онлайн-пространства, позволяющего сочетать вербальные и невербальные средства при создании медиатекстов (инфографика, аудио-, фото- и видеоматериалы, гиперссылки и т. д.), что повлекло за собой изменение языковых онлайн-средств [Поплавская, 2017].

В современных условиях медиатизации политики, т. е. интеграции политики и медийной сферы, онлайн-массмедиа формируют общественное мнение, отбирая и ранжируя информацию, оценивая и интерпретируя ее с целью создания идеологического и эмоционального фона [Добросклонская, 2008; Грибовод, 2017; Поплавская, 2017; Добросклонская, 2020; Керимов, 2022]. Основным каналом реализации воздействующего потенциала онлайн-массмедиа является их субъективно-оценочная модальность, которая проявляется на языковом уровне не только в трактовке политических концептов, но и в использовании специальных лексических, грамматических и синтаксических средств [Ткаченко, 2011]. Представляется актуальным рассмотрение языковых, в частности синтаксических, средств реализации воздействующей стратегии онлайн-массмедиа и в особенности новых форм цифровых медиа (блоги, посты в социальных сетях, комментарии на различных онлайн-платформах и т. д.) [Грибовод, 2017].

Н. В. Поплавская, анализируя новостной медиадискурс в современном англоязычном онлайн-пространстве, отмечает, что большинство текстов англоязычных СМИ передают негативную субъективно-оценочную модальность уже на уровне заголовков с помощью негативно окрашенной лексики, метафор, игры слов [Поплавская, 2017]. По мнению исследователя, субъективная модальность медиатекстов выражается различными языковыми средствами как на уровне предложения: лексическими, морфологическими и грамматическими средствами, так и текста за счет использования оценочной лексики, эпитетов, метафор, сравнений, иронии [Поплавская, 2016].

Текстообразующую роль модальности газетно-публицистического дискурса на примере русскоязычных новостных заметок и аналитических статей изучала А. И. Ткаченко. По мнению исследователя, модальность является основной категорией газетно-публицистического дискурса вследствие его ярко выраженной манипулятивной функции, т. е. не только информировать, но и воздействовать на формирование определенного отношения к сообщаемой информации. Придерживаясь общепринятой трактовки объективной модальности как модальности, включающей значения реальности / нереальности, возможности, необходимости и желательности, А. И. Ткаченко подчеркивает роль субъективной авторской оценочной модальности как инструмента реализации манипулятивной функции медиадискурса, присутствующей не только в аналитических, но и в информационных жанрах СМИ. Авторская модальность скрепляет все единицы текста в единое целое. Она всегда

эксплицирована, ведь главной задачей пишущего является донести до получателя свои мысли, представления и оценки. Медиатекст служит каналом передачи информации о событии и определенной трактовки этого события. Аналитические тексты используют оценочную лексику, частицы, вводные слова и словосочетания, фразеологизмы, а также средства экспрессивного синтаксиса. К синтаксическим средствам выражения субъективно-модальных значений в русскоязычных аналитических медиатекстах А. И. Ткаченко относит повторы, риторические вопросы, эллипсис и вопросно-ответные, присоединительные и парцеллированные конструкции [Ткаченко, 2011].

В.А. Телегина в своем исследовании средств выражения оценки политической элиты во французской прессе относит к синтаксическим средствам вопросительные и восклицательные предложения, парентетические конструкции, отрицание и перечисление. По данным ее анализа, вопросительные предложения, особенно риторические вопросы наиболее частотны и обладают высоким оценочным потенциалом, так как способствуют диалогизации медиадискурса. Интересен и вывод автора об усилении оценочного значения в эллиптических вопросительных предложениях за счет пропуска не выражающих оценку слов [Телегина, 2021].

Итак, отмечая назревшую необходимость пристального изучения языковых характеристик нового наиболее распространенного и влиятельного формата медиадискурса, а именно – онлайн-медиадискурса, исследователи сосредотачивают основное внимание на лексических характеристиках, оставляя синтаксические параметры на периферии анализа. В этой связи представляется актуальным рассмотреть синтаксические способы реализации субъективно-модальных значений англоязычного политического медиадискурса в блогосфере, так как политический онлайн-медиадискурс наиболее ярко выражает воздействующую функцию, обозначающую авторскую оценочную позицию, и формирует у читателя созвучное мнение.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ОНЛАЙН-МЕДИАДИСКУРСЕ

С целью установления синтаксических средств выражения субъективной модальности в политическом дискурсе и их частотности были проанализированы публикации из раздела «Columnists» онлайн-медиадискурса *Conservativehome.com*, занимающего второе место

в рейтинге десяти наиболее популярных политических блогов Великобритании¹. *Conservative.com* является официальной платформой Консервативной партии Великобритании и отражает позиции партии по различным направлениям политической жизни страны и мира, внутрипартийным и парламентским событиям, экономическим и общественным вопросам. Для синтаксического анализа нами были отобраны блоги политиков, членов и кандидатов в члены парламента, советника премьер-министра по экономическим вопросам, главы редакционной коллегии по политическим вопросам. Тематика блог-постов в ноябре 2022 года касалась вопросов предвыборной политики партии, экономических проблем, а также медицинских разработок. Таким образом, использованный для исследования языковой материал является примером политического медиадискурса, поскольку к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих – автор – содержание – адресат [Шейгал, 2000; Ванько, 2018].

Структурно-смысловой анализ исследуемых блогов позволил установить синтаксические структуры, служащие для выражения авторской оценочной модальности, а также для формирования у реципиента определенной мировоззренческой позиции. Синтаксическими средствами выражения субъективной модальности в нашем материале являются вопросительные предложения, парентетические структуры, предложения с так называемым вводным *it*, параллельные структуры и инвертированный порядок слов.

Вопросительные предложения демонстрируют наибольшую частотность в блогах (36 % синтаксических средств выражения субъективной модальности). Они, являясь средством диалогизации монологического текста, выступают как эффективный инструмент для привлечения внимания читателя и вовлечения его в рассмотрение определенной проблемы. Ниже приведем два вопросительных предложения, которыми автор публикации начинает обсуждение реакции рабочего класса на экономическую политику правительства.

How are working-class voters reacting to the Autumn Statement? And what does this mean for the Conservative Party's chances in 2024?²

Если специальные вопросы инициируют размышления касательно определенного события,

то риторические вопросы, являющиеся преобладающим типом вопросов в политическом медиадискурсе, формулируют авторскую оценочную позицию, которая выражается как эксплицитно, так и имплицитно.

В следующем отрывке член парламента последовательностью из шести риторических вопросов обозначает свое неодобрение по поводу отсутствия положительных результатов Брексита.

Where are the VAT cuts? Where are the generous Enterprise Zones and Freeports? Where are the improved or removed EU regulations to allow business to flourish? Where are the plans and finance to rebuild our fishing industry? Where are the grants and encouragement to reclaim lost market share by growing more of our own food again as we did before we joined the Common Agricultural Policy? Why can't Whitehall and Ministers review all EU law and decide what needs keeping over the next year?³

Риторические вопросы обладают большим потенциалом для выражения субъективной модальности, поэтому они используются в заголовках, чтобы акцентировать основные темы поста, как, например, делает это доктор Джерард Лайонс, советник Бориса Джонсона по экономическим вопросам, в публикации об уровне инфляции в Великобритании:

Is inflation really set to come tumbling down?⁴

Вторым по частотности способом выражения субъективной модальности в рассматриваемых блогах являются *парентетические конструкции* (parenthesis) (26 %), т. е. вводные элементы, служащие средством проявления авторского начала в аналитических медиатекстах, передачи мнения и оценки [Лебедева, 2013]. Парентетические элементы – это дополнительные замечания, комментарии или оценки, указывающие на коммуникативные намерения говорящего определенным образом настроить читателя при восприятии материала [Фадеева, 2005]. Отмеченные в нашем материале вводные слова представлены: вводными наречиями *arguably, obviously, realistically* для обозначения оценки достоверности; *additionally, fortunately, importantly, remarkably, unfortunately* для оценки релевантности; *in my opinion* для констатации авторства; *according to...* для отсылки к чужому

¹URL: <https://www.vuelio.com/uk/social-media-index/top-10-uk-political-blogs/>

²URL: <https://conservativehome.com/2022/11/22/james-frayne-the-governments-economic-policies-will-hamper-it-with-winning-back-working-class-support/>

³URL: <https://conservativehome.com/2022/11/28/john-redwood-being-in-office-does-not-mean-being-in-power/>

⁴URL: <https://conservativehome.com/2022/11/29/gerard-lyons-is-inflation-really-set-to-come-tumbling-down/>

мнению. Приведем пример предложения с вводным наречием, передающим оценку автором поста невыгодной позиции действующего правительства в условиях инфляции. На наш взгляд, вводное слово *unfortunately* в начале предложения дополнительно усиливает воздействующий эффект отрицательной оценки сообщаемого события.

Unfortunately, the Bank's independence over interest rates led to them being too low for too long and inflation five times the level set out in their target and the instructions from Parliament and government to them¹.

Парантеза служит продуктивным средством выражения оценочного отношения в краткой форме, внося в общее содержание дополнительную информацию. Более того автономный, обособленный характер парентетических конструкций эффективно выделяет высказываемую автором оценку.

Третьим по частотности использования в рассматриваемых блогах средством реализации субъективной модальности являются *предложения с вводным it* (19,7 %). Их своеобразная структура (наличие оценочного предиката, содержащего модальную или эмоциональную оценку события, обозначенного инфинитивом или придаточным предложением) делает такие структуры незаменимым способом формулировки авторской оценочной модальности [Ванько, 2008]. По данным нашего анализа в политическом онлайн-медиадискурсе чаще используются модально-оценочные предложения с *вводным it* со значением достоверности и необходимости, передаваемой сочетаниями *it is clear, no wonder, true; crucial, important, necessary, hard to see*. Также зарегистрированы предложения с *вводным it* интеллектуальной оценки (*it was misfortune, lesson, reasonable, safe, secret*). Ниже приведем высказывание доктора Джерарда Лайонза о важности учета интересов низкооплачиваемых групп населения при проведении экономических реформ.

It is important not to lose sight of the role taxes play in the cost-of-living debate. While it is important to prevent a wage-price spiral, in the rail dispute there is a case for the Government to help broker a deal – especially for low paid workers, but also alongside sensible reforms².

Четвертое по частотности место среди средств выражения субъективной модальности

политического онлайн-медиадискурса занимают *параллельные структуры* (15 %). Синтаксический параллелизм является эффективным средством наращивания экспрессивности, эмоциональности и оценочности медиадискурса [Ван Синьи, 2003; Телегина, 2021]. Включение в текст блога синтаксических повторов в значительной мере повышает интенсивность эмоциональной насыщенности медиадискурса, что реализует его манипулятивные цели.

The Government wants inflation down – as does the public – but is caught up with the largely false doctrine that the Bank of England is independent... The Government wants migration down but has just presided over a record number of new arrivals over the last year...It wants more young people to be able to afford a home...It wants to deliver the Brexit wins that come from being independent, yet so often Ministers are talked out of them...It wants to level up the country...³

Реже всего для реализации субъективной модальности используется *инверсия* (3,3 %). Ее задача заключается в придании логического удара или эмоциональной окраски предложению или его части. Также встречается инверсия обстоятельства места и / или времени для их акцентуации, придания им важности. Инверсия части сказуемого привлекает внимание к содержанию всего предложения.

...if the Bank had tightened policy last year when the economy could have coped, not only would inflation be less, but any hiking now would cause less pain to the economy⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных политических онлайн-медиадискурсах на различных цифровых платформах, в частности в рамках политических блогов, используется богатый ассортимент синтаксических средств выражения субъективной авторской модальности: риторические вопросы, парентетические конструкции, предложения с *вводным it*, параллельные структуры и инверсия. Они усиливают оценочный эффект политических публикаций в блогах и служат каналом осуществления манипулятивной функции политического медиадискурса.

¹URL: <https://conservativehome.com/2022/11/28/john-redwood-being-in-office-does-not-mean-being-in-power/>
²URL: <https://conservativehome.com/2022/11/29/gerard-lyons-is-inflation-really-set-to-come-tumbling-down/>

³URL: <https://conservativehome.com/2022/11/28/john-redwood-being-in-office-does-not-mean-being-in-power/>
⁴Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Керимов А. А. Об особенностях политических медиакоммуникаций в цифровую эпоху // Социокультурные практики, институты, дискурсы и эволюция // Koinon. 2022. № 1. Т. 3. С. 37–44.
2. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта: Наука, 2008.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: Ridero, 2020.
4. Поплавская Н. В. Новостной медиадискурс в современном онлайн-пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
5. Грибовод Е. Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017.
6. Ткаченко А. И. Textoобразующая роль модальности в газетно-публицистическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.
7. Телегина В. А. Средства выражения оценки в характеристике современной политической элиты (на материале современной французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2021.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
9. Ванько Т. Р. Синтаксические характеристики политического медиадискурса «Твиттера» // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 15 (810). С. 88–101.
10. Лебедева Е. А. Вводные модусные показатели в англоязычных аналитических медиатекстах: дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2013.
11. Фадеева Л. В. Парентеза в немецкой устной диалогической речи: на материале мангеймского корпуса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
12. Ванько Т. Р. Функционально-прагматический аспект употребления оценочных структур в американской прессе // Вестник Московского государственного университета. 2008. Вып. 545. С. 34–141.
13. Ван Синьи. Стилистические функции параллельных синтаксических конструкций в современной публицистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.

REFERENCES

1. Kerimov, A. A. (2022). On the Peculiarities of Political Media Communications in the Digital Age. Koinon, 1, 3, 37–44. (In Russ.)
2. Dobrosklonskaja, T. G. (2008). Medialingvistika: Sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: Sovremennaja anglijskaja mediarech' = Medialinguistics: A systematic approach to the study of the language of the media: Modern English media speech. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
3. Dobrosklonskaja, T. G. (2020). Medialingvistika: teorija, metody, napravlenija = Media linguistics: theory, methods, directions. Moscow: Ridero. (In Russ.)
4. Poplavskaja, N. V. (2017). Novostnoj mediadiskurs v sovremenom onlajn-prostranstve = Modern online news mediadiscourse: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Gribovod, E. G. (2017). Mediatizacija politiki kak institucional'no-kommunikativnyj process i informacionno-strategicheskij resurs = Policy mediatization as communicative process and strategic resource: abstract of PhD in Philology. (In Russ.)
6. Tkachenko, A. I. (2011). Tekstoobrazujushhaja rol' modal'nosti v gazetno-publicisticheskom diskurse = Text-forming role of modality in newspaper and journalistic discourse: abstract of PhD in Philology. Kaliningrad. (In Russ.)
7. Telegina, V. A. (2021). Sredstva vyrazhenija ocenki v harakteristike sovremennoj politicheskoy jelity (na materiale sovremennoj francuzskoj pressy) = Means of expressing evaluation in the characteristics of modern political elite (on the French press material): PhD in Philology. Belgorod. (In Russ.)
8. Shejgal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse: Doctorate in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Van'ko, T. R. (2018). The Twitter political media discourse syntax. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 15(810), 88–101. (In Russ.)
10. Lebedeva, E. A. (2013). Vvodnye modusnye pokazateli v anglojazychnyh analiticheskikh mediatekstah = Introductory modal indicators in English-language analytical media texts: PhD in Philology. Velikij Novgorod. (In Russ.)

11. Fadeeva, L. V. (2005). Parenteza v nemeckoj ustnoj dialogicheskoj rechi: na materiale mangejmskogo korpusa = Parenthesis in German oral dialogic speech: based on the material of the Mannheim corpus: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
12. Van'ko, T. R. (2008). Funkcional'no-pragmaticheskij aspekt upotreblenija ocenочnyh struktur v amerikanskoj presse = Functional-pragmatic aspect of the use of evaluative structures in the American press. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 545, 134–141. (In Russ.)
13. Van Sin'i. (2003). Stilisticheskie funkцii parallel'nyh sintaksicheskikh konstrukcij v sovremennoj publicistike = Stylistic Functions of parallel syntactic constructions in modern journalism: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванько Татьяна Ростиславовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vanko Tatiana Rostislavovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Grammar and History of English,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_46

Вербальные и невербальные приемы в технологии информационно-психологического воздействия

Р. И. Зарипов

*Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
lieutenant-en-chef@ya.ru*

Аннотация. В статье раскрываются технологии информационно-психологического воздействия на аудиторию в условиях массовой коммуникации, освещаются методы и приемы ведения информационно-психологической войны в медиапространстве на примерах вербальных и поликодовых текстов. Применяются описательный, синхронический, семасиологический и функциональный методы, а также методы метафорического моделирования, компонентного, контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, информационно-психологическая война, манипулирование, информационно-психологическое оружие, индивидуальное сознание, массовое сознание, метафора, метафорическая модель.

Для цитирования: Зарипов Р. И. Вербальные и невербальные приемы в технологии информационно-психологического воздействия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 46–54. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_46

Original article

Verbal and Nonverbal Techniques in Information-Psychological Impact Technology

Ruslan I. Zaripov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
lieutenant-en-chef@ya.ru*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the technology of information-psychological impact on the audience in terms of mass communication and to highlight the methods and techniques of information-psychological warfare in the media space on current examples of verbal and multimodal texts. The article applies descriptive, synchronic, semasiological and functional methods, as well as methods of metaphorical modeling, component, contextual and communicative-pragmatic analysis.

Keywords: information-psychological impact, information-psychological warfare, manipulation, information-psychological weapon, individual consciousness, mass consciousness, metaphor, metaphorical model

For citation: Zaripov, R. I. (2023). Verbal and Nonverbal Techniques in Information-Psychological Impact Technology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 46–54. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_46

ВВЕДЕНИЕ

В условиях интенсификации геополитического противостояния и возрастания рисков глобальной катастрофы основные акторы стремятся нанести друг другу критический урон невоенными средствами, применяющимися в рамках концепции гибридной войны. В ее ходе применяются не только собственно военные, но и дипломатические, научно-технические, экономические, идеологические и другие меры, направленные на подавление воли противника к сопротивлению. Информационно-психологическое противоборство как часть многомерных нелинейных войн проходит в виртуальном коммуникативном пространстве и затрагивает бесчисленное множество объектов, выбранных коммуникаторами в качестве мишеней воздействия. Дезинформирование и проецирование влияния с помощью информации достигли таких масштабов, что представляется возможным констатировать открытие отдельного «фронта» – информационного, не уступающего по своей значимости и масштабам реальным боевым действиям. В этой связи растет общественный и научный интерес к проблемам необъективного информирования, скрытого влияния массовой коммуникации на аудиторию и построения альтернативной реальности в медиапространстве. Какие средства и механизмы обеспечивают эффективное информационно-психологическое воздействие на реципиента – один из основных вопросов лингвистики информационно-психологической войны.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На основе актуального языкового и вспомогательного русскоязычного и иноязычного материала, обобщенного по результатам анализа более ста информационных сообщений общественно-политической тематики, нами предпринята попытка определить, как происходит информационно-психологическое воздействие на аудиторию. Результаты получены на основе применения описательного, синхронического, семасиологического («языковая форма – внеязыковое содержание») и функционального методов, а также методов метафорического моделирования, компонентного, контекстуально-го и коммуникативно-прагматического анализа.

Технология информационно-психологического воздействия

Информационно-психологическая война определяется лингвистами как «противоборство сторон,

которое возникает из-за конфликта интересов и / или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего, языкового воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и / или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Сковородников, Копнина, 2016, с. 43]. В общем виде главная цель информационно-психологического воздействия сводится к тому, чтобы *вербальными и невербальными средствами* сформировать в информационном пространстве, а затем в индивидуальном и массовом сознании, выгодный коммуникатору стереотип мышления, идеологическое клише, концептуальную установку «по умолчанию» (не исключая при необходимости определенного манипулятивного посыла), которая при идеальном раскладе повлияет на действия человека и общества в целом: «Каковы бы ни были характер и цель войны, она всегда сводится к столкновению желания человека и его воли, поэтому победа будет определяться возможностью навязать желаемое поведение выбранной аудитории»¹ [Cluzel du F., 2020, с. 10].

Любой стереотип – результат закрепления в сознании (подсознании) реципиента ассоциативной связи между определенным объектом и образом, которая складывается из многократного и вариативного повторения субъективно-оценочной или стилистически нейтральной информации, подаваемой имплицитно, эксплицитно и в смешанной форме. Эта связь между понятийными сферами (или их элементами) концептуальна и наиболее четко может быть выражена в виде образующей тождество метафорической модели: «X – это Y» [Чудинов, 2012], с помощью которой «говорящий способен выстроить выгодную ему картину мира в сознании слушателя» [Михалева, 2004, с. 123]. Причем речь идет не только о языковой метафоре – она может быть и невербализованной, аудиальной или визуальной.

Метафора как сложный когнитивный феномен и интерпретативная категория универсальна с точки зрения возможности продвижения образа или, наоборот, дискредитации какого-либо объекта действительности. Она очень удобна по трем причинам:

- во-первых, живая метафора – всегда образ, который вызывает в сознании эмоцию, а именно, через эмоционально-чувственную сферу легче всего сдвинуть позицию человека с мертвой точки;
- во-вторых, метафорические смыслы не поддаются мгновенному пониманию и переводят осмысление действительности в иной,

¹Зд. и далее перевод наш. – Р. И.

нерациональный формат, который часто реализует суггестивный, манипулятивный потенциал: «активное использование метафоры с ее способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения является ярким примером отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [Байгарина, 2004, с. 18];

– в-третьих, с помощью образного сравнения возможно поставить в один ряд и соотнести даже самые далекие друг от друга и, казалось бы, нереальные для семантического сближения сущности или объекты. Это сближение не является буквальной истиной и создается «виртуально» – с целью рождения образа. Неважно, насколько он реален или далек от интересующего объекта: главное – связать их семантически, обозначить номинацию, обыграть ее и закрепить в информационном пространстве. Чтобы это сделать, необходимо сравнить этот объект с кем-то (чем-то) или к кому-то (чему-то) его приравнять и тем самым перенести на него искомые «характеристики». Так, если Саддама Хусейна в западном медиаполе продолжительное время называли «тираном», то с его персоналией у аудитории логично оказались связаны концептуальные векторы жестокости, страха, несправедливости, опасности и др.

«Тираном» или другим именем нарицательным можно назвать по-разному: открыто, прямой номинацией, или косвенно, имплицитно, используя различные языковые приемы, части речи, лексические единицы и выражения. Метафора чрезвычайно обширна и многогранна по своему применению и может быть выражена по-разному, поэтому при ее анализе «принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразие перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования; в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Иначе говоря, понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия» [Чудинов, 2001, с. 37]. Таким образом, метафора объединяет в себе абсолютно все возможные варианты употребления языковых смысловых единиц в непрямом значении [Зарипов, 2016, с. 46].

Другими словами, метафора может быть и не метафорой вовсе в классическом ее понимании, потому что при назывании мишени информационно-психологического воздействия в сознании

реципиента не всегда может возникать ее образ. Всё зависит от того, возникает ли метафорический перенос в связи с выбором той или иной номинации при характеристике мишени. Так, если Украину называют самым коррумпированным в Европе государством, реципиент не видит в такой информации никакого образа. Образная составляющая здесь отсутствует, поскольку нет классического метафорического переноса, который связывал бы лексему *государство* и некий объект другой понятийной сферы. Тем не менее при такой номинации в сознании реципиента возникают негативные коннотации и ассоциации, связанные с воровством и присвоением денежных средств. Только на этом этапе восприятия могут возникать какие-то образы. Главное состоит в следующем: даже без обозначения образа произошло *называние* мишени воздействия и была сконструирована ее характеристика. При этом ни коммуникатору, ни реципиенту не важно, действительно ли Украина – коррумпированное государство. Первому – поскольку он прагматически заинтересован в такой номинации, и его может не интересовать действительное положение вещей; второму – поскольку он не может объективно оценить истинность предоставляемой информации, и ему остается принять ее к сведению, а при постоянном повторении – считаться с ней и, возможно, даже принять ее как данность. Так мы приходим к выводу, что конструируемая в информационном пространстве картина мира фактически доминирует над объективной действительностью. Более того, для аудитории она важнее и довлеет над ней, пока та не столкнется с реалиями и личным опытом.

Образы и ассоциации – это недостаточно устойчивые элементы мышления, которые могут появляться и изменяться, переписываться и со временем уходить из сознания человека. Чтобы зафиксировать ассоциативную связь двух объектов (сущностей) и получить стереотип как стандартизированный и суперфиксированный образ сознания, необходимо вариативное и протяженное во времени повторение семантически гомогенных манипулятивных посылов, которые соответствуют по своему выражению метафорическим моделям. Кроме того, должна быть создана благоприятная информационная среда, и это едва ли не главное условие успешного ведения информационно-психологической войны.

Стереотипы аудитории в отношении выбранной мишени информационно-психологического воздействия формируются по-разному. Коммуникатор может выбрать в качестве основы прямое отождествление объекта действительности с создаваемым образом, которое может считаться эксплицитным утверждением. Как правило, оно вводится через

сравнительные обороты *как, будто* и т. п., а также без них. В этом случае разгадать фактический манипулятивный посыл автора сообщения практически не составляет труда:

So, in your discussions of the nuclear freeze proposals, I urge you to beware the temptation of pride – the temptation of blithely declaring yourselves above it all and label both sides equally at fault, to ignore the facts of history and aggressive impulses of *an evil empire*, to simply call the arms race a giant misunderstanding and thereby remove yourself from the struggle between right and wrong and good and evil¹.

В этом отрывке Р. Рейган отчетливо обозначил тождество «СССР – это империя зла», которое существует в политическом дискурсе и по сей день. Оттенки этой основной характеристики, введенной несколько десятилетий назад, продолжают дополнять и модифицировать созданный стереотип с помощью вербальных и невербальных средств, задействованных в массовой коммуникации.

В других случаях аудитория сталкивается с вариативными повторениями семантически обозначенного манипулятивного посыла. Это индизонказательные выражения, которые суггестивно влияют на восприятие информации реципиентом и вводят так называемые имплицитные утверждения, или подтекст. Как правило, открыто мишень воздействия не номинируется, его прямого отождествления с каким-либо образом аудитория не увидит, однако к нему имплицитно вводится определенное отношение коммуникатора, который в какой-то мере маскирует манипулятивный посыл сообщения. Реципиент может его определить, только приложив определенные интеллектуальные усилия и проводя дополнительные смысловые преобразования, «которые могут основываться как на значении слов, так и на значении контекста» [Баранов, 2013, с. 41], но не всегда утруждает себя этой «лишней» работой, забывая о том, что концептуальные и мотивационные установки *volens-nolens* воспринимаются его подсознанием. Манипулятивный потенциал информационно-психологического воздействия заключается в способности с течением времени изменять ценностную картину мира реципиента незаметно для него самого. Это – почти всегда долгосрочная стратегия, которая дополняется информационно-психологическими операциями, направленными на достижение краткосрочного-среднесрочного эффекта.

¹URL: <http://www.web.archive.org/web/20040609055415/http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm>

Определение манипулятивного посыла информационных сообщений

Рассмотрим пример высказывания, которое несет как эксплицитные, так и имплицитные элементы смыслов:

В стране должна быть власть, которая основана на гражданах, а не на ресурсе. Сейчас *ресурсно-вотчинное государство, а не гражданское. У нас боярин сидит, правит ресурсом, своей вотчиной, людишки несут ему меха, как в XVI веке*².

Как правило, дешифровка манипулятивного посыла занимает две-три операции. Во-первых, необходимо выявить элементы, в которых, возможно, вербализован основной смысл высказывания относительно интересующего объекта (в данном случае – государства). Во-вторых, необходимо привести «к общему знаменателю» все выявленные языковые элементы, проанализировать их (в первую очередь для этого необходим толковый словарь) и подобрать под них номинацию объекта, наиболее полно и точно отражающую все вербализованные смыслы. В-третьих, следует оценить взаимосвязь языковой части текста и возможно присутствующих в нем невербальных элементов, общий контекст, пара- и экстралингвистические факторы (при их наличии), а также их влияние на понимание сообщения, после чего при необходимости внести коррективы и прийти к конечному результату.

Ресурсы, вотчина, пренебрежительное *людишки*, которые несут *боярину меха*, как в XVI веке – это лексические единицы, которые, как мозаику, собирают картину феодального, средневекового государства и порождают к нему соответствующее отношение как к недоразвитому, устаревшему, антисоциальному образованию. Прямо это не написано, однако реципиент может чувствовать негативные коннотации общего контекста или отдельных слов. И чем слабее он их почувствует, тем эффективнее оказывается замаскирован манипулятивный посыл. Так устанавливается манипулятивный посыл сообщения (он же – основная концептуальная установка): «Россия – это феодальное государство».

Отметим, что точно задать концептуальную установку не всегда представляется возможным. В первую очередь из-за разного понимания вытекающих из выявленных элементов смыслов. По большому счету, единому пониманию сообщения (серии сообщений) мешает комплекс устоявшихся

²URL: <https://life.ru/p/841488>.

представлений, ассоциаций и вариантов восприятия языковых единиц, индивидуальный для каждого человека. Тем не менее дифференцированное понимание заложенного манипулятивного посыла аудиторией «выравнивается» с течением времени и возрастом количества сообщений, «уточняющих» введенные ранее смыслы и привносящих новые.

Так, до начала специальной военной операции ВС РФ власти Украины обозначались в российских национально-ориентированных СМИ в сдержанных, нейтральных формулировках: *руководство Украины, офис президента Украины, украинский лидер* и т. п. Однако после февраля 2022 года в некоторых крупных информационных источниках при обозначении В. Зеленского внезапно пропало слово *президент*¹, а руководство Украины в риторике российских официальных лиц стало обозначаться как *киевский, антинародный и правящий на территории Украины режим*².

Слово *режим* в словаре Ожегова определяется как «государственный строй (обычно об антинародном, антидемократическом строе)»³. Как в русскоязычных, так и в иноязычных политических текстах оно выполняет пейоративную функцию и несет резко отрицательную окраску, ассоциируясь с такими правителями, как Гитлер, Муссолини и т. п., обычно имея свойства дисфемизма:

Мы страна без легитимной власти. Мы страна с режимом. Режим, узурпация власти. Политические заключенные. Ведется война на чужой территории⁴.

Несмотря на то, что режим может быть демократическим (политический режим, где источником власти является народ), гораздо чаще с этой лексемой употребляются прилагательные *авторитарный, диктаторский, монархический, олигархический* и др. Например, в западных СМИ понятием «режим» характеризуется государственный строй России (*путинский режим*), Сирии (*режим Асада*), Ливии (*режим Каддафи*), однако в них невозможно встретить словосочетания *режим Байдена, режим Макрона, режим Шольца*. С такими номинациями, как *режим*, действует правило повторения – чем больше они будут применяться в речевой практике, тем глубже «осядут» в сознании реципиентов.

Общепотребительной в отношении руководства Украины в российском информационном

пространстве стала и еще более радикальная номинация *хунта* – «военная реакционная террористическая группировка, захватившая власть и установившая террористическую диктатуру»⁵. Эта характеристика также привносит свои концептуальные векторы, которые дополняются такими лексическими единицами, как *боевики, каратели, террористы и нацисты*, употребляющимися в отношении представителей украинских вооруженных формирований.

Все эти словоупотребления создают для аудитории информационную картину, в которой Украина уже не может считаться полноценным государством, ей правят террористы, нацисты и хунта. Таким образом, только этими несколькими вербально выраженными «поправками», внесенными в российский политический дискурс, концептуальные установки коммуникаторов были скорректированы до метафорических моделей типа: «Украина – это недемократическое / неполноценное государство», «Украинское руководство – это хунта / антинародная власть» и др. Это говорит о резком изменении отношения российского руководства к украинским властям и подготовке общественного мнения к скорой военно-политической реорганизации территории Украины.

В украинском же информационном пространстве, как и в целом на Западе, преобладает образ Украины как жертвы: жертвы нападения, агрессии, оккупации, голода и т. д. Ярлык жертвы означает идеальную политическую и морально-нравственную позицию в глазах международного сообщества: сразу возникает право на самооборону, появляется повод обратиться за финансово-экономической, материальной и военной поддержкой, информационно нивелируются возможные издержки репрессивных политических мер внутри страны под предлогом введения военного положения и необходимости консолидации общества перед общей угрозой и т. п. Одновременно закрепляются в общественном сознании заблаговременно сформированные концептуальные установки, указывающие на уникальность украинской нации, ее идентичность как превосходство над русскими, историческое первенство (в том числе относительно России) и правопреемственность Древней Руси: «Украина – это не Россия / Антироссия / истинная Русь / наследница Киевской Руси» и др.⁶

Типичные проявления этих манипулятивных посылов встречались в украинском официальном

¹URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220730/evakuatsiya-1806153480.html>; <https://ria.ru/20220728/rus-1805515750.html>

²URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>; <https://ria.ru/20220724/lavrov-1804653720.html>

³URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26862>

⁴URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1632160-echo/>

⁵URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34623>

⁶URL: <https://www.kp.ru/daily/26990.5/4050896/>; <https://russtrat.ru/reports/10-aprelya-2022-0010-9879>

политическом дискурсе задолго до начала проведения специальной военной операции:

Киевская Русь должна развалить Московию как тюрьму народов. Это является миссией Украины – сдержать нашествие агрессора на европейскую цивилизацию, демократические ценности¹.

Информационная политика, основанная на исторически, политически и философски ложных идеологических установках, может проводиться только в условиях тотального дезинформирования собственного населения, начиная с самых молодых поколений. Для эффективного манипулирования общественным мнением дезинформация «реализуется, как правило, через все виды средств массовой информации в течение длительного времени» [Война и мир в терминах и определениях, 2011, с. 93] и включает разные формы и приемы [Серов, 2019]. Поэтому фейки часто представляют собой не просто непроверенные сообщения, хаотично блуждающие в информационном пространстве, а спланированные информационные атаки, «основная цель которых – дестабилизировать социально-политическую обстановку противника»².

Сконструировать искомую информационную картину и (если уже) репрезентировать образ мишени воздействия коммуникатору позволяют не только вербальные, но и невербальные элементы сообщений. Соответственно, информационно-психологическое воздействие оказывается на массовую аудиторию комплексно: как в сугубо языковой плоскости, так и в аудиальной и визуальной. Это подразумевает наличие в сообщениях СМИ фото- и видеоматериалов, изображений, аудиоряда и других элементов, которые воздействуют на человека через разные органы чувств и совместно с текстовой частью взаимно дополняют друг друга. Особенно важна в поликодовых мультимодальных сообщениях визуальная оболочка, которая выступает в роли невербальной метафоры: она концептуализирует образы, порождает ассоциативные связи, формирует имплицитные смыслы.

Поликодовый мультимодальный (по другой терминологии – креолизованный) текст – «это особый феномен, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, что предполагает его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Ворошилова, 2013, с. 177]. Взаимодействие слова и изображения представляет

собой не сумму семиотических знаков, а образует систему смыслов, в которой значения составляющих элементов интегрируются и дополняют друг друга. Типичный пример креолизованного текста – демотиваторы и им подобные наглядные агитационные материалы плакатного характера (постеры, листовки, карикатуры и т. д.).

В приведенном на рисунке 1 агитплакате изображение играет ведущую роль и практически самостоятельно формирует ассоциативно-метафорические связи. Понять заложенные концептуальные установки аудитория в состоянии и без текста, хотя и не совсем точно. Обособленно от визуальной части сообщения слова *вот в чем разница* не имели бы смысла, однако они уточняют и финализируют заложенные в ней смыслы, противопоставляя воюющие стороны:

Союзные силы РФ, ЛНР и ДНР –
это защитник мирного населения

Мирное население –
это живой щит украинских войск

Украинские войска – это террористы.

Рис. 1. Пример агитплаката в интересах информационно-психологического воздействия

По большому счету, создание стереотипа через конструирование метафорических образов и ассоциативных связей обеспечивается вербальными и невербальными средствами в четырех дополняющих друг друга формах информационно-психологического воздействия: информировании как передаче реципиенту новых сведений об уже известных ему или неизвестных до этого элементах действительности [Леонтьев, 2008], убеждении как изменении способа «вхождения элементов поля значений в деятельность реципиента» [там же, с. 86], манипулировании как «скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2023, с. 25] и дезинформации. Все

¹URL: <https://lenta.ru/news/2019/08/26/gopko/>

²URL: <http://redstar.ru/ne-doverayaj-a-proveryaj/>

перечисленные формы содержат широкий инструментарий вербальных приемов, реализующихся в рамках различных речевых стратегий и тактик.

Отдельного внимания заслуживает феномен замалчивания информации. Несмотря на то что формально замалчивание не подразумевает использование языковых средств и может быть отнесено к невербальному (а если шире – неосознаемому) воздействию, оно тем не менее в ряде случаев идентифицируется за счет вербально выраженных маркеров в речи коммуникатора. В частности, в условиях, когда в комментариях по какой-либо теме остро нуждается общественность, высказывания официальных лиц могут стать неудачной попыткой минимально уделить ей внимание или не нагнетать и без того высокую напряженность. В силу человеческого фактора, а в некоторых случаях – намеренно – иногда это делается так, чтобы наоборот повысить градус общественного обсуждения. Так, невольная анафора и неуклюжее отрицание в высказывании официального представителя МИД Тайваня относительно возможного визита Н. Пелоси, спикера Палаты представителей США, на остров в августе 2022 года позволяют говорить о том, что он «замалчивает» что-то, а это – явный признак сокрытия значимой информации и, возможно, каких-то интенций:

Мы не дадим никаких комментариев по поводу сообщений о плане поездки Пелоси, мы не дадим никакой дополнительной информации для СМИ¹.

Мы не дадим – это значит: «У нас есть какая-то информация, но мы ее не дадим». Как оказалось впоследствии, Пелоси действительно посетила Тайбэй.

Чтобы «замолчать» невыгодную и неудобную информацию для мировой аудитории, Генеральный секретарь ООН (!) в своих выступлениях сознательно не упоминает виновника в обстрелах Запорожской АЭС, называния ответственной стороны нет даже в вопросе журналиста:

Question: The nuclear plant in Ukraine is under military attack, what are the actions to be taken by the UN and the IAEA on that aggression?

Answer: Well, we fully support the IAEA in all their efforts in relation to creating the conditions of stabilization of that plant. Any attack to a nuclear plant is suicidal thing and I hope that those attacks will end and at the same time I hope that the IAEA will

be able to have access to the plant and to exercise its mandated competencies².

Вопрос: Атомная станция в Украине подвергается военному нападению, какие действия должны предпринять ООН и МАГАТЭ в связи с этой агрессией?

Ответ: Да, мы полностью поддерживаем МАГАТЭ во всех их усилиях по созданию условий для стабилизации этой станции. Любая атака на атомную станцию – это самоубийство, и я надеюсь, что эти атаки прекратятся, и в то же время я надеюсь, что МАГАТЭ сможет получить доступ к станции и выполнить свои полномочия, предусмотренные мандатом.

Остается только догадываться, кто является виновной стороной. Но, учитывая, что двумя днями ранее А. Гуттериш дважды (!) заявил о «вторжении»³ России на Украину, аудитории уже был дан конкретный ориентир.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, технология информационно-психологического воздействия может быть представлена в виде цепочки, первым звеном которой является создание концептуальной связи «X – это Y» через эксплицитное или имплицитное *называние* мишени с помощью вербальных и невербальных элементов, несущих стилистические коннотации и порождающих в сознании реципиента соответствующие ассоциативно-метафорические реакции (необходимо учитывать все варианты выражения информации: пропозиции, следствия, пресуппозиции и др.). Вторым звеном выступает укрепление этой связи через протяженные во времени, многочисленные и вариативные повторения семантически гомогенных манипулятивных посылов. Наконец, третьим звеном является закрепление в индивидуальном и массовом сознании устойчивых, стереотипизированных концептуальных установок, которые всегда *относительны* и определяются в сообщении *относительно* выбранной мишени информационного воздействия или интересующего объекта внеязыковой действительности.

Теоретико-прикладной инструментарий информационного и психологического воздействия сегодня всё еще находится в процессе осмысления широкой общественностью и нуждается

¹МИД Тайваня не решился комментировать сообщения о визите Пелоси // Федеральное агентство новостей.

URL: https://riafan.ru/23567588-mid_taiwanya_ne_reshtsya_kommentirovat_soboscheniya_o_vizite_pelosi

²URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/press-encounter/2022-08-08/secretary-generals-remarks-the-press-japan-national-press-club>

³URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2022-08-06/secretary-generals-remarks-the-anniversary-of-the-atomic-bombing-of-hiroshima>; <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2022-08-06/secretary-generals-opening-remarks-press-encounter-hiroshima-japan>

в системном обосновании и детальном описании. Главным образом это касается стереотипных способов задеирования определенных языковых средств в массовой коммуникации, однако немаловажную часть составляет и экстралингвистическое сопровождение сообщения: его аудиовизуальная оболочка и другие особенности коммуникации. Клишированный, повторяющийся и методически организованный характер использования

вербальных и невербальных средств в сообщениях СМИ и речевых произведениях публичного общения образует универсальную матрицу информационно-психологического воздействия, которая представляет собой целостную систему опосредованного коммуникативного влияния на аудиторию с целью конструирования автономной гиперреальности и достижения устойчивого манипулятивного эффекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42–50. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
2. Cluzel du F. Cognitive Warfare // Innovation Hub. June–November 2020. P. 1–45. URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf
3. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012.
4. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
5. Байгарина Г. П. Оценочность как универсалия публицистического текста // Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального: материалы III Международной научно-методической конференции. М.: МГЛУ, 2004. С. 17–19.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.
7. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе: монография. М.: Р. Валент, 2016.
8. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. 5-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
9. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М.: Вече, 2011.
10. Серов А. Дезинформация как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2019. № 8 (869). С. 14–20.
11. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. № 4 (46). С. 177–183.
12. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. М.: Смысл, 2008.
13. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 9-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2023.

REFERENCES

1. Skovorodnikov, A. P., Koptina, G. A. (2016). Linguistics of information and psychological warfare: to the substantiation and definition of the concept. *Politicheskaya lingvistika*, 1(55), 42–50. Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyi pedagogicheskiy universitet. (In Russ).
2. Cluzel du, F. (June–November, 2020). Cognitive Warfare. Innovation Hub. https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf
3. Chudinov, A. P. (2012). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics: a textbook*. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ).
4. Mihaleva, O. L. (2004). *Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipulyativnogo vozdejstviya = Political discourse as a sphere of implementation of manipulative influence: PhD in Philology*. Irkutsk. (In Russ.)
5. Bajgarina, G. P. (2004). *Ocenochnost' kak universalija publicisticheskogo teksta = Evaluativeness as a universal feature of journalistic text. Problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v celyax prepodavaniya russkogo*

- yazy`ka kak nacional`nogo: Materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii (pp. 17–19). Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
6. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory` (1991–2000) = Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000): monograph. Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyi pedagogicheskiy universitet. (In Russ.)
 7. Zaripov, R. I. (2016). Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse = Russia's image metaphorical modeling in French political discourse: monograph. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
 8. Baranov, A. N. (2013). Lingvisticheskaya e`kspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika = Linguistic expertise of the text: theoretical foundations and practice: a textbook. 5th ed. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)
 9. Rogozin, D. O. (2011). (Ed.). Vojna i mir v terminax i opredeleniyax = War and peace in terms and definitions. Military-political dictionary. Moscow: Veche. (In Russ.)
 10. Serov, A. (2019). Dezinformaciya kak instrument vneshnej politiki ryada zarubezhny`x stran = Disinformation as a tool of foreign policy of a number of foreign countries. Zarubezhnoe voennoe obozrenie, 8(869), 14–20. (In Russ.)
 11. Voroshilova, M. B. (2013). Kreolizovannyj tekst: princip celostnosti ili princip zamenyaemosti = Creolized text: principle of integrity or principle of replaceability. Politicheskaya lingvistika, 4(46), 177–183. Ekaterinburg: Uralskiy gosudarstvennyi pedagogicheskiy universitet. (In Russ.)
 12. Leont'ev, A. A. (2008). Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoi kommunikatsii = Applied psycholinguistics of speech communication and mass communication, ed. by A. S. Markosyan, D. A. Leont'ev, Yu. A. Sorokin. Moscow: Smysl. (In Russ.)
 13. Kopnina, G. A. (2023). Rechevoe manipulirovanie = Speech manipulation: a textbook. 9th ed. Moscow: FLINTA. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарипов Руслан Ирикович

кандидат филологических наук

докторант Военного университета им. князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaripov Ruslan Irikovich

PhD (Philology)

Doctoral Candidate, Prince Alexander Nevsky Military University

of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.11.2022
26.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_55

Основные способы образования новых лексических единиц в американской прессе

Е. И. Кригер

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

elenakruger2021@yandex.ru

Аннотация. В статье на примерах из американских газет показано, что словарный состав языка пополняется новыми словами, которые используются в СМИ и рекламе, в речи политиков и общественных деятелей. Рассмотрены некоторые новые лексические единицы из средств массовой информации США и выявлены способы их образования. Примеры взяты из различных газетных тематических направлений. Наиболее частотные способы образования новых слов: аббревиация, контаминация, образование сложных слов, словосочетание.

Ключевые слова: аббревиация, контаминация, критерий, модель, пресса, сложное слово, словосочетание

Для цитирования: Кригер Е. И. Основные способы образования новых лексических единиц в американской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 55–59. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_55

Original article

The Main Ways of Forming New Lexical Units in the American Press

Elena I. Krieger

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

elenakruger2021@yandex.ru

Abstract. The article uses examples from American newspapers to show that the vocabulary of the language is replenished with new words that are used in the media and advertising, in the speech of politicians and public figures. Some new lexical units from the mass media of the United States of America are considered and the ways of their formation are revealed, while all examples are taken from various newspaper thematic groups. The most frequent ways of forming new words are abbreviation, contamination, word composition, word combination.

Keywords: abbreviation, contamination, criterion, model, press, compound word, word combination

For citation: Krieger, E. I. (2023). The Main Ways of Forming New Lexical Units in the American Press. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 55–59. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_55

ВВЕДЕНИЕ

Пополнение словаря активной лексики происходит ежедневно. В обиходе появляются новые слова, которые используются в СМИ и рекламе, в речи политиков и общественных деятелей. Как показали наши предыдущие исследования, формирование новых лексических единиц происходит по уже имеющимся в языке моделям [Кригер, 2020].

Актуальность работы заключается в том, что для более глубокого понимания специфики различных форм существования языка насущной необходимостью становится постоянное изучение новой лексики. Основная задача работы – исследование новых лексических единиц, появившихся в американских СМИ за последние несколько лет, для более глубокого понимания причин их возникновения и правильного употребления в современной прессе США.

В статье используются «устоявшиеся в лингвистике критерии к определению новых слов: время, языковое пространство (сферы и жанры употребления), новизна единицы, структурные признаки слова, позволяющие считать его новым словом» [Котелова, 1988, с. 61]. В работе были использованы тексты электронных версий таких изданий, как «New York Post» и «New York Daily» за 2020–2022 годы.

ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аббревиация

Как показывают ранее проведенные исследования, основными продуктивными способами образования новых лексических единиц являются сокращения (аббревиация и контаминация), а также сложные слова и словосочетания. В первую очередь рассмотрим несколько аббревиатур, под которыми мы понимаем единицы, составленные из начальных букв элементов словосочетания [Борисов, 1972]. Так, аббревиатура *fwiw*¹ является сокращением фразы *for what it's worth* и часто используется в электронных письмах и в мессенджерах. Словарь «Cambridge Dictionary»² дает ей следующее толкование:

for what it's worth: used, for example in emails, *when you are giving someone information and you do not know if it is useful or not* – когда вы даете кому-то информацию и не знаете, полезна она или нет³

¹URL: <https://nypost.com/2020/09/29/kamala-harris-calls-ruth-bader-ginsburg-the-notorious-b-i-g/>

²URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

³Перевод наш. – Е. К.

Новой единицей можно считать аббревиатуру **HUA**: Heard, Understood, Acknowledged. Словарь «Urban dictionary»⁴ объясняет ее так:

Military term 1. Heard, Understood and Acknowledged.
2. Anything but «no». **3.** To be all for something.
4. To question if something is heard, understood and acknowledged (*Военный термин 1. Прочитанный, понятый и признанный. 2. Всё, что угодно, кроме 'нет'. 3. Быть всем для чего-то. 4. Задавать вопросы, если что-то услышано, понято и признано*).

Аббревиатура **PDA – Public display of Affection** (публичное проявление привязанности) встречается в следующем примере:

Romantic body language and / or passionate physical interaction between lovers in full public view. When overused or too graphic, can be indicative of an insecure couple in an unstable relationship. PDA exhibitionism is used by many couples to prove their love to onlookers, and to elicit envy⁵. – Романтический язык тела и / или страстное физическое взаимодействие между влюбленными на виду у всех. При чрезмерном использовании или слишком наглядном изображении это может свидетельствовать о нестабильных отношениях в паре. Публичное проявление привязанности используется многими парами, чтобы показать свою любовь зрителям и вызвать зависть.

Еще одна значимая аббревиатура **POC – People of color**. Словарь «Merriam Webster» дает следующее толкование:

People of color also persons of color: a person whose skin pigmentation is other than and especially darker than what is considered characteristic of people typically defined as white: a person who is of a race other than white or who is of mixed race⁶. – Человек, пигментация кожи которого темнее, чем у людей, определяемых как белые: человек, который принадлежит к расе, отличной от белой, или к смешанной расе.

Аббревиатура **BIPOC – Black, indigenous, and people of color** (букв. 'чернокожие, коренные жители и цветные люди')⁷. «Urban dictionary» объясняет эту единицу так:

⁴URL: <https://www.urbandictionary.com/>

⁵URL: <https://pagesix.com/2023/01/13/lori-harvey-damson-idris-spark-dating-rumors-with-pda-photo/>

⁶URL: <https://pagesix.com/2022/05/06/theater-lovers-campaign-to-save-broadways-for-coloredgirls/>

⁷URL: https://pagesix.com/2022/02/05/awkwafina-addresses-alleged-blaccent-quits-twitter/?_gl=1

Basically, anyone that is not white. Black and indigenous people get a special shout out because they are currently contending for winner of the Oppression Olympics (at least in the “racial group” category). Asians, while technically included, do not get a special shout out because they are too successful. – Чернокожие, коренные жители и цветные люди. В основном любой, кто не является белым. Чернокожие и коренные жители заслуживают особого внимания, потому что в настоящее время они борются за звание победителя олимпийских игр по борьбе с угнетением (по крайней мере, в категории «расовая группа»).

Азиатское население, хотя и включено в формальный список, не получает особого внимания, потому что они слишком успешны.

Контаминация

Поскольку в современной лингвистике проблеме контаминации посвящено много исследований и для обозначения данного феномена предложен ряд терминов, в статье рассматриваются телескопические единицы, в которых один из компонентов представлен усеченной формой. Единицы указанного типа представляют собой пример лексической контаминации [Позднякова, 2017].

Например, единица *murse*¹ обозначает «male purse» до сих пор достаточно спорный аксессуар мужского гардероба, нередко вызывающий неодобрение. Лексема образована путем контаминации: *murse* < *male* + *purse* и активно используется в современной американской прессе.

По мере распространения эпидемии коронавируса появляются новые лексические единицы, обозначающие понятия, связанные с данным явлением. Например, единица *casedemic* < *case* + *pandemic* / *epidemic*² саркастическая, оценочная, с оттенком горькой иронии: *количество случаев ковида растет, количество смертных и тяжелых исходов сокращается*.

Сокращение *Gen C* сейчас широко используется для обозначения детей, родившихся в период пандемии коронавируса³. «Urban dictionary» так интерпретирует это сокращение:

The generation born after January 1st 2020, preceding Gen Z. Named after the viral Coronavirus, this generation is destined for a life of turmoil and confusion. The

social distancing Covid-19 brought us will likely make this generation even more socially awkward than Gen Z. They've been born into a world tangled with problems and chaos, so let's do our best to welcome them with open arms... From 6 feet away. – Поколение, родившееся после 1 января 2020 года, идущее после поколения Z. Названное в связи с коронавирусом, это поколение обречено на жизнь, полную потрясений и неразберихи. Социальное дистанцирование, которое принес Covid-19, вероятно, сделает это поколение еще более социально неловким, чем поколение Z. Они родились в мире, полном проблем и хаоса, поэтому давайте сделаем всё возможное, чтобы встретить их с распростертыми объятиями... С расстояния шести футов.

Новая лексическая единица *coof* представляет собой контаминант, образованный путем слияния единиц *covid* и *cough*. В данном случае речь идет о фонетическом, а не графическом компоненте единицы *cough*.

Coof – a newly coined term for coughing while infected with the coronavirus – недавно появившееся понятие, обозначающее кашель у тех, кто заразился коронавирусом⁴.

Обладая прозрачной структурой и возможностью зрительного и звукового восприятия читателями американских СМИ, контаминированные единицы своей необычностью привлекают внимание. Например, заголовок статьи в газете «The New York Post» гласит: «Kanye-Trump bromance shows how GOD should keep courting black voters» («Броманс Канье и Трампа показывает, как Республиканская партия должна продолжать ухаживать за чернокожими избирателями»). Лексическая единица *bromance* употребляется для обозначения важности привлечения голосов чернокожих американцев на сторону республиканской партии. Она обладает новизной и оригинальностью, образована телескопией – *bromance* = *brother* + *romance*, т. е. происходит как бы «наложение» друг на друга двух частично совпадающих основ, в результате чего невозможно установить, к какому компоненту сложносокращенного слова относится общий элемент.

Showmance – еще один контаминант, имеющий в своем составе единицу *romance*⁵: *show* + *romance* < *showmance*. В данном случае имеет место соедине-

¹URL: <https://nypost.com/2019/07/08/forget-man-bags-murses-are-the-hot-new-accessory-for-men/>

²URL: <https://nypost.com/2020/10/05/cuomo-de-blasio-both-ignore-science-sense-in-latest-lockdown-moves/>

³URL: <https://pagesix.com/2022/11/15/nick-cannon-jokes-about-populating-america-after-welcoming-11th-child/>

⁴URL: <https://nypost.com/2020/04/21/de-blasios-social-distancing-tip-line-flooded-with-obscenities/>

⁵URL: <https://pagesix.com/2018/02/13/piers-morgan-omarosa-wanted-a-showmance-called-me-homophobic-slurs/>

ния компонента первого слова и конца второго. «Urban dictionary» так объясняет это явление:

When actors engage in a romance for the run of a show. The term originated in the theater and moved to movies and scripted television and then reality television. The term has now moved to the populace to describe any contrived romance. – Когда актеры заводят роман на время представления. Термин возник в театре и перекочевал в кино и на телевидение, а затем и в реалити-шоу. Теперь этот термин употребляется для обозначения любого надуманного романа.

Как и в предыдущем примере, единица **Blaccent** (**black + accent**) образована путем соединения компонента первого слова и конца второго: **black + accent < blaccent**.

Поскольку США – многонациональная и мультирасовая страна, вопросы рас и национальностей остаются для нее чрезвычайно острыми. Например, актриса Аквафина (Akwafina), урожденная Нора Лам (Nora Lum), была подвергнута критике из-за использования афроамериканских просторечий – *African American Vernacular English* (AAVE)¹. Словарь «Merrriam-Webster» дает такое толкование AAVE:

noun variants or less commonly African American Language: a variety of American English spoken chiefly by African Americans – разновидность американского английского, на котором в основном говорят афроамериканцы

В статье для обозначения описанного акцента **AAVE** используется единица *blaccent*. Актрисе поставили на вид, что с азиатской внешностью не стоит разговаривать, как чернокожие жители США. Здесь же коррелируется тема «свой – чужой», а также язык различных социальных групп и этнических меньшинств. Таким образом, единица *blaccent* – оценочная, неодобрительная, используется для негативного описания манеры разговаривать, подражая афроамериканцам.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Приобретение языковыми единицами новых значений и использование их в словосочетаниях и сложных словах также широко используется при образовании новых лексических единиц. Например:

¹URL: <https://pagesix.com/2022/02/05/>

akwafina-addresses-alleged-blaccent-quits-twitter/

White cis men – White straight guy, Dear white straight cisgender man...

Субстантивный комплекс **White cis men** уже стал мемом². На фоне LGBTQ+ движения белый гетеросексуальный мужчина в США уже кажется редкостью. Как отмечает «Urban dictionary»:

Cis Male is someone who was born a male and identifies himself as a male. Цисмужчина – это тот, кто родился мужчиной и идентифицирует себя как мужчина.

White cis men – это новая оценочная лексическая единица, которая может нести как положительную, так и отрицательную коннотацию в зависимости от контекста. Для людей с традиционными ценностями это сочетание слов звучит как надежда, гордость, за своих братьев и сыновей. А для людей-сторонников новых веяний звучит как обозначение мужланства и неотесанности.

В противовес единице **White cis men** необязательно будет использована единица диаметрально противоположная по значению. Например, **soy boy**³. *Соевый мальчик* – уничижительный термин, часто используемый в онлайн-сообществах для описания мужчин, лишенных мужских качеств. «Urban dictionary» объясняет данную единицу так:

An effeminate male whose feelings get hurt far too often, usually resulting in some kinda of pitiful retort or changing of the subject. – Женоподобный мужчина, чьи чувства задеваются слишком часто, что обычно приводит к какой-нибудь жалкой реплике или смене темы.

Определенно в слове заложена отрицательная оценочность, неодобрение и некое разочарование. Единица получила свое распространение после приобретения отдельного лексического значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ новых лексических единиц из статей американских газет показывает, что основными способами их образования являются аббревиация, контаминация, сложное слово, словосочетание. Наиболее продуктивными способами является аббревиация и сокращения,

²URL: <https://nypost.com/2022/11/14/>

gettysburg-college-postpones-event-for-people-tired-of-white-cis-men/

³URL: <https://nypost.com/2019/04/06/>

pathetic-democrats-have-become-the-party-of-apologies/

которые выявлены в сферах технологий и в различных сферах общественной жизни: в индустрии моды, политике, экономике и медицине. Нередко такие единицы создаются преднамеренно, хотя возможно и случайное их появление в обиходной речи носителей английского языка в целях краткого, понятного и яркого выражения мысли.

Приведенные нами примеры новых лексических единиц позволяют сделать вывод о том, что

они являются ответом современного американского общества на ряд злободневных проблем, касающихся политической ситуации в стране, взаимоотношений социальных и этнических групп, борьбы с пандемией коронавируса и т. п. В связи с обновляющейся языковой картиной мира, изменения в которой связаны с появлением новых слов, данное направление исследования обладает значительным потенциалом для дальнейших научных изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кригер Е. И. Новые единицы в американских СМИ: словообразовательные характеристики и сфера их употребления // Филологический аспект. 2020. № 11 (67). С. 46–50.
2. Котелова Н. З. Теоретические аспекты описания неологизмов // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. С. 46–63.
3. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972.
4. Позднякова Е. М. Современное английское словообразование: когнитивный аспект // Современные тенденции в германском языкознании: особенности вербализации смыслов: коллективная монография / под общ. ред. Е. В. Пономаренко. М.: НИУ МГОУ, 2017.

REFERENCES

1. Kriger, E. I. (2020). New units in american media: characterization of word formations and scope of their USE. *Filologicheskij aspekt*, 11(67), 46–50. (In Russ.)
2. Kotelova, N. Z. (1988). *Teoreticheskiye aspekty opisaniya neologizmov* = Theoretical aspects of neologism description. In *Sovetskaya leksikografia* (pp. 46–63). Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
3. Borisov, V. V. (1972). *Abbreviatsiya i akronimiya. Voennye i nauchno-tehnicheskiye sokrashcheniya v inostrannykh yazykakh* = Abbreviation and acronyms. Military and scientific and technical abbreviations in foreign languages. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
4. Pozdnyakova, E. M. (2017). *Sovremennaya angliyskoye slovoobrazovaniye: kognitivnyy aspekt* = Modern English Word Formation: Cognitive Aspect. In Ponomarenko, E. V. (ed.), *Sovremennye tendentsii v germanskom yazykoznanii: osobennosti verbalizatsii smyslov: collective monograph*. Moscow: Moscow Region State Pedagogical University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кригер Елена Ивановна

кандидат филологических наук

преподаватель кафедры второго иностранного языка Института иностранных языков им. Мориса Тореза Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krieger Elena Ivanovna

PhD (Philology)

Lecturer at the Department of Second Foreign Languages, M. Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.11.2022
27.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_60

Специфика англоязычного интернет-дискурса блогеров, интерпретирующих современную массовую культуру

А. В. Куковская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

a.kukovskaya@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются англоязычный интернет-дискурс блогеров, интерпретирующих произведения массовой культуры, и такое явление, как «культура соучастия». Изучение данной проблематики происходит с позиций семиотики и герменевтики, а также в русле когнитивной концепции лингвокреативности. Материалом исследования служат записи в англоязычных блогах. Статья содержит выводы, сделанные на основе изучения эмпирического материала.

Ключевые слова: блог, массовая культура, культура соучастия, интерпретация, интернет-дискурс, семиотика, герменевтика

Для цитирования: Куковская А. В. Специфика англоязычного интернет-дискурса блогеров, интерпретирующих современную массовую культуру // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 60–67. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_60

Original article

Peculiarities of English Internet Discourse of Bloggers Engaged in Contemporary Mass Culture Interpretation

Anna V. Kukovskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

a.kukovskaya@linguanet.ru

Abstract. The article examines the English Internet discourse of bloggers engaged in interpreting mass culture works as well as the so-called “participatory culture”. The study is carried out from the perspective of semiotics and hermeneutics and at the same time in line with the cognitive concept of human creativity. English-language posts in blogs were used as the research base. The article contains conclusions based on the study of empirical material.

Keywords: blog, popular culture, participatory culture, interpretation of ideas, Internet discourse, semiotics, hermeneutics

For citation: Kukovskaya, A. V. (2023). Peculiarities of English Internet Discourse of Bloggers Engaged in Contemporary Mass Culture Interpretation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 60–67. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_60

ВВЕДЕНИЕ

Термин «культура соучастия» возник в 90-е годы XX века. Одним из первых его описал Генри Дженкинс [Jenkins, 1992, Jenkins, 2006], философ, культуролог, исследователь медиа, который проследил роль аудитории во взаимодействии с объектами массовой культуры в условиях развития цифровых технологий. Г. Дженкинс изучал сообщества фанатов, которые не просто читали книги или смотрели фильмы и сериалы и играли в компьютерные игры, но и создавали что-то свое на их основе: текстовые произведения – фанфики (англ. *fanfics*, *fanfiction*); визуальные произведения (рисунки, коллажи и др.) – фанарт (англ. *fanart*); музыкальные произведения, а также поделки, кулинарные рецепты и т. п.

Сегодня «культура соучастия» представляет собой распространенный феномен в интернет-пространстве, в частности в англоязычном сегменте блогосферы, посвященном массовой культуре. Блогеры-интерпретаторы представляют собой новую силу в медийном пространстве, способствующую изменению культурной парадигмы, в том числе в области чтения.

Современные средства коммуникации, создающие благоприятные условия для общения людей, несомненно, явились катализатором для развития и процветания культуры соучастия, но предпосылки для ее возникновения появились задолго до распространения Интернета. Наметившийся сегодня переход от индивидуального автора к коллективному творчеству в рамках соучастия в креативном процессе, начался уже, как минимум, на рубеже XIX–XX веков. Еще в конце XIX века ученый-лингвист А.А. Потебня утверждал, что как «слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом», так и читатель способен лучше самого автора «постигать идею его произведения», и заслуга читателя в том, что он открывает неисчерпаемые возможности произведения [Потебня, 1989, с. 167].

В 30-х годах прошлого века лингвист и литературовед Ян Мукаржовский, рассуждая об искусстве, писал «что основа индивидуального сознания вплоть до самых глубинных ее слоев каждый раз определяется содержанием, которое принадлежит коллективному сознанию» [Мукаржовский, 1994, с. 190], а уже в 1967 году Ролан Барт написал эссе о смерти автора, где заявил, что «текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [Барт, 1989, с. 384]. Р. Барт считал, что текст надо освободить от авторской диктатуры в том, что касается однозначной интерпретации смысла художественного произведения, он призывал рассматривать текст как пространство, лишенное окончательного автора (автора-бога). Ученый ставил знак

равенства между текстом и интертекстом: «Текст – это интертекст, “галактика означающих”» [там же, с. 414]. Следует отметить, что Р. Барт понимал текст в семиотическом ракурсе через отношение к знаку, как всецело символическое «произведение, понятое, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы», [там же, с. 416] которое существует только в дискурсе, поскольку текст «не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке)» [там же, с. 414]. Иными словами, Р. Барт понимал под текстом любое произведение культуры, вовлеченное в дискурс в интертекстуальном поле, будь то литература, живопись, музыка и пр.

Вслед за Р. Бартом, мы используем термин «текст» в семиотическом смысле, одновременно опираясь на идеи Ю. М. Лотмана, который также считал, что термин «текст» может применяться «не только к сообщениям на естественном языке, но и к любому носителю целостного («текстового») значения – обряду, произведению изобразительного искусства или музыкальной пьесе», который обладает «некоторым целостным значением и выполняют единую функцию», другими словами, текст есть «целостный знак», или «последовательность знаков» [Лотман, 2000, с. 508].

Сегодня интертекстуальное пространство блогосферы является яркой иллюстрацией мысли Р. Барта о том, что «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту» [Барт, 1989, с. 418]. Он пояснял, что не следует понимать, что у подобной интертекстуальности есть происхождение или источник, и призывал не искать в текстах влияние других текстов, поскольку «текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [там же]. Культура соучастия позволяет рассматривать произведения массовой культуры как отправную точку, как фундамент, на основании которого сами реципиенты продолжают создавать что-то свое, вступают в диалог в пространстве интернет-дискурса блогосферы и становясь, в свою очередь, авторами элементов интертекста. Как писал У. Эко, «конец текста – это еще не конечное его состояние», поскольку задача читателя – интерпретировать текст, «совершить свой собственный свободный выбор и переосмыслить весь текст» [Эко, 2007, с. 65].

«КУЛЬТУРА СОУЧАСТИЯ»: К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БЛОГЕРАМИ ТЕКСТОВ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Вследствие расцвета культуры соучастия блогеры-интерпретаторы рассматривают большинство текстов как «открытые». Под «открытыми

текстами» мы, вслед за У. Эко, понимаем такие, в которые изначально заложена широчайшая возможность их интерпретации, в то время как закрытые тексты обычно навязывают реципиенту свой строй мыслей [Эко, 2007]. Под интерпретацией понимается «ситуативно-личностное осмысление полученной информации» [Карасик, 2020, с. 14]. Если принять утверждение У. Эко об открытых текстах и воззрения Р. Барта о том, что «тексту присуща множественность... что у него не просто несколько смыслов, но что в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая – множественность неустранимая, а не просто допустимая» [Барт, 1989, с. 416], и допустить, что текст обладает «тайным, глубинным» смыслом, который «нужно искать», то произведение возможно рассматривать как знак, который «подлежит ведению герменевтики, интерпретации» [там же, с. 417].

Иными словами, вследствие того, что блогеры-интерпретаторы воспринимают тексты как открытые устройства, обладающие тайным смыслом, который надо интерпретировать и сделать явным, интертекстуальное интерпретативное поле непрерывно расширяется, а границы каждого конкретного текста, представленного в виде произведения массовой культуры, размываются. Тексты перетекают друг в друга, никакой из них не является конечным, изначальный текст представляется условным (договорным) понятием (рис. 1).

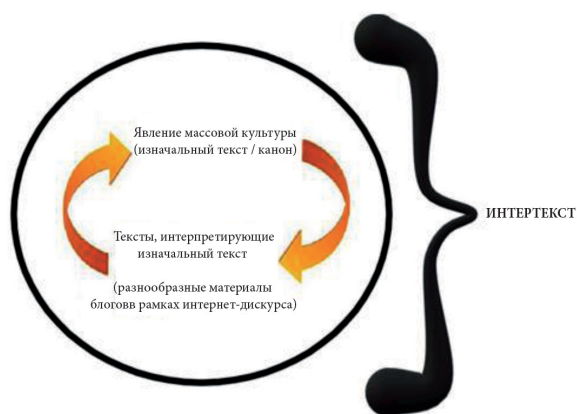

Рис. 1. Бесконечный процесс порождения семиотического интертекста в дискурсе блогосферы

Иногда блогеры договариваются, что книга будет являться изначальным текстом по отношению к фильму по ее мотивам, а фанатские произведения, как правило, всегда вторичны. Однако иногда книга и фильм могут быть насколько далеки друг от друга (иметь разные сюжеты, героев, концовки и т. п.), что воспринимаются блогерами-интерпретаторами как два разных изначальных текста. Изначальный текст (состоящий из произведения,

его продолжений и т. п. и официальных материалов от оригинальных авторов или их правопреемников) в блогосфере обычно называется «каноном» (англ. canon).

Важность интерпретатора, читающего текст и постигающего при этом «скрытые смыслы», невозможно переоценить. Ключевую роль интерпретатора отмечает, например, современный представитель философской герменевтики П. Рикёр, подчеркивающий, что «интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» [Рикёр, 2002, с. 44]. Важно отметить, что, по мнению П. Рикёра, множественность или конфликт интерпретаций является, скорее, достоинством, чем недостатком [Рикёр, 1995].

Аналогичные идеи о роли читателей-интерпретаторов, перекликающиеся с воззрениями Р. Барта, У. Эко и П. Рикёра, высказывает и современный французский литературовед и психолог Пьер Байяр, утверждающий, что автор для текста – лишь промежуточный этап. П. Байяр рассуждает о «внутренней книге», т. е. «наборе мифологических представлений, коллективных или индивидуальных, которые возникают между читателем и всяким написанным текстом и определяют его прочтение» и призывает «воспринимать ее [книгу] во всей множественности смыслов, чтобы не упустить ни одну из ее виртуальных линий» [Байяр, 2014, с. 28]. Интерпретации канона, выявленные скрытые смыслы (не подтвержденные официально), приписываемые произведению детали или вариации, на самом деле отсутствующие в каноне, в блогосфере называются «фаномом» (*fan* + *canon*, *fanon*), т. е. неофициальным каноном, таким, в который верят интерпретаторы, но который, как правило, не совпадает с мнением автора или фактами изначального произведения.

В рамках концепции культуры соучастия стремление блогеров к созданию интерпретаций и фанона можно объяснить не только восприятием произведений как открытых текстов, но и тем, что активное участие в порождении интертекста и сам процесс творческой интерпретации активизирует лингвокреативное мышление блогеров и доставляет им дополнительное удовольствие, продлевая наслаждение от чтения или просмотра. Исследователи отмечают, что «активная работа читателя становится фактором, повышающим удовольствие от чтения» [Арнольд, 2002, с. 72]. При соприкосновении с произведением массовой культуры, реципиент испытывает «интеллектуальную радость» [Лотман, 1998, с. 69], которую стремится продлить, а интерпретация произведения позволяет блогеру почувствовать

себя вовлеченным в деятельность, выходящую за рамки создания записей, «сидя дома за клавиатурой компьютера», что, в свою очередь, повышает самооценку и, следовательно, позволяет испытать положительные эмоции.

Стремление испытать эмоции, весь их спектр, и поделиться ими с другими коммуникантами, является стимулом для блогеров, пишущих о произведениях массовой культуры. Более того, следует учитывать, что в интертекстуальном поле текста, которое и есть сам текст, происходит игра, благодаря которой вследствие выработки ассоциаций, взаимосцеплений, переносов «находит себе выход символическая энергия; без такого выхода человек бы умер» [Барт, 1989, с. 417]. Пространство интернет-дискурса предоставляет блогерам-интерпретаторам возможность дать выход творческой энергии, что увеличивает притягательность подобной коммуникации, ибо стремление к творчеству, к игре заложено в самой природе человека. Таким образом, интерпретация текста становится экзистенциальной задачей блогера, пишущего о произведениях массовой культуры.

В рамках интернет-дискурса блогеры могут интерпретировать как ключевые моменты произведения, так и менее существенные, вплоть до внешности персонажей, представляя их, например, более привлекательными, умными, смелыми и т. п. В результате в процессе интерпретации в

интернет-дискурсе блогеров канон и фанон могут расходиться, образуя определенную «развилку восприятия»: персонаж из изначального произведения и персонаж из интерпретации блогеров перестает казаться одним и тем же, особенно на взгляд не знакомого с дискурсом блогосферы человека. Подобное «раздвоение» происходит, например, с Драко Малфоем – персонажем из серии произведений Дж. Роулинга, про которого англоязычные блогеры пишут:

Draco Malfoy, who is in canon a low-class villain and admittedly pitiable annoyance... becomes a Draco who is a clever, snarky Anti Hero... misunderstood, heroic, smart, and witty... (*Fanlore*, URL: http://fanlore.org/wiki/Fanon_Draco). – Драко Малфой, предстающий в каноне мелким злодеем, который всех раздражает и своим поведением, скорее, вызывает жалость, превращается в Драко-антигероя, умного, острого на язык, непонятого, способного на героические поступки фаната, ловкого и остроумного¹.

Некоторые блогеры даже проводят сравнение отличий того, как данный персонаж представлен в каноне (например, *школьный задира, обидчик слабых – a bully*) и интерпретирован в фаноне (например, *печальный страдалец – a sad emo*), что представлено в таблице 1:

¹Зд. и далее перевод наш. – А. К.

Таблица 1

CANON DRACO VS FANON DRACO

Canon Draco (a bully)	Fanon Draco (a sad emo)
1) rivalry starts because the Malfoys make life difficult for the Weasleys at every turn and were clearly dark wizards sneaking their way out	1) rivalry starts because Ron and the other Weasleys are jerks
2) hates Harry Potter out of jealousy	2) becomes friends with Harry
3) hates mudbloods and 'blood traitors'	3) has feelings for Hermione, whom he's fully aware is a mudblood
4) has a loving, but high demanding father whom he looks up to	4) has a neglectful or abusive father who forces most of his evil ideas into him
5) spends most of his time with Crabbe and Goyle. Often interacts with Pansy but only has one canonical interaction with Blaise, in which they show a mutual disliking towards one another	5) is best friends with Blaise and Pansy. Rarely, if ever, hangs out with Crabbe and Goyle
6) bullies because it makes him feel better	6) only makes mean comments when others are bullying jerks to him or his friends, it's always justified by his parental issues. He often GETS bullied by Gryffindors instead of the other way around
7) is snivelling and ungrateful	7) is brave and heroic
8) is a spoiled, mean rich kid who constantly relies on others for intimidation	8) is strong and a sad emo teen
9) his personality always made him ugly, no matter how handsome he looked	9) his looks always made him sympathetic, no matter what his personality was
10) is a recurring antagonist, a villain or anti-villain	10) is a main character and / or main love interest, an anti-hero or hero

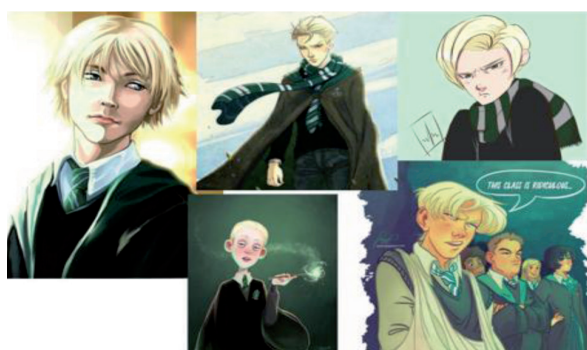

Рис. 2. Интерпретация книжного персонажа Драко Малфоя в англоязычном интернет-дискурсе блогеров, представленная при помощи визуального канала репрезентации

Небезынтересно отметить, что в интернет-дискурсе блогеров интерпретации вербального произведения (книги) может быть осуществлена не только через вербальный модус (как, в частности, в табл. 1), но, например, и при помощи визуального канала репрезентации (изображение). На рисунке 2 представлен коллаж из подобных интерпретаций, как близких, так и далеких от канона. Как и в вербальной интерпретации, приведенной выше, на коллаже персонаж предстает и школьным задирой, и обиженным на весь мир врединой, и печальным одиноким страдальцем, и романтическим героем, и даже неожиданной аллюзией одновременно на героя анекдотов про школьника Вовочку и персонажа Макколея Калкина из фильма «Один дома». Стоит отметить, что, хотя все образы, представленные на рисунке 2, позволяют узнать персонаж из книги, ни одна из его данных визуальных интерпретаций не может считаться каноном, поскольку все они созданы блогерами-интерпретаторами, и не являются официальными портретами. С другой стороны – среди этих рисунков нет того, который воспринимался бы блогерами-интерпретаторами как единый для всего фанона. Хотя в англоязычном интернет-дискурсе блогеров и есть тенденция воспринимать Драко как страдающего романтического антигероя (фанонный Драко), но его образ складывается только из совокупности всех интерпретаций, из которых на коллаже представлена лишь малая часть.

Необходимо подчеркнуть, что в случае интерпретации при помощи визуального канала представления информации блогер демонстрирует лингвокреативное поведение, создавая зримое изображение словесного изложения. О возможности интерпретации посредством изображения, когда письменный текст переводится в текст зрительный (из книги – в фильм, из книги – в комикс и т. п.), писал, например, У. Эко в рамках

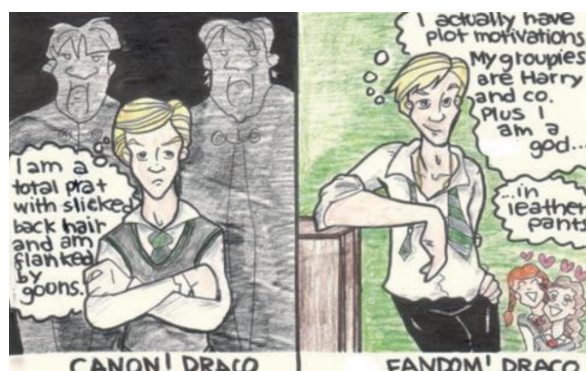

Рис. 3. Полимодальная репрезентация интерпретации книжного персонажа Драко Малфоя в англоязычном интернет-дискурсе блогеров

семиотического подхода к проблеме интерпретации. Такой переход «из одной семиотической системы в другую, от нее отличную: когда, например, роман “переводят” в фильм, эпическую поэму – в комиксы или же пишут картину на тему стихотворения», У. Эко относил к формам интерпретации и называл «интерсемиотическим переводом», частным случаем которого также предлагал считать «адаптацию, или трансмутацию», которую ученый предпочитал рассматривать «как бесконечные приключения в области интерпретации» [Эко, 2006, с. 413].

Также следует отметить, что в интернет-дискурсе блогеров интерпретация (особенно в случае интерсемиотического «перевода» книги в изображения) часто имеет полимодальную репрезентацию, т. е. представлена через сочетание нескольких модусов, обычно визуального (изображение) и вербального (подпись). На рисунке 3 представлена интерпретация того, как блогеры видят персонажа Драко Малфоя в каноне и фаноне: визуальная составляющая, яркая сама по себе, становится еще более выразительной в сочетании с вербальным модусом.

Рассматривая деятельность блогеров-интерпретаторов, через призму культуры соучастия, стоит отметить, что, достаточно часто, авторы и исследователи, вносят существенный вклад в ее дальнейшее развитие. Поощряя появление всевозможных интерпретаций, авторы предлагают реципиентам пример, предлагая собственные, подчас неожиданные и провокационные варианты прочтения классических текстов (которые могут считаться интерсемиотическими адаптациями, т. е. одной из форм интерпретации). Так, например, авторы сериала «Элементарно» («Elementary») взяли за основу рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и интерпретировали: в сериале действие происходит в наши дни в Америке, доктор Ватсон – это

Рис. 4. Сайт Mixital призывает зрителей писать фанфики по сериалу «Доктор Кто»

девушка по имени Джоан, а появляющаяся в одной серии собака Баскервилей – радиоуправляемый робот. Еще одним примером интерпретации рассказов о Холмсе можно считать британский сериал «Шерлок» («Sherlock»), где показали новую вариацию падения Шерлока Холмса в Рейхенбахский водопад: из-за ультиматума, поставленного ему Джимом Мориасти, Шерлок был вынужден прыгнуть с крыши больницы Св. Варфоломея, чтобы спасти своих друзей. П. Байяр был еще смелее и на основании своей интерпретации того же канона написал книгу «Дело собаки Баскервилей», в которой утверждал, что Холмс в произведении Конан Дойла ошибся и убийцей был не Стэплтон [Байяр, 2017]. Таким образом, авторы произведений массовой культуры сами порождают интертекст и относятся к произведениям как к открытым для интерпретации, тем самым задавая вектор развития культуры соучастия иных коммуникантов.

Кроме того, среди писателей и авторов сериалов получила распространение тенденция одобрять сочинения блогеров по мотивам канона, так называемые фанфики (fanfic, *сокр.* fanfiction) и призывать к их созданию. Например, С. Моффат, один из создателей упомянутого выше сериала «Шерлок» и также культового сериала «Доктор Кто» («Doctor Who») в интервью сайту Mixital, созданному при участии канала Би-Би-Си (где демонстрируется данный сериал), озвучил советы авторам фанфиков и призвал их творить, обратившись со словами: «Do the writing. Write a lot. Be unstoppable. What's keeping you? Nothing is stopping you» («Пишите. Пишите много. Не останавливайтесь. Что сдерживает

вас? Ничего»)¹. Помимо этого, среди зрителей был устроен конкурс на лучшее любительское сочинение (рис. 4).

Разнообразие интерпретаций произведений массовой культуры, непрерывно расширяющих интерпретативное интертекстуальное поле, объясняет специфику коммуникации блогеров-интерпретаторов в рамках культуры соучастия. Одно и то же произведение они интерпретируют до такой степени многообразно, что канон может расслоиться на множество фанонных вариаций, столь несхожих или противоречащих друг другу, что коммуниканты даже спрашивают оппонентов: *What show are you watching?* Стремясь устранить множественность смыслов из интертекстуального интерпретационного поля, созданного ими же, и оставить только ту интерпретацию, которая близка лично им, блогеры в рамках интернет-дискурса вовлекаются в жаркие споры о том, кто из них прав, тем самым, в свою очередь, продолжая создавать интертекст. Этот процесс представляется бесконечным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активное участие блогеров-интерпретаторов произведений массовой культуры в творческом процессе порождения текста и интертекста в рамках англоязычного интернет-дискурса коррелирует с концепцией культуры соучастия. Блогер не только становится соучастником творческого процесса, но и умаляет при этом роль автора. Блогеры порождают множественные (часто интерсемиотические) интерпретации (многие из которых имеют полимодальную репрезентацию в англоязычном интернет-дискурсе) изначального текста (канона) и создают новые тексты на его основе, тем самым расширяя интертексты, следовательно, интерпретативное поле, которое бесконечно интерпретируют, поскольку множественность смыслов неустраима. Кроме того, взаимодействие с любимым произведением, являясь своего рода игрой, дает выход творческой энергии блогеров, чье лингвокреативное мышление активизировано, и доставляет им интеллектуальное удовольствие. Именно этим объясняется широкое распространение культуры соучастия в современном мире.

¹Howard. 2017. URL: <https://www.mixital.co.uk/article/doctorwho-stevenmoffat>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Jenkins H. Fans, bloggers, and gamers: exploring participatory culture. New York and London: New York University Press, 2006.
2. Jenkins H. Textual poachers: television fans and participatory culture. New York and London: Routledge, 1992.
3. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.
4. Мукаржовский Я. Искусство как семиологический факт // Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 190–198.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб, 2000.
7. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с ит. А. Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2007.
8. Карасик В. И. Модусы интерпретации текста // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик: материалы Международной научной конференции, 28–30 октября 2020 г. / отв. ред. д-р филол. наук, проф. О. К. Ирисханова. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 14–17.
9. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц, 2002.
10. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: московские лекции и интервью. М.: KAMI–ACADEMIA, 1995.
11. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2014. URL: <https://litlife.club/books/216462>
12. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.
13. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
14. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с ит. А. Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006.
15. Байяр П. Дело собаки Баскервиль / пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2017.

REFERENCES

1. Jenkins, H. (2006). Fans, bloggers, and gamers: exploring participatory culture. New York and London: New York University Press.
2. Jenkins, H. (1992). Textual poachers: television fans and participatory culture. New York and London: Routledge.
3. Potebnia, A. A. (1989). Slovo i mif = Word and myth. Moscow: Pravda. (In Russ.)
4. Mukarzhovskiy, Ya. (1994). Iskusstvo kak semiologicheskii fakt = Art as a semiological fact. In: Issledovaniia po estetike i teorii iskusstva = Studies in Aesthetics and Art Theory. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
5. Barthes, R. (1989). Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika = Selected Works: Semiotics: Poetics, transl. from French, ed. and entry by G. K. Kosikov. Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Lotman, Yu. M. (2000). Semiosfera = Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
7. Eco, U. (2007). Rol' chitatelia. Issledovaniia po semiotike teksta = The role of the reader. Research on text semiotics, transl. from Italian by A. N. Koval'. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (2020). Modusy interpretatsii teksta = Modes of text interpretation. In Iriskhanova, O. K. (ed.), Science without borders: synergy of theories, methods and practices: proceedings of the international scientific conference. October, 28–30. Moscow: Moscow State Linguistic University. <https://naukabezgrants2020.linguanet.ru/abstracts> (In Russ.)
9. Ricœur, P. (2002). Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtike = Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics. Moscow: Kanon-Press-TS. (In Russ.)
10. Ricœur, P. (1995). Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie lektzii i interv'iu = Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews. Moscow: KAMI-ACADEMIA. (In Russ.)
11. Bayard, P. (2017). Delo sobaki Baskervillei = Sherlock Holmes was Wrong: Re-opening the Case of the Hound of the Baskervilles / Translated from French by A. Popova. Moscow: Tekst. (In Russ.)
12. Arnol'd, I. V. (2002). Stilistika. Sovremennyi angliiskii iazyk: uchebnik dlya vuzov = Stylistics. Modern English: Manual for Universities. 4th edition. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
13. Lotman, Yu. M. (1998). Ob iskusstve = On Art. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)
14. Eco, U. (2006). Skazat' pochni to zhe samoe. Opyty o perevode = Saying almost the same thing. Experiences in translation, transl. from Italian by A. N. Koval'. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)
15. Bayard, P. (2014). Iskusstvo rassuzhdat' o knigakh, kotorykh vy ne chitali = How to Talk about Books You Haven't Read, transl. from French by A. Popova. Moscow: Tekst. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куковская Анна Владимировна

старший преподаватель

кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области информационных наук

Института информационных наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kukovskaya Anna Vladimirovna

Senior Lecturer

of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Information Sciences

Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 811.133.1'36(045)

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_68

Семантика периферийных единиц сочинения (на примере французских лексем *en fait, de fait, en effet, effectivement*)

Ю. В. Овсейчик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь
ovsei77@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается функционирование французских лексем *en fait, de fait, en effet* и *effectivement* в инициальной позиции между двумя независимыми предложениями. Выявлено, что перечисленные единицы выступают в качестве аналогов сочинительных союзов *car* и *mais*. Определена тенденция к использованию более частотных единиц *en effet* и *en fait* для обозначения преимущественно каузальных отношений, менее частотных единиц *de fait* и *effectivement* для указания на противительный характер связи.

Ключевые слова: единицы сочинения, семантика, каузальные отношения, противительные отношения, французский язык, корпусные данные

Для цитирования: Овсейчик Ю. В. Семантика периферийных единиц сочинения (на примере французских лексем *en fait, de fait, en effet, effectivement*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 68–75. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_68

Original article

Semantics of Peripheral Coordinators (on the example of French items *en fait, de fait, en effet, effectivement*)

Yulia V. Auseichyk

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
ovsei77@rambler.ru

Abstract. The functioning of the French lexemes *en fait, de fait, en effet* and *effectivement* in the initial position between two independent sentences is considered. It is revealed that the listed units act as analogues of the coordinating conjunctions *car* and *mais*. A tendency has been established to use the more frequent units *en effet* and *en fait* to denote predominantly causal relations, the less frequent units *de fait* and *effectivement* to indicate the adversative relations.

Keywords: coordination units, semantics, causal relations, adversative relations, French, corpus data

For citation: Auseichyk, Yu. V. (2023). Semantics of Peripheral Coordinators (on the example of French items *en fait, de fait, en effet, effectivement*). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 68–75. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_68

ВВЕДЕНИЕ

Углубление и усложнение представлений человека об окружающей действительности предопределяет его стремление к эксплицитному выражению логических связей, что закономерно приводит к увеличению связующих слов. Это утверждение релевантно и для единиц, оформляющих сочинение. Во французском языке к таким единицам относятся собственно сочинительные союзы [Riegel, Pellat, Rioul, 2016; Grevisse, 2018] и их аналоги, «функциональные эквиваленты» [Гак, 2000]. Поскольку не для всех единиц кодирование отношения между двумя независимыми предложениями является основной функцией, мы различаем ядерные и периферийные единицы сочинения.

В фокусе нашего внимания находятся лексемы *en fait*, *de fait*, *en effet* и *effectivement*, которые не раз становились объектом научных изысканий и рассматривались как дискурсивные слова и аргументативные коннекторы [Danjou-Flaux, 1980; Rossari, 1992; Forsgren, 2009]. В нашем исследовании мы рассматриваем перечисленные единицы как периферийные единицы сочинения, т. е. как единицы, которые в определенных синтагматических условиях выступают в роли сочинительного союза. Эти единицы имеют следующие переводные эквиваленты в русском языке: *на самом деле*, *фактически*, *действительно*, *в действительности*, *в самом деле* [Гак, Триумф и др., 1991]. Они имеют общее латинское происхождение (< *facere*, *factum*) [Godefroy, 1881–1902] и обладают общей семантикой «реальностью». Согласно словарной дефиниции единицы *en fait*, *de fait*, *en effet* и *effectivement* указывают на то, что реальность описываемого события может быть проверена и неоспорима.

В лексикографических источниках отмечается взаимозаменяемость *en effet* на *effectivement* и *en fait* на *de fait* и наоборот. Например: *Je me sentis*

perdu, et je l'étais en effet [= *effectivement*]¹. Указанные единицы часто толкуются одна через другую. Ср.: *en effet* Syn. *effectivement*, *en réalité*, *en fait*; *en fait*, *de fait* Syn. *en réalité*, *effectivement*; *effectivement* Syn. *de fait*, *en effet*, *en fait* [Dictionnaire du français. Le Robert, 2009]. Особо подчеркнем, что в лексикографических источниках только для единицы *en effet* имеется помета о том, что она может выступать аналогом союза *car* – *ибо*, *потому что*, например: *Il n'a pas pu venir: en effet* [= *car*], *il était malade*; *Elle va nager tous les mardis soir, en effet* [= *car*] *la piscine est ouverte ce jour-là jusqu'à 22 heures* [там же].

Целью исследования является дифференциация семантических свойств единиц *en fait*, *de fait*, *en effet* и *effectivement*, функционирующих в качестве сочинительных союзов.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В работе использовались два источника: данные Национального корпуса французского языка Frantext² и французского корпуса системы Google books Ngram Viewer³.

Обращение к двум корпусам обусловлено их разными функциональными задачами в оформлении поискового запроса и в отображении полученных статистических данных. Оба корпуса обеспечивают возможность диахронических исследований: Google books Ngram Viewer представлен 792 118 оцифрованными документами за последние 200 лет, объем которых более 102 174 681 393 словоупотреблений, Frantext представлен 5 555 разножанровыми тестами XI–XXI веков общим объемом 264 млн словоупотреблений.

¹URL: <http://www.cnrtl.fr/>.

²URL: <http://www.frantext.fr/>.

³URL: <http://books.google.com/ngrams>.

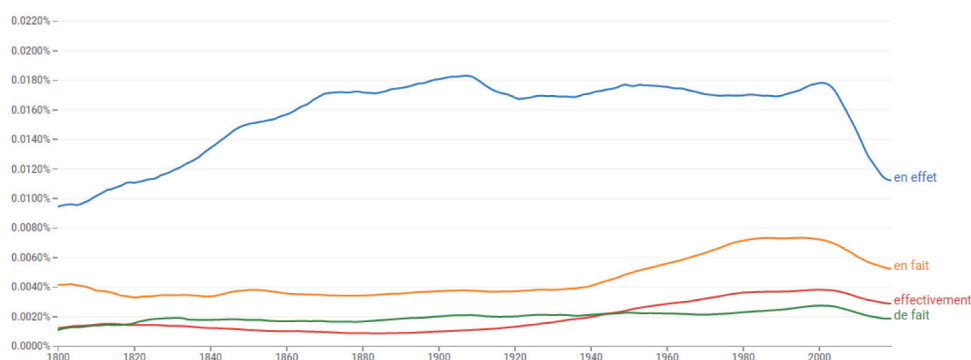

Рис.1. Частотное распределение единиц *en fait* / *de fait* / *en effet* / *effectivement* в Google books Ngram Viewer

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЕДИНИЦ
EN FAIT, DE FAIT, EN EFFET, EFFECTIVEMENT ВО ФРОНТАЛЬНОЙ ДИСТРИБУЦИИ В ДИНАМИКЕ,
 ПО ДАННЫМ FRANTEXT

Единицы	Всего единиц	Из них, количество вхождений во фронтальной дистрибуции								
		Ед.	в %	1400–1499	1500–1599	1600–1699	1700–1799	1800–1899	1900–1999	2000–...
<i>en effet</i>	46 516	9 604	20,65	1	–	565	2 165	3 275	3 380	218
<i>effectivement</i>	5 021	471	9,38	–	–	4	128	97	190	52
<i>en fait</i>	20 055	4 086	20,37	2	1	4	44	288	3 257	490
<i>de fait</i>	5 780	733	12,68	4	51	16	–	38	522	101

В результате обращения к французскому корпусу системы Google books Ngram Viewer¹ построен график частотности единиц *en fait, de fait, en effet, effectivement* (см. рис. 1).

Согласно представленному графику наибольшей частотностью отличается единица *en effet*. Сглаженность кривых частотности четырех единиц *en fait, de fait, en effet, effectivement* до 1960 года свидетельствует об освоенности дискурсивной практики, согласно А. Н. Баранову [Баранов, 2021]. Отметим, что в промежутке 1980–2000 годов фиксируется постепенное увеличение частотности исследуемых единиц.

Из НКФЯ Frantext отобраны контексты, в которых единицы *en fait, de fait, en effet, effectivement* являются показателями связи между двумя независимыми предложениями в инициальной позиции, т. е. используются во фронтальной дистрибуции. Данное отношение схематично можно описать как [P. CO Q] (где CO – исследуемые единицы). Число контекстов в диахронической перспективе представлено в таблице 1.

Как следует из таблицы 1, на каждом синхронном срезе указанный способ использования единиц не является преобладающим. Тенденция к использованию лексем *en fait, de fait, en effet, effectivement* в инициальной позиции между двумя независимыми предложениями формируется постепенно. Максимальное количество выявленных контекстов типа [P. CO Q] в корпусе Frantext приходится на 1900–1999 годы, что коррелирует с результатами, полученными на основании Google books Ngram Viewer о росте употребительности исследуемых единиц в 1980–2000 годах.

Количественный анализ показывает, что пары единиц *en effet, en fait* с одной стороны,

и *effectivement, de fait* – с другой, можно противопоставить по частотности употребления во фронтальной дистрибуции: при том, что единицы каждой пары обнаруживают сходную частотность, *en effet* и *en fait* употребляются в два раза чаще, чем *effectivement* и *de fait*. Ср.: 20,65 % и 20,37 % vs. 9,38 % и 12,68 % соответственно. Отсюда следует предположение, что, сопоставимая частотность единиц в парах *en effet, en fait* и *effectivement, de fait* обусловлена сходством семантики, а двукратное различие в употребительности свидетельствует о семантических различиях между противопоставляемыми парами единиц.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы методом сплошной выборки мы отобрали из Frantext по 150 контекстов² для каждой единицы во фронтальной дистрибуции. Все контексты взяты из франкоязычной литературы последних сорока лет, периода, в течение которого фиксируется увеличение количественных показателей употребительности исследуемых единиц. Для обеспечения репрезентативности мы использовали функцию смешивания, чтобы избежать следования контекстов из произведений одного автора. Далее был проведен контекстуальный, логико-семантический, функционально-семантический анализ контекстов с применением метода субституции для выявления семантических особенностей исследуемых единиц. Результаты проведенного исследования представлены ниже.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Во фронтальной дистрибуции [P. CO Q] единицы *en fait, de fait, en effet, effectivement*, сохраняя семантику

¹См. подробно об особенностях работы с корпусом Google books Ngram Viewer см. [Захаров, Масевич, 2014].

²См. о репрезентативности выбранного объема сегмента для языковых явлений, граничащих с грамматическими феноменами [Баранов, 2001; Тарасевич, 2014].

СЕМАНТИКА ЕДИНИЦ *EN FAIT, DE FAIT, EN EFFET, EFFECTIVEMENT*
ВО ФРОНТАЛЬНОЙ ДИСТРИБУЦИИ

Общая ситуация	P. CO P < car – потому что > Q		P. CO P < mais – однако, но > Q	
Единицы	Количественный показатель		Количественный показатель	
	Ед.	в %	Ед.	в %
<i>en effet</i>	120	80	30	20
<i>effectivement</i>	54	36	96	64
<i>en fait</i>	96	64	54	36
<i>de fait</i>	54	36	96	64

«реальности», являются своеобразными «скрепами»¹ между двумя высказываниями. Первое высказывание (P) репрезентирует событие, мнение, гипотезу. Второе высказывание (Q) подтверждает или не подтверждает P в соответствии с положением вещей в реальной или виртуальной действительности. На основании анализа эмпирического материала различаются два типа ситуаций: 1) исследуемые единицы вводят высказывание Q, из которого следует, что высказывание P имеет место в реальном мире, очевидно и бесспорно; 2) единицы вводят высказывание Q, которое модифицирует содержание высказывания P. Соответственно разграничиваем каузальную и противительную семантику единиц *en fait, de fait, en effet, effectivement*.

Обобщенно смысловую ситуацию первого типа можно интерпретировать как: «Q обосновывает, что P имеет место в реальном мире». Вслед за авторами «Путеводителя по дискурсивным словам русского языка», которые выделяют для единиц со схожей семантикой «реальности» в русском языке *действительно, в действительности, на самом деле, в самом деле*, такой же способ употребления [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993], мы рассматриваем [P. CO Q] как эллиптический вариант конструкции [P. CO P < car – потому что > Q]. Обоснование Q представляет либо апелляцию к наблюдаемому, либо имеет «логическую» природу, механизм логического рассуждения.

В ситуации второго типа исследуемые единицы используются для сопоставления содержания двух высказываний на основании текущих представлений о ситуации или знаний о мире. Смысловая ситуация интерпретируется как: «Q опровергает, что P имеет место в реальном мире». Иначе говоря, исследуемые единицы вводят высказывание Q, которое противопоставлено высказыванию P или модифицирует его содержание. Рассматриваем

[P. CO Q] как эллиптический вариант конструкции [P. CO P < mais – однако, но > Q].

Результаты количественного анализа контекстов в соответствии с выделенными типами ситуаций представлены в таблице 2.

Согласно полученным результатам единицы *en effet* и *en fait* более употребительны для обозначения каузального отношения, однако единицы *effectivement* и *de fait* более востребованы для кодирования противительных отношений. Выявленное различие в употребительности единиц во фронтальной дистрибуции обусловлено, таким образом их семантическими свойствами. Продемонстрируем каузальную и противительную семантику единиц *en fait, de fait, en effet, effectivement* на примерах.

Каузальная семантика единиц *en fait, en effet* vs *de fait, effectivement*

Единицы *en fait* и *en effet* чаще используются для указания на то, что событие, суждение или гипотеза P соответствуют действительности на основании Q. При этом различается прямое подтверждение-обоснование (Q воспроизводит P) и косвенное подтверждение-обоснование (Q не воспроизводит P).

В нашей выборке косвенное подтверждение-обоснование встречается чаще, чем прямое. Так, например, единицы *en fait* и *en effet* вводят высказывания, которые обосновывают: почему этот репортаж был лучшим? (пример 1); почему она провела время в больнице? (пример 2). Приведем примеры из НКФЯ Frantext².

- (1) Ce valeureux reporter [Rosario Gladu] doublé d'un photographe à la lentille rapide a signé un reportage photographique de toute beauté. **En effet** [= car] rendu sur les lieux d'un suicide, Rosario a capté

¹Термин М. И. Черемисиной [Черемисина, 1987].

²URL: <http://www.frantext.fr/>.

du bout de sa lentille la chute d'un homme du haut d'un arbre de 45 pieds (*Y. Beauchemin. Le Matou*). – Этот отважный репортер [Росарио Гладу], снаряженный фотоаппаратом с мощным объективом, сделал великолепный фоторепортаж. Дело в том, что на месте самоубийства Росарио словил в кадре падение мужчины с вершины дерева в 45 футов¹.

(2) Elle a passé trois jours à l'hôpital sous tranquillisants, mais elle n'est pas malade. **En fait** [= car] elle s'est fait agresser et violer, en revenant du travail, dans le train pour Paris (*M. Houellebecq. Plateforme*). – Она провела три дня в больнице на транквилизаторах, но она не больна. Дело в том, что она подверглась нападению и изнасилованию по дороге с работы домой в парижском поезде.

При прямом подтверждении-обосновании соотносятся события и суждения. При этом часто одно высказывание носит конкретизирующий характер, другое – обобщающий. Ср. :

(3) J'aime les longs voyages en train j'aime aussi les courts. **En fait** [= car] j'aime les voyages en train (*J. Roubaud. Impératif catégorique*). – Я люблю дальние поездки на поезде, люблю и короткие. На самом деле я люблю путешествовать на поезде.

Отметим, что самая частотная единица *en effet* при прямом подтверждении-обосновании приобретает значение пояснения. Говорящий, «оправдывая номинацию», кодирует отношение между двумя высказываниями на основании собственных наблюдений и рассуждений (пример 4) или апеллирует к авторитетному мнению (пример 5).

(4) Personnellement, mon travail sur le mot ne peut pas s'effectuer hors de son contexte. Si je prends l'exemple du mot «commentaire» que j'écris «Comment taire?». **En effet** [= car] commenter c'est faire taire un sens déjà établi, un sens figé (*Ed. Jabès. Du désert au livre: entretiens avec Marcel Cohen*). – Лично моя работа над словом не может быть сделана вне контекста. Возьмем, например, слово «комментарий», которое я пишу «Как замалчивать?» На самом деле комментировать значит замалчивать уже установленное значение.

(5) Quand on empêche un animal de rêver pendant six nuits, à la sixième les rêves chassés du sommeil envahissent l'état de veille. Le Talmudle savait depuis toujours, il a dit: L'homme qui reste sans rêver pendant six nuits est un méchant. **En effet** [= car] les

rêves sont toujours agressifs quand ils deviennent un délire diurne (*Fr. d'Eaubonne. L'indicateur du réseau: contre-mémoires*). – Если животному не дают спать шесть ночей, на шестую в бодрствующее состояние вторгаются сновидения, изгнанные из сна. В Талмуде говорится: «Человек, который не видит снов шесть ночей, – злой человек». На самом деле сны всегда агрессивны, когда они становятся дневным бредом.

Менее частотные единицы *effectivement* и *de fait* реже проявляют каузальную семантику. Единица *effectivement* служит для подтверждения суждения или гипотезы (P), а единица *de fait* исключительно для подтверждения события (P) на основании Q. Так, способность отца предсказать дождь основывается на его наблюдениях (пример 6), госпитализация человека основана на том, что он получил серьезную травму (пример 7).

(6) Papa se leva d'un coup de sa chaise et commença à regarder vers l'horizon: "Préparez-vous, il va y avoir une grosse pluie ce soir". Papa était très doué pour voir venir les choses. **Effectivement** [= car] le ciel se mit à changer de couleur... Soudain, un nuage de poussière s'éleva... (*R. Ouedraogo. Du miel sous les galettes*). – Папа вдруг встал со стула и стал смотреть на горизонт: «Готовьтесь, сегодня ночью будет сильный дождь». Папа очень хорошо предвидел события. Действительно, цвет неба начал меняться... Внезапно поднялось облако пыли...

(7) Jeanne est réveillée un matin par les gendarmes qui lui apprennent que son époux vient d'être transporté à l'hôpital. **De fait** [= car] il a frôlé la mort: la scie est passée à deux doigts de la carotide, lui laissant une blessure profonde au creux de l'épaule (*M. Winock. Jeanne et les siens*). – Утром Жанну разбудили жандармы и сообщили, что ее мужа только что доставили в больницу. В самом деле, он был близок к смерти: пила прошла в двух пальцах от сонной артерии, оставив ему глубокую рану в области ключицы.

Использование исследуемых единиц в качестве аналога каузального сочинительного союза *car* позволяет следовать норме французской академической грамматики, которая предписывает избегать этот союз в инициальной позиции [Grevisse, 2018]. Каузальная семантика исследуемых единиц проявляется по-разному: две единицы *en effet* и *en fait* взаимозаменяемы при обосновании события, суждения и гипотезы за исключением случаев, в которых единица *en effet* используется для пояснения.

¹Зд. и далее перевод наш. – Ю. О.

Противительная семантика единиц **de fait** / *effectivement* vs **en fait** / *en effet*

Противительная семантика больше свойственна единицам *effectivement* и *de fait*. Единица *effectivement* выступает показателем связи между двумя высказываниями Р и Q, содержание которых сопоставляется на основании общих знаний и закономерностей. Единица *de fait* используется для констатации положения вещей Q вопреки представлениям говорящего о текущей ситуации Р. Сравните:

(8) On ne peut pas aimer Modigliani, parce que les pauvres aiment Modigliani, on ne peut pas aimer les Picasso de la période bleue pour la même raison, donc on cherche toujours à se montrer différent et c'est ce qui détermine les critères de beauté. **Effectivement** [=mais], au XVIIIe siècle, on aimait les femmes grosses et blanches parce que cela voulait dire qu'elles avaient de quoi manger et qu'elles n'allaient pas aux travaux des champs. Dans les années 1960, on aimait les femmes bronzées et minces parce que «bronzées» voulait dire qu'elles... (C. Grenier. *La vie possible de Christian Boltanski*). – Нельзя любить Модильяни, потому что бедные любят Модильяни, нельзя любить Пикассо голубого периода по той же причине, таким образом всегда пытаешься казаться другим, и это определяет критерии красоты. А в XVIII веке любили толстых белых женщин, потому что это означало, что они сыты и не работают в поле. В 1960-х нам нравились загорелые и худые женщины, потому что «загорелые» означали, что они...

(9) Je suis allé retrouver Louise à la messe. J'avais imaginé ne pas l'y retrouver et découvrir enfin le pot aux roses: qu'elle n'allait jamais à la messe mais aux réunions d'un parti d'extrême droite. **De fait** [=mais] j'ai découvert qu'elle allait à la messe pour dormir, que c'était le dernier endroit au monde qui lui permettait de se reposer un peu (H. Guibert. *Le Mausolée des amants*). – Я пошел за Луизой на мессу. Я представлял себе, что не найду ее там и, наконец, разгадаю тайну: что она никогда не ходила на мессу, а только на собрания ультраправой партии. Но я обнаружил, что она ходила на мессу, чтобы поспать, и это было последнее место в мире, где она могла немного отдохнуть.

Для обозначения противопоставления единицы *en fait*, *en effet* встречаются нечасто и используются исключительно для модификации содержания Р, не отменяя его полностью. При этом говорящий частично воспроизводит Р. Семантика этих двух единиц схожа с корректирующей

семантикой сочинительного союза *mais* (о противительной семантике союза *mais* [Ducrot, Anscombre, 1977; Урысон, 2011]. Так, говорящий, рассуждая вообще о болезнях в жизни людей, изменяет свое отношение к принятию болезни. И об этом изменении сигнализирует лексема *en fait*, которая совмещает указание на реально существующее состояние и отношение противопоставления. В случае использования лексемы *en effet* содержание первого высказывания уточняется, модифицируется вторым. Сравните:

(10) Je préfère penser que nos maladies n'ont rien en commun, qu'elles sont liées tout au plus par les conventions des dictionnaires médicaux. **En fait** [=mais] je passe mon temps à négocier avec la maladie. D'après ce que j'ai lu, la négociation est une des phases que nous traversons sur le long chemin qui mène à l'acceptation de la maladie (V. Gault. *Le corps incertain*). – Я предпочитаю думать, что у наших болезней нет ничего общего, что они связаны в лучшем случае условностями медицинских словарей. Но на самом деле я трачу свое время на переговоры с болезнью. Я читал, что переговоры – это один из этапов, который мы проходим на долгом пути к принятию болезни.

(11) Sans doute dans une autre usine, aussi les cadences, aussi les heures supplémentaires indispensables pour parvenir à un salaire suffisant, aussi l'exploitation, aussi la dureté de la condition ouvrière. **En effet** [=mais], de ce point de vue, cette usine-là ou une autre, pas une notable différence (M. Storti. *L'arrivée de mon père en France*). – Несомненно, на другом заводе такие же ставки, такие же необходимые сверхурочные для получения достаточной заработной платы, такая же эксплуатация, такие же тяжелые условия труда. С этой точки зрения, нет существенной разницы этот завод или другой.

Противительная семантика исследуемых единиц дифференцируется в зависимости от типа устанавливаемого отношения между двумя соединенными высказываниями. Единице *effectivement* свойственно маркировать сопоставление, единица *de fait* обозначает отношение «вопреки ожиданию». Единицы *en fait* и *en effet* присоединяют высказывание Q, содержание которого модифицирует или уточняет содержание высказывания Р.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показал проведенный анализ, в современном французском языке использование единиц *en*

fait, de fait, en effet и *effectivement* во фронтальной дистрибуции в роли показателя связи между двумя предложениями представляет собой сложный феномен. Результаты анализа свидетельствуют о том, что исследуемые единицы обнаруживают семантический синкретизм, а именно: одновременное указание на соотнесение с реальностью и обозначение каузального или противительного отношения между ситуациями во внеязыковой

действительности. Различие в употребительности единиц *en fait, en effet*, с одной стороны, и единиц *effectivement, de fait* – с другой, основывается как на различии их конъюнктивных свойств, так и на их специализации в обозначении определенного типа отношений: для единиц *en fait* и *en effet* свойственно большее проявление каузальной семантики, а для единиц *effectivement* и *de fait* характерно кодирование противительных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris: P.U.F., 2016.
2. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris: Duculot, 2018.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
4. Danjou-Flaux N. À propos de *de fait, en fait, en effet* et *effectivement* // Le Français moderne. 1980. № 48. P. 110–139.
5. Rossari C. De fait, en fait, en réalité : trois marqueurs aux emplois inclusifs // Verbum. 1992. №3. P. 139–161.
6. Forsgren M. Les connecteurs de fait, en fait, en effet, effectivement: observations empiriques effectuées dans des contextes discursifs variés // Syntaxe et Sémantique. Caen: Presses universitaires. 2009. № 1(10). P. 51–64.
7. Гак В. Г., Триумф Ж. и др. Французско-русский словарь: 37 000 слов / под ред. В. Г. Гака. М.: Рус. яз., 1991.
8. Godefroy, F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle. Paris, 1881–1902. URL: <http://micmap.org/dicfro/chercher/dictionnaire-godefroy/>
9. Dictionnaire du français. Le Robert. P.: CLE international, 2009.
10. Захаров В. П., Масевич А. Ц. Диахронические исследования на основе корпуса русских текстов Google books Ngram Viewer // Структурная и прикладная лингвистика. 2014. Вып. 10. С. 303–327.
11. Баранов А. Н. Дискурсивная семантика идиостиля Достоевского // Корпусная модель идиостиля Достоевского / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Лексрус, 2021. С. 144–204.
12. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
13. Тарасевич Л. А. Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков). Минск : Минский государственный лингвистический университет, 2014.
14. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
15. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993.
16. Ducrot O., Anscombre J. C. Deux mais en français? // Lingua 43. North-Holland Publishing Company, 1977. P. 23–40.
17. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.

REFERENCES

1. Riegel, M., Pellat, J.-C., Rioul, R. (2016). Grammaire méthodique du français. Paris: P.U.F.
2. Grevisse, M. (2018). Le bon usage. Grammaire française. Paris: Duculot.
3. Gak, V. G. (2000). Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka = Theoretical grammar of the French language. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
4. Danjou-Flaux, N. (1980). À propos de *de fait, en fait, en effet* et *effectivement*. Le Français moderne, 48, 110–139.
5. Rossari, C. (1992). De fait, en fait, en réalité: trois marqueurs aux emplois inclusifs. Verbum, 3, 139–161.
6. Forsgren, M. (2009). Les connecteurs de fait, en fait, en effet, effectivement: observations empiriques effectuées dans des contextes discursifs variés. Syntaxe et Sémantique. Caen: Presses universitaires, 1(10), 51–64.
7. Gak V. G., Triumf Zh. et al. (1991). Francuzsko-russkij slovar': 37 000 slov = French-Russian Dictionary: 37,000 words, ed. by V. G. Gak. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.)
8. Godefroy, F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous les dialectes du IXe au XVe siècle. Paris, 1881–1902. <http://micmap.org/dicfro/chercher/dictionnaire-godefroy/>
9. Dictionnaire du français. Le Robert. Paris: CLE international, 2009.

10. Zakharov, V. P., Masevich, A. Ts. (2014). Diakhronicheskiye issledovaniya na osnove korpusa russkikh tekstov Google books Ngram Viewer = Diachronic studies based on the corpus of Russian texts Google books Ngram Viewer. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika*, 10, 303–327. (In Russ.)
11. Baranov, A. N. et al. (2021). Diskursivnaya semantika idiosilya Dostoyevskogo = Discursive semantics of Dostoevsky's idiosyle. In Baranov, A. N., Dobrovol'sky, D. O. (eds.), *Korpusnaya model' idiosilya Dostoyevskogo* (pp. 144–204). Moscow: Leksrus. (In Russ.)
12. Baranov, A. N. (2001). *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku* = Introduction to applied linguistics. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
13. Tarasevich, L. A. (2014). *Semantika i funktsionirovaniye predlogov s prostranstvennym znacheniyem (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)* = Semantics and functioning of prepositions with spatial meaning (on the material of German and Russian languages). Minsk: Minsk State Linguistic University. (In Russ.)
14. Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (1987). *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* = Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk. (In Russ.)
15. Baranov, A. N., Plungyan, V. A., Rakhilina, Ye. V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* = Guide to the discursive words of the Russian language. Moscow: Pomovsky and Partners. (In Russ.)
16. Ducrot, O., Anscombre, J. C. (1977). Deux mais en francais? *Lingua*, 43, North-Holland Publishing Company, 23–40.
17. Uryson, Ye. V. (2011). *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* = The experience of describing the semantics of conjunctions. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсейчик Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
докторант кафедры общего языкознания
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Auseichyk Yulia Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Doctoral Student at the Department of General Linguistics
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81.367

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_76

Употребление дополнений в дательном падеже готского языка: дательный объекта

Е. Б. Павлова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

lena.pavlova@live.ru

Аннотация. В статье исследуется употребление дополнений в дательном падеже готского языка. Особое внимание уделяется так называемому дательному объекту и его месту в системе субъектно-объектных отношений в готском языке. Дательный объект рассматривается как падеж единственного объекта, имеющий обязательное беспредложное дополнение в дательном падеже. При подобном подходе данный класс готских глаголов характеризуется достаточной продуктивностью. Автор приходит к выводу, что дательный объект и винительный падеж функционируют в готском языке как равноправные падежи.

Ключевые слова: готский язык, дательный падеж, винительный падеж, дательный объект, дополнение, субъектно-объектные отношения, древнегерманские языки

Для цитирования: Павлова Е. Б. Употребление дополнений в дательном падеже готского языка: дательный объект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 76–81. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_76

Original article

The Use of Dative Objects in the Gothic Language: the Objective Dative

Elena B. Pavlova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

lena.pavlova@live.ru

Abstract. The article looks into the use of Dative objects in the Gothic language. Special attention is paid to the so-called objective Dative and its place within the system of the subject-object relations of the language in question. Verbs governing the objective Dative require a single obligatory non-prepositional Dative object. With such an approach to the objective Dative, this class of Gothic verbs proves to be quite productive. The author comes to the conclusion that the objective Dative and the Accusative case have equal status in the Gothic language.

Key words: the Gothic language, the Dative case, the Accusative case, the objective Dative, object, subject-object relations, old Germanic languages

For citation: Pavlova, E. B. (2023). The Use of Dative Objects in the Gothic Language: the Objective Dative. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 76–81. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_76

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуются особенности употребления дополнений в дательном падеже готского языка. Особый интерес среди дополнений представляет так называемый объектный дательный. В этой связи, основной задачей является установление положения, которое занимает дательный объекта в системе субъектно-объектных отношений готского языка.

Падежи в готском и других древнегерманских языках представляют собой отражение падежной системы общегерманского языка-основы. При этом следует учитывать, что употребление тех или иных падежных форм могло претерпевать изменения в истории самостоятельного развития отдельных германских языков. Для общегерманского периода можно с уверенностью постулировать наличие четырех падежей: именительного, родительного, дательного и винительного. При этом существование творительного падежа, получившего парадигматическое оформление только в части западногерманского ареала, и звательного падежа не является точно установленным [Мейе, 2001]. Исходя из классической теории об исконных семи падежах, характерных для индоевропейской общности (именительный, винительный, дательный, отложительный (аблатив), творительный (инструменталис), местный (локатив) и звательный (локатив)), германская четырехпадежная система может рассматриваться как результат распада старой многопадежной системы. При этом сокращение числа падежей получает объяснение на основе явлений синкретизма – конвергенции двух языковых форм в плане выражения или в плане содержания. Сторонники иной точки зрения [Гухман, 1981; Десницкая, 1946; Макаев, 1963] считают многопадежную систему отдельных индоевропейских языков продуктом их самостоятельного развития, при этом германская четырехпадежная система рассматривается как исконное состояние соответствующих языков. Древнегерманский дательный падеж, как и другие косвенные падежи, восходит к сочетаниям индоевропейской глагольной основы с различными обстоятельственными формами. При этом вопрос о происхождении отдельных падежных форм необходимо исследовать применительно к отдельным языкам, так как расхождения в этом отношении между индоевропейскими языками очень велики [Десницкая, 2004].

Соотношение винительного и дательного падежей в древнегерманских языках представляет значительный интерес. Специфическая особенность древнегерманского дательного падежа состояла в выражении широкого спектра

значений – дательный падеж мог, например, не только указывать на направленность действия на косвенный объект, но и выступать в инструментальной функции. Чрезвычайно широкое значение дательного падежа обуславливает его конкуренцию с винительным падежом в его объектных функциях, в частности в функции прямого дополнения. Данное положение вещей объясняется тем, что индоевропейский глагол сам по себе не является переходным или непереходным, а относящиеся к нему основы нейтральны и допускают возможность двоякого семантического толкования в зависимости от контекста [Мейе, 2001].

ЗНАЧЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Готский дательный представляет собой косвенный падеж с широким диапазоном объектных и обстоятельственных значений. Характерной особенностью готского синтаксиса было синонимичное употребление предложных и беспредложных типов дополнений, ср.:

...saihu ei mann ni qīpāis – ...смотри, никому не говори (*Серебряный кодекс, Mrc., VIII, 4*).

jah qīp a du þamma – и говорю этому (*Серебряный кодекс, M., VIII, 9*).

Дательный падеж употребляется в готском языке в качестве косвенного дополнения, при этом между действием глагола-сказуемого и объектом, обозначенным именем в дательном падеже могут устанавливаться различные смысловые отношения [Гухман, 1998].

Дополнение в дательном падеже может использоваться в качестве второго дополнения при глаголах, управляющих винительным падежом. В подобных случаях дательный падеж может обозначать предмет или лицо, к которому относится или для которого совершается действие, ср.:

jah gebun imma drigkan wein... – и дали ему выпить вина... (*Серебряный кодекс, Mrc., XV, 23*).

При глаголах *wisan* – *быть* и *wairþan* – *становиться* обозначает лицо, для которого что-либо имеется или совершается, ср.:

jah swaswe galaubides, wairþai þus – и по вере твоей (как ты верил) да будет (воздастся) тебе (*Серебряный кодекс, M., VIII, 13*).

Дополнение в дательном падеже может обозначать орудие, инструмент, при помощи которого осуществляется действие (инструментальный дательный), ср.:

...uswarp þans ahmans waurda – ...изгнал духов словом (*Серебряный кодекс*, М., VIII, 16).

В качестве особого случая следует выделить употребление инструментального дательного для обозначения действующего лица при глаголах в медиопассиве, ср.:

ei ni gasaihwanzau mannam fastands – чтобы постыжась не быть увиденным людьми (*Серебряный кодекс*, М., VI, 18).

Дополнение в дательном падеже может обозначать то, от чего отделяется объект в результате действия, выраженного глаголом-сказуемым (дательный отложительный), ср.:

galausips is qenai – разведен с женой (*Серебряный кодекс*, к., VII, 27).

ДАТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТА

Дополнение в дательном падеже может выступать в качестве единственного дополнения при глаголе (так называемый объектный дательный). При этом следует проводить различие между дательным объекта и дательным прямого объекта.

В качестве глаголов с дательным прямого объекта следует рассматривать глаголы, функционально и семантически близкие к переходным, т. е. связь которых с дополнением в дательном падеже подобна отношениям между прямым дополнением и переходным глаголом. К данной группе относятся такие готские глаголы, как: готск. *balwjan* – мучить, *quistjan* – губить, *fragiman* – уничтожать, *usqiman* – губить, убивать, *fraliusan* – терять, *baigan* – прятать, *galukan* – закрывать, *tekan* – трогать, прикасаться, *kukjan* – целовать, *ufbrikan* – отвергать, презирать, *uswaipan* – изгонять, *ufhausjan* – слушаться и др. Ср. :

jah wilda imma usqiman – и хотела его убить (*Серебряный кодекс*, Мрс., VI, 19).

windos jah marei ufhausjand imma – ветры и моря слушаются его (*Серебряный кодекс*, М., VIII, 27).

В основе отождествления глаголов с объектным дательным с переходными глаголами лежат следующие аргументы:

1) близость глаголов, управляющих дательным падежом, с переходными глаголами в плане семантики (ср., например, готск. *usqiman* – губить, убивать, управляющий дательным падежом, и переходный глагол готск. *daupjan* – убивать);

2) наличие у глаголов с объектным дательным этимологических параллелей, управляющих винительным падежом, в других древнегерманских и индоевропейских языках; примечательно, что данные глаголы соответствуют переходным глаголам в греческом языке-оригинале (ср., например готск. *gamotjan* – встречать с дательным объекта и переходный глагол др.-англ. *mētan*);

3) способность глагола с дательным объекта образовывать формы медиопассива и причастия II;

4) вариативность употребления дополнений в дательном и винительном падежах у данных глаголов [Нетунаева, 1984].

Однако вопрос о переходности подобных глаголов остается спорным. С точки зрения грамматических норм индоевропейской системы переходными считаются только глаголы, требующие прямого дополнения в винительном падеже. На наш взгляд, оправданной представляется точка зрения А. В. Десницкой, согласно которой не следует отождествлять готский дательный с винительным как падежом прямого объекта. Нельзя забывать, что в готском присутствует и винительный падеж при переходных глаголах, употребление которого соответствует нормам индоевропейского синтаксиса [Десницкая, 2004]. Наконец, следует учитывать тот факт, что само противопоставление переходность / непереходность, возможно, вытесняется в древнегерманских языках более широкой оппозицией объектность / безобъектность (при этом переходность входит в понятие объектности).

В настоящей статье, вслед за Х. Науманном, мы рассматриваем дательный объекта более широко – как падеж единственного объекта, имеющего облигаторное дополнение в дательном падеже без предлога [Naumann, 1915].

Для сравнительно-исторического языкознания общепринятым является диахронический подход к изучению объектного дательного в готском и других древнегерманских языках и его возведение к общегерманскому состоянию. Существование глаголов с дательным объекта рассматривается в качестве архаичной черты древнегерманского синтаксиса, характерной для общегерманского языка-основы. Согласно данному подходу, глаголы, управляющие объектным дательным, представляют собой пережиточное явление и вытесняются глаголами, имеющими дополнение в винительном падеже. Иными словами, глагол начинает оформляться по нормам переходности, а винительный падеж приобретает

характер универсального объектного падежа [Grimm, 1837; Десницкая, 1946]. Вопрос об индоевропейских корнях данного явления остается спорным. Одни ученые считают, что древнегерманский дательный объекта был унаследован от того периода развития индоевропейских языков, когда категория прямого дополнения не была еще полностью сформирована, а указание на связь действия с объектом осуществлялось либо путем употребления перед глагольной основой грамматически неоформленной именной основы в той или иной функции, развившейся в дальнейшем в прямое дополнение, либо сочетанием глагольной основы с различными обстоятельственными формами, явившихся источниками косвенных падежей в истории развития отдельных индоевропейских языков [Десницкая, 2004]. По мнению других лингвистов, вопрос о том, в какой степени характерное для древнегерманских языков употребление дательного объекта является общеиндоевропейской особенностью, остается неясным [Гухман, 1981].

Значительный интерес представляет также исследование глаголов с дательным объекта как системного явления, предполагающего выявление его места в системе субъектно-объектных отношений отдельных древнегерманских языков.

При более широком подходе к объектному дательному данный класс готских глаголов является достаточно продуктивным (он насчитывает 120 единиц, согласно подсчетам И. М. Нетунаевой [Нетунаева, 1984]). Многие глаголы, для которых характерна высокая частотность употребления, имели дополнение именно в дательном падеже. В этой связи наличие дательного объекта представляет собой продуктивное явление и не может быть объяснено только особенностями внутренней формы отдельных глаголов. Вышесказанное позволяет рассматривать явление дательного объекта в готском языке как имеющее характер системы, а не как пережиточное и изолированное. Употребление дательного объекта в готском языке далеко не всегда синонимично винительному падежу и обусловлено рядом факторов.

В определенной степени выбор объектного дательного зависит от семантики глагола. Для готских глаголов с объектным дательным не характерна какая-либо семантическая доминанта (ср. употребление данного класса глаголов в древнеисландском [Десницкая, 2004]). Однако в рамках глаголов, управляющих дательным падежом, выделяются определенные лексические группы, наиболее многочисленными из которых являются следующие:

1) глаголы отрицательного воздействия на одушевленный объект (ср.: *usqiman* – *губить*, *убивать*, *fraqistjan* – *губить*, *fraqiman* – *истреблять*, *balwjan* – *мучить*);

2) глаголы положительного воздействия на одушевленный объект (ср.: *bairgan* – *беречь*, *hleibjan* – *хранить*, *kukjan* – *целовать*, *fullafahjan* – *угождать*).

В особую лексическую группу выделим глаголы, обозначающие физическое воздействие на неодушевленный объект, вызывающее изменение местонахождения последнего в пространстве (ср. *wairpan* – *бросать*, *galukan* – *закрывать*). Данная группа глаголов не является многочисленной. Особенность подобных глаголов состоит в том, что дополнение в дательном падеже при них не всегда является облигаторным. В настоящей статье дополнение в дательном падеже при этих глаголах трактуется в качестве дательного объекта только в тех случаях, когда оно является единственным и облигаторным. В остальных случаях его следует рассматривать в качестве дательного инструментального, ср.:

stainam wairpandans – забросав камнями (*Серебряный кодекс*, *Mrc.*, XII, 4) (облигаторный объект, дательный объекта)

þuk afwaipan stainam – тебя забросать камнями (*Серебряный кодекс*, I, XV, 8) (факультативный объект, дательный инструментальный).

Таким образом, на выбор дательного объекта может в той или иной степени влиять его отнесенность к определенной лексико-семантической группе. Важным лексико-семантическим различием между глаголами с объектным дательным и глаголами, управляющими винительным падежом, состоит в том, что глаголы с дополнением в дательном падеже преимущественно обозначают действия, соотнесенные с лицом, в то время как переходные глаголы чаще выражают направленность действия на неодушевленный объект. Однако следует учитывать, что противопоставление лексико-семантических особенностей глаголов с дательным объектом и глаголов, управляющих винительным падежом, не является систематическим. Так, к лексическим группам глаголов, обозначающим положительное или отрицательное воздействие на одушевленный объект, могут также относиться глаголы с дополнением в винительном падеже (ср., например *daupjan* – *убивать*, *nasjan* – *спасать*, *gahaljan* – *исцелять*). Примечательно, что семантика – не единственный фактор, обуславливающий употребление дательного объекта.

Глаголы, для которых типичен данный тип управления, обладают определенными стилистическими особенностями. Общеизвестно, что для Библии характерно описание действий, исходящих от Бога или обращенных к Нему, в связи с чем ее текст во многих

случаях может рассматриваться как стилистически маркированный. Многие глаголы с дательным объектом изначально являются стилистически отмеченными, что обусловлено их лексико-семантическими характеристиками. Например, такие глаголы, как *kukjan* – целовать, *andhausjan* – слушать, слушаться, *awiliudan* – славить, обозначают действия, связанные с Богом, и употребляются в стилистически окрашенных контекстах [Нетунаева, 1984]. Примечательно, что даже стилистически нейтральные глаголы с дательным объектом встречаются именно в предложениях, отличающихся стилистической маркированностью, ср., например:

Jah attaitok handau izos – И коснулся руки ее (Серебряный кодекс, М., VIII, 15).

СООТНОШЕНИЕ ДАТЕЛЬНОГО ОБЪЕКТА И ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

Для понимания сущности готского дательного объекта крайне важным является вопрос о его соотношении с винительным падежом. В этой связи особый интерес представляют глаголы, для которых характерно вариативное управление дательным и винительным падежами (по подсчетам И. М. Нетунаевой, в готском насчитывается 17 подобных глаголов [Нетунаева, 1984]). Ср., например, *fraquistjan* – убивать, *galaistjan* – следовать, *galukan* – закрывать:

jah fraquistida allans (вин. пад.) – и погубил всех (Серебряный кодекс, L. XVII, 27).

jah fraquistida allaim (дат. пад.) (Серебряный кодекс, L., XVII, 29).

Из примеров видно, что их значение совпадает.

Согласно традиционному подходу, употребление дательного падежа является пережиточным, унаследованным от периода германской общности, а управление глаголов винительным падежом представляет собой более новое явление, возникшее вследствие перестройки субъектно-объектных отношений в направлении переходности. Но управление дательным падежом наблюдается не только у глаголов, восходящих в общегерманскому языку-основе и имеющих параллели в других древнегерманских языках. Специфически готские образования – производные глаголы с превербами также имеют дополнения в дательном падеже (ср., например, *fraqiman* – губить, *usqiman* – губить, убивать, *usdreiban* – изгонять, *ufbrikan* – отвергать, презирать):

saei ufbrikip izwis, mis ufbrikip – тот, кто отвергает вас, меня отвергает (Серебряный кодекс, L., X, 16).

Подобное положение вещей свидетельствует в пользу продуктивности дательного объекта в готском языке и неправомерности его рассмотрения в качестве изолированного и сугубо пережиточного явления.

При изучении соотношения дательного объекта и винительного падежа у рассматриваемого класса готских глаголов обращает на себя внимание тот факт, что хотя в ряде случаев для готского характерно употребление винительного падежа при глаголах, для которых исконным является наличие объектного дательного, винительный не превалирует над дательным, а частотность употребления одного падежа в большинстве случаев лишь незначительно превосходит частотность другого [Нетунаева, 1984].

Следует также отметить, что в отдельных случаях наблюдается управление дательным падежом у глаголов, для которых типичным является наличие дополнения в винительном падеже, ср.:

gasaihvands þan lesus managans hiuhmans (вин. пад.) *bi sik* – Иисус, увидев тогда рядом с собой многочисленные толпы (Серебряный кодекс, М., VIII, 18).

unte gasaihvand þiudinassau (дат. пад.) *gudis* – потому что увидят Царствие Божие (Серебряный кодекс, L., 9, 27).

Соответственно, в данном языке дательный объект и винительный функционируют как равноправные падежи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дательный объекта в готском языке, по нашему мнению, не может быть рассмотрен просто в качестве пережиточного, архаичного явления, унаследованного от общегерманского состояния. Употребление дательного объекта является достаточно продуктивным и имеет характер системы, что не позволяет интерпретировать данное явление как отступление от обычного для индоевропейского синтаксиса типа глагольного управления. Подобная интерпретация подтверждается систематическим употреблением дательного объекта в древнеисландском.

Рассмотрение явления дательного объекта неразрывно связано с системой субъектно-объектных отношений того или иного языка. Для дательного и винительного падежей в готском языке характерна функционально-семантическая близость, что свидетельствует об отсутствии веских оснований для выводов об однозначном вытеснении дательного падежа винительным. Наличие у глаголов, управляющих дательным объекта

и винительным, общих свойств, вариативность управления данными падежами указывает на то, что рассматриваемые глаголы относятся к единому классу объектных глаголов, общим признаком

которых является обязательная связь между процессом и объектом. Соответственно, в готском языке на первый план выходит оппозиция объектность / безобъектность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981.
3. Десницкая А. В. Развитие категории прямого дополнения в индоевропейских языках: дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1946.
4. Макаев Э. А. Морфологический строй общегерманского языка // Проблемы морфологического строя германских языков: сборник научных трудов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 54–73.
5. Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. М.: Эдиториал УРСС, 2004.
6. Гухман М. М. Готский язык: учебное пособие. М.: Наука, 1998.
7. Нетунаева И. М. Глаголы с дательным объекта в системе лексико-грамматических противопоставлений древнегерманских языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
8. Naumann H. Kurze historische Syntax der deutschen Sprachen. Strassburg: Trübner, 1915.
9. Grimm J. Deutsche Grammatik. Teil IV: Syntax. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1837.

REFERENCES

1. Meje, A. (2001). Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoeuropejskih yazykov = An introduction into comparative studies of Indo-European languages Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
2. Guhman, M. M. (1981). Istoricheskaya tipologiya i problema diahronicheskikh constant = Historical typology and the problem of diachronic constants. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Desnitskaya, A. V. (1946). Razvitie kategorii pryamogo dopolneniya v indoeuropejskih yazykah. - The development of the direct object in Indo-European languages: Senior Doctorate in Philology. Leningrad. (In Russ.)
4. Makayev, E. A. (1963). The morphological structure of the Common Germanic language. Problemy morfologicheskogo stroya germanskikh yazykov = Problems of the morphological structure of Germanic languages (pp. 54 – 73): A collection of scientific papers. Moscow: USSR Academy of sciences, 1963. (In Russ.)
5. Desnitskaya, A. V. (2004). Sravnitel'noe yazykoznanie i istoriya yazykov = Comparative linguistics and the history of languages. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
6. Guhman, M. M. (1998). Gotskii yazyk = The Gothic language: A handbook. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Netunayeva, I. M. (1984). Glagoly-s-datel'nyy-objekta-v-sisteme-leksiko-grammaticheskikh-protivopostavlenij-drevnegermanskikh-yazykov = The objective Dative within the system of lexical and grammatical oppositions of old Germanic languages: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Naumann, H. (1915). Kurze historische Syntax der deutschen Sprache. Strassburg: Trübner.
9. Grimm, J. (1837). Deutsche Grammatik. Teil IV: Syntax. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Елена Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavlova Elena Borisovna

PhD (Philology), Associate Professor,

Assistant Professor at the Department of Grammar and History of the English Language,

Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.11.2022
28.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_82

Экспрессивные этнонимы Мексики: актуализация гетерообразов

Е. А. Попова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o-genia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности экспрессивной этнономинии в испанском языке на материале его пиренейского и мексиканского национальных вариантов. Проводится лингвокультурологический анализ гетерообразов, связанных с наименованием мексиканцами жителей США и Испании. Делается вывод о том, что развитие семантики и оценочных коннотаций у исследуемых единиц напрямую зависит от этнических стереотипов, которые формируются в ходе истории отношений между странами.

Ключевые слова: испанский язык, гетерообраз, стереотип, экспрессивный этноним, коннотация

Для цитирования: Попова Е. А. Экспрессивные этнонимы Мексики: актуализация гетерообразов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 82–88. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_82

Original article

Expressive Ethnonyms of Mexico: Actualization of Hetero-Images

Evgeniya A. Popova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
o-genia@yandex.ru

Abstract. The article deals with characteristic features of expressive ethnic nomination in the Spanish language, based on its Iberian and Mexican national variants. It carries out a linguistic and cultural analysis of hetero-images associated with naming the US residents and Spaniards by Mexicans. The article concludes that the development of semantics and evaluative connotations in the studied units directly depends on ethnic stereotypes formed in the course of relationship between the countries in history.

Keywords: the Spanish language, hetero-image, stereotype, expressive ethnonym, connotation

For citation: Popova, E. A. (2023). Expressive Ethnonyms of Mexico: Actualization of Hetero-Images. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 82–88. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_82

ВВЕДЕНИЕ

В основе оценочной семантики любой лексемы лежит эмоционально-субъективное восприятие обозначаемого понятия, которое, как правило, связано с внешними факторами. Рассматривая отражение в языке взаимоотношений между народами разных стран или сообществ внутри одной страны, необходимо принимать во внимание этнические стереотипы. Именно они напрямую участвуют в формировании авто-, гетеро-, мета- и контробразов, в зависимости от впечатлений, полученных в ходе исторических событий, в связи с географическими, социально-экономическими и другими условиями.

Цель данной статьи – выявление особенностей формирования гетерообразов в испанском языке Мексики посредством экспрессивных этнонимов (*далее* ЭЭ), или этнонимов с оценочными коннотациями. В ходе исследования мы используем терминологический аппарат лингвистической имагологии – относительно молодой научной дисциплины, возникшей несколько десятилетий назад на стыке лингвокультурологии, этнолингвистики, теории дискурса, лингвоаксеологии, теории межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики [Камалова, 2020]. Поскольку лингвоимагология изучает языковые аспекты создания образа одного народа или страны в сознании другого народа, можно утверждать, что экспрессивная гетерономинация является одним из ее инструментов.

Говоря об экспрессивных гетероэтнонимах в мексиканском национальном варианте испанского языка, следует выделить два направления указанного типа номинации: оценочные этнонимы, используемые мексиканцами для обозначения других наций (о которых преимущественно пойдет речь в данной статье), и экспрессивные наименования самих мексиканцев извне. Подчеркнем, что гетерономинация в подавляющем большинстве случаев выступает маркером языка вражды, основанной на стереотипах, и дает почву для этнофолизмов – уничижительных эмоциональнооценочных языковых единиц, обозначающих «чужие» расовые, национальные или этнические группы [Грищенко, 2007] и относящихся к стилистически сниженной лексике.

ГАВАШНО: ИЗ БОРДО В МЕКСИКУ

Непростые отношения между Мексикой и США породили уничижительные гетероэтнонимы с обеих сторон. У американцев, например, существует более чем обидный ЭЭ *wet-back*, имеющий в испанском языке кальку *espalda mojada* – *мокрая спина* и отсылающий к проблеме мексиканской нелегальной иммиграции

путем пересечения вплавь границы США, которая проходит по реке Рио-Гранде (испанское название – Рио-Браво).

Мексиканцы, в свою очередь, презрительно именуют американцев *gabacho* (ср. фр. *gavach* – *тот, кто плохо говорит*). Приведенный ниже пример основан на противопоставлении автообраза мексиканцев, родившихся в США – *чиканос* (изначально этноним *chicano* обозначал детей мексиканских эмигрантов, родившихся в Чикаго, а затем путем метонимического переноса получил расширение значения) как уязвимой категории граждан, и гетерообраза американцев как хозяев ситуации, подчеркивающих свое главенство:

Nacimos sin palabras nosotros **los chicanos**, a los jefecitos se les olvidó la lengua, en las escuelas **gabachas** nos apartan como a retardados... (M. Méndez, *Peregrinos de Aztlán*). – Мы, **чиканос**, родились «без слов»: наши родители забыли родной язык, а в школе **амеры** сортируют нас, воспринимая как отстающих...¹

Необходимо отметить, что приведенный выше дерогативный этноним *gabacho* используется в некоторых регионах Испании, в первую очередь – в Каталонии, для обозначения жителей Франции. Словарь DRAE Королевской Академии Испании предлагает не только значение «француз» с пометой «уничижительное», но и следующее определение: «natural de algún pueblo de las faldas de los Pirineos»² («коренной житель какой-либо горной местности в Пиренеях»). Таким образом, в современном языке Испании данный этноним не всегда является экспрессивным. С другой стороны, гетероэтноним *gabacho* в испанском языке Мексики практически в любом контексте имеет негативные коннотации³ Для того чтобы понять основания стоящих за ней гетерообразов, обратимся к ряду исторических фактов.

Считается, что испанская ЛЕ *gabacho*, каталонская *gavatx* и французская *gavache* имеют общее окситанское происхождение⁴. На юго-востоке Франции так называли людей иностранного происхождения. Этнофолизм предположительно появился во французском языке в XI–XII веках по отношению к гасконцам, когда началась колонизация восточных районов области Бордо. Как повествует роман

¹Эд. и далее перевод наш. – Е. П.

²Gabacho. Diccionario de la Real Academia Española (DRAE). URL: <https://dle.rae.es/gabacho?m=form>

³Gabacho. Diccionario de americanismos (RAE amer). URL: <https://www.asale.org/damer/gabacho>

⁴Corominas J., Pascual J. A. Diccionario Crítico Etimológico Castellano e Hispánico. T. 5: RI – X. Madrid: Graficas Condor, S.A., Sanchez Pachecho, 1987.

Т. Готье «Капитан Фракасс» (1964), слово означало «негодяй», «трус», «скотина».

Спустя несколько столетий, в XVII веке, этноним впервые стал использоваться в Каталонии, поскольку большинство французских иммигрантов прибыли в Испанию из провинции Нарбонна на юге Франции, расположенной относительно недалеко от Каталонии и Андорры. Значение лексемы распространилось почти по всему северу и востоку Испании в более широком смысле – для обозначения всех иммигрантов из Франции. В каталанском языке оно закрепилось и во фразеологии: *De gavatx i de porc, no te'n fiis fins que és mort*¹ (Не доверяй французам и свинье, пока они не умрут) или *passar-se de gavatx* (не держать своего слова).

Необходимо отметить, что существуют и другие версии происхождения исследуемой языковой единицы (далее ЯЕ). Вернемся к словарному определению «жители Пиренеев», т. е. обитатели гор. Этноним предположительно происходит от реки Гав-де-По (Gave de Pau), протекающей на юге Франции, в том числе и в Пиренеях. Поэтому людей, мигрировавших из этого района, могли называть *gavache*. Также считается, что ЯЕ могла произойти от слова *gavier* – зоб, поскольку возникновение зоба было довольно распространенным заболеванием среди горцев, вызванным недостатком йода в организме². Часто недостаток йода вызывал также развитие кретинизма и других психических заболеваний. Таким образом, можно говорить о территориально-географическом факторе, повлиявшем на возникновение данного этнофолизма.

Проникновение лексемы *gabacho* в мексиканский национальный вариант испанского языка связано с историко-политическим фактором: во второй половине XIX века произошла вторая французская интервенция в Мексику: начиная с 1861 года Мексика сначала была опустошена французами и их союзниками, затем, с 1863 года находилась под контролем Франции. Лишь в 1867 году интервенты окончательно покинули страну после ряда побед мексиканской армии и вывода французских войск [Galeana, 2007]. Французы имели негативный имидж среди местного населения, поскольку считались оккупантами.

Сегодня актуализацию экспрессивного этнонима *gabacho* в Мексике мы, как правило, встречаем в отношении Соединенных Штатов и их жителей. Как и в случае с французами, в сознании мексиканцев закрепился образ американских захватчиков, и они стали использовать то же слово для обозначения чужаков. Важно отметить, что данная ЯЕ для

гетерономии американцев встречается чаще, чем уничижительное, но более мягкое и более известное для носителя русского языка из художественной литературы *гринго* (*gringo*). Также стоит упомянуть, что *gabacho* можно услышать и непосредственно в США среди лиц мексиканского происхождения по отношению к представителям населения, имеющим белую кожу.

Обратимся к примерам. Первый взят из мексиканского электронного издания «El Informante» и выражает негодование по поводу приготовления американцами на свой лад знаменитого национального блюда Мексики – тако. Для перевода мы попытались найти отрицательно окрашенный ЭЭ по отношению к американцам в русском языке.

...es que deberíamos tener la secretaría de protección al taco, registrarlo como comida en el mundo, para que no lo anden copiando **los gabachos** y haciendo tacos que parecen pizzas o no tienen ni el toque ni el sabor como tienen los tacos de Sierrita en Oaxaca³. – ...дело в том, что мы должны создать секретариат для защиты тако, запатентовать его как мексиканский продукт питания в мире, чтобы **америкосы** не копировали его и не делали тако, которые выглядят как пицца или не имеют ничего общего ни на ощупь, ни на вкус со знаменитым тако в нашей чудесной Оахаке.

Во втором примере, из интернет-издания «El Universal», ЭЭ *gabacho* не демонстрирует уничижительного отношения мексиканцев к США, однако статья, описывающая встречу «друга Дональда» с «другом АМЛО⁴», пропитана иронией, в ней встречаются многочисленные маркеры разговорной речи и стилистически сниженной лексики:

Como si estuviéramos en aquellos tiempos aciagos de la “descertificación” de México en el Congreso **gabacho** por el narcotráfico, Donald Trump se puso serio y en el informe anual sobre el tema le echó porras a su amigo AMLO por los avances que se han logrado⁵. – Прямо как в те мрачные времена, когда на Мексику в Конгрессе **амеров** наложили санкции за незаконный оборот наркотиков, Дональд Трамп стал серьезным и в годовом отчете по этому вопросу кинул кость одобрения своему другу АМЛО за достигнутый прогресс.

Таким образом, анализ прагматической ЭЭ *gabacho* позволяет сделать вывод, что с течением времени значение слова прошло через несколько

¹URL: <https://spanienfuerdeutsche.wordpress.com/author/alemanyol/>

²URL: <https://www.muyinteresante.es/cultura/artes-culturales/articulo/por-que-llamamos-gabachos-a-los-franceses>

³URL: <https://elinformante.mx/?p=22563>

⁴Действующий президент Мексики – Андрес Мануэль Лопес Обрадор.

⁵URL: <https://www.eluniversal.com.mx/nacion/el-foco-la-rifa-tuvo-tanto-exito-que-vamos-por-otra>

семантических процессов. Этноним как таковой образовался путем метонимического переноса. С момента вхождения данной ЯЕ в испанский язык мы наблюдаем процесс расширения ее лексического значения, а затем – процесс его редукции после перехода в мексиканский национальный вариант. Слово *davach* во французском языке и раньше имело негативные коннотации, поэтому в испанском этноним стал экспрессивным, «поучаствовав» в создании стереотипно отрицательных образов сразу нескольких стран.

GRINGO: ГРЕКИ, ИРЛАНДЦЫ И «ЗЕЛЕННЫЕ» СОЛДАТЫ

Gringo – еще один гетероэтноним, часто используемый в Мексике по отношению к американцам. Существует несколько версий его происхождения, не связанных друг с другом – тем интереснее проанализировать и сравнить семантические процессы и типы смысловой мотивации, лежащие в основе его современных значений.

Прежде всего обратимся к словарю DRAE, который предлагает следующие толкования ЭЭ:

- 1) иностранец – англоговорящий или говорящий на языке, отличном от испанского (помета «разговорное»);
- 2) иностранный язык (помета «разговорное»);
- 3) американец / уроженец США (употребляется в 12 латиноамериканских странах из 19);
- 4) англичанин / уроженец Великобритании (Уругвай);
- 5) русский / уроженец России (Уругвай);
- 6) блондин с белой кожей (Боливия, Гондурас, Никарагуа, Перу);
- 7) неразборчивая речь / язык, который невозможно понять¹.

Все вышеприведенные значения объединяют два компонента – «чужое» и «непонятное». Первая теория развития указанной семантики основана на идее, что ЯЕ *gringo* происходит от этнонима *griego* – *греческий*. В Средние века существовала поговорка *Graecum est, non legitur* (*Это по-гречески, не читается*), которой пользовались в монастырях для обозначения труднопереводимых частей Священного Писания, поскольку в большинстве случаев они были на греческом языке². Таким образом, во многих странах греческий язык стал ассоциироваться с чем-то трудным для понимания,

чуждым, непонятным и, как следствие, – враждебным. По этой причине сегодня в английском языке есть хорошо известная идиома *it's all Greek to me* (ср. рус. *китайская грамота*), которая вошла в язык благодаря Шекспиру и его трагедии «Юлий Цезарь». Любопытно, что позже средневековое выражение было перефразировано на *Hispanica, non leguntur* по отношению к испанским ученым, работы которых иногда игнорировались мировым научным сообществом [Крачковский, 1965].

Переход ЯЕ *griego* в *gringo*, по мнению исследователей, происходил в два этапа. Первым шагом было изменение *griego* > *grigo*, в связи с процессом упрощения в испанском языке некоторых латинских дифтонгов. Далее форма слова получила современный вид благодаря эпентезе – вставке согласного *n*, который встречается в испанском языке в похожих сочетаниях (*hongo, tengo, pongo*) [Ronan, 1959].

С развитием фонетической формы связана и вторая точка зрения на происхождение значения ЭЭ *gringo* – от выражения *hablar en jeringonza* – говорить на тарабарщине, т. е. на непонятном языке. Синкопа (фонетическое явление, заключающееся в выпадении слога в середине слова) и эпентеза превратили ЯЕ *jerigonza* в *jeringo*, а поскольку буквы *j* и *g* в испанском языке иногда путались, слово в итоге приобрело форму *gringo* [там же]. Необходимо также отметить, что подобным образом назывался и цыганский язык, носители которого начали расселяться по Западной Европе с Балканского полуострова (что вновь свидетельствует о связи с Грецией) в XV веке.

Еще одно предположение об этимологии лексемы связано с Ирландией и ее жителями, поскольку в вопросах противостояния с Англией в XVII веке Ирландия видела в Испании потенциального союзника. В это время в Европе шли религиозные войны, в обеих странах главенствующей религией считался католицизм, поэтому многие ирландцы, спасаясь от протестантских англичан, бежали на Пиренеи. Таким образом, ирландских иммигрантов стали называть *гринго*, предположительно – по первым словам девиза *Éirinn go Brác* (*Да здравствует Ирландия*) [O'Scea, 2012]. Появление этнонима можно, как и в предыдущих версиях, связать с фонетическим искажением, однако в данном случае в его основе лежит паронимазия как образное сближение схожих по звучанию слов и каламбур – языковая игра.

В мексиканский национальный вариант испанского языка ЭЭ *гринго* также вошел благодаря историческим событиям (экстралингвистический фактор) и сочетанию паронимазии и каламбура (внутриязыковые явления). Предполагается, что появился он во время многочисленных столкновений между Мексикой и США. Мексиканцы,

¹Gringo. Diccionario de la Real Academia española (DRAE). URL: <https://dle.rae.es/gringo>

²Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1988.

прогоняя чужаков со своей земли, кричали: *Green, go home!* (*Зеленые, уходите домой*), апеллируя к цвету формы американских солдат¹.

Сегодня лексема используется в повседневной речи не только жителей Мексики, и ее дерогативная маркированность часто зависит от контекста. Приведем несколько примеров из мексиканской прессы:

Suramérica sigue siendo para los **gringos** una tribu de pueblos salvajes que viven en chozas de madera, escuchan rancheras y viven de las gallinas y de uno que otro **gringo** ingenuo que viene con muchos dólares a descubrir este universo exótico². – Южная Америка по-прежнему остается для **гринго** племенем диких народов, которые обитают в деревянных хижинах, слушают народные песни и живут за счет цыплят и случайных наивных **гринго**, приезжающих с кучей долларов, чтобы открыть для себя эту экзотическую вселенную.

В данном примере актуализируется саркастическое отношение автора к устоявшимся в США негативным стереотипам восприятия соседей, которые транслируют американские СМИ, как «ленивых, глупых, грязных, с преступными наклонностями и чуждой культурой» (*lazy, unintelligent, greasy, criminal, and alien*³). Одним из средств выражения сарказма является сочетание «наивные **гринго**».

Второй пример представляет собой цитату мексиканского режиссера об ошибочной тенденции копирования стиля голливудских фильмов. Здесь ЭЭ *gringo* не имеет уничижительного значения, скорее, используется как маркер разговорной речи:

Con motivo del estreno de su nueva película "Las hijas de Abril" en el Festival de Cannes, el director mexicano Michel Franco observa una tendencia de su país a hacer productos comerciales y considera "un error cuando en México quieren hacer cine a lo **gringo**"⁴. – По случаю премьеры своего нового фильма «Las hijas de Abril» на Каннском кинофестивале мексиканский режиссер Мишель Франко отмечает тенденцию в своей стране к созданию коммерческих продуктов и считает «ошибкой, когда в Мексике хотят снимать фильмы в стиле **гринго**».

Третий пример взят из предвыборной речи независимого кандидата в президенты Мексики в 2018 году Хайме Родригеза (Jaime Rodríguez) по

прозвищу *Резкий* (*El Bronco*), которое он получил в народе за жесткую критику преклонения своих сограждан перед американскими благами и позиции «до бога далеко, а США под боком»⁵, подчеркивающей, что благополучие Мексики напрямую зависит от северного соседа:

En el sentido de la renegociación del Tratado de Libre Comercio de América del Norte (TLCAN), "lo primero que debemos de hacer es destetarnos de los **gringos**" y reorientar los mercados hacia Japón, Corea, India...⁶ – В смысле пересмотра соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) «первое, что мы должны сделать, это оторваться от груди **гринго**» и переориентировать рынки на Японию, Корею, Индию...

Среди всех перечисленных стран политик использует экспрессивную гетерономинацию только по отношению к США, что говорит об отрицательных коннотациях ЭЭ *gringo*, которые подтверждаются актуализацией в сочетании с ним глагола *destetar*. В буквальном переводе он звучит резко и вульгарнее, чем предлагаемый нами эквивалент *оторваться от груди*. Тем не менее лексема *gringo* с выраженным уничижительным компонентом здесь не настолько негативно окрашена, как употребление приведенного ранее ЭЭ *gabacho*.

То же самое можно сказать и о других национальных вариантах испанского языка. Например, в Боливии, Колумбии, Эквадоре прагматика *gringo* будет совпадать с мексиканской, однако в Гондурасе и Перу ЯЕ используется для номинации любого иностранца, особенно со светлой кожей, голубыми глазами и каштановыми волосами. С лингвистической точки зрения можно утверждать, что значение данного этнонима развивалось посредством таких семантических процессов, как метонимический и метафорический перенос.

GACHUPINES – ПОЕДАТЕЛИ КУКУРУЗЫ

Лексема *gachupín* используется в мексиканском варианте испанского языка в значении «испанец, переехавший в Мексику или Центральную Америку» с пометой *despectivo*⁷ (*уничижительное*). Считается, что слово произошло от португальского *cachopo* – *мальчик*, где не имело негативных коннотаций. Ироничная актуализация лексемы

¹URL: <https://www.muyinteresante.es/cultura/arte-cultura/articulo/ide-donde-viene-la-palabra-gringo>

²URL: <https://mundoviajero.wordpress.com/2008/06/04/indiana-jones-de-paso-por-el-peru-mexicano/>

³URL: <http://brown-face.com/>

⁴URL: <https://www.la-prensa.com.mx/gossip/un-error-cuando-en-mexico-quieren-hacer-cine-a-lo-gringo-3535133.html>

⁵URL: <https://iz.ru/news/330309>

⁶URL: <https://www.la-prensa.com.mx/mexico/un-segundo-debate-mas-dinamico-con-preguntas-de-la-ciudadania-3553848.htm>

⁷Gachupín. DRAE. URL: <https://dle.rae.es/gachup%C3%ADn?m=form>

появилась после выхода в свет XIX веке романа «Los siete libros de la Diana» португальца Хорхе де Монтемайора, писавшего на испанском языке:

Yo os prometo, a fe de hijodalgo, porque lo soy, que mi padre es de **los Cachopines de Laredo**, que tiene don Felis, mi señor, de las mejores condiciones que habéis visto en vuestra vida... (J. Montemayor. *Los siete libros de la Diana*). – Я клянусь вам честью дворянина, каковым являюсь, поскольку мой отец **из рода Кашопинес де Ларедо**, что дон Фелис, милорд, находится в лучших условиях, которые вы видели в своей жизни...

По сюжету произведения вышеупомянутый идальго любил выдавать желаемое за действительное, поэтому в испанском языке фамилия *Cachopines de Laredo* стала нарицательной: так с иронией сначала называли людей, которые хвастались своим знатным происхождением, а позже – необоснованным превосходством над другими.

Поскольку мы акцентируем внимание на гетерообразах, сформировавшихся посредством ЭЭ в Мексике, актуальной представляется версия происхождения слова *gachupín* из языка науатль, где оно обозначало злого и жестокого человека [Alatorre, 1992]. Уже в текстах XVII века *gachupín* используется для оскорбления испанцев – новоприбывших жителей Пиренейского полуострова на американский континент, сообразно их поведению. Этноним выражал негодование креолов (лиц европейского происхождения, родившихся уже в Америке), которые имели меньше привилегий, чем иммигранты, рожденные в Испании.

В 1692 году в Мехико вспыхнуло восстание из-за продовольственного кризиса, вызванного недобросовестностью властей, спекулировавших жизненно важными продуктами. Тогда впервые прозвучал призыв: *¡Que mueran estos gachupines que comen nuestro maíz!* (Смерть этим гачупинам, которые едят нашу кукурузу!) Подобные возгласы раздавались и через 100 лет, в сентябре 1810 года, когда борьба Мексики за независимость достигла апогея. Священнику Мигелю Идальго-и-Костилья, национальному герою Мексики, который призывал местное население к борьбе против испанской короны, приписывают возглас: *¡Viva la Virgen de Guadalupe! ¡Que mueran los gachupines!* (Да здравствует Дева Мария Гваделупская! Пусть умрут гачупины!)¹.

Со временем значение лексемы сузилось, и этноним стал относиться не ко всем испанцам,

а только к живущим в Мексике. Следует отметить, что сегодня он не так часто встречается в речи мексиканцев, как описанные ранее ЭЭ, а его негативные коннотации постепенно стираются:

En su mañanera, el presidente Andrés Manuel López Obrador responde a un periodista **gachupín**, inquieto por el curso de los nexos con España...² – В своей утренней речи президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор отвечает журналисту **испанского происхождения**, обеспокоенному развитием отношений с Испанией...

Словарь американизмов «RAE amer»³ дает к его определению помету *obsoleto* (устаревшее), но примеры актуализации в мексиканских СМИ говорят об обратном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование этнокультурных стереотипов связано как с историей взаимоотношений стран в целом, так и с ситуацией внутри каждой страны в конкретный исторический период. Если в образе «других» видится угроза (например, в случае с мексиканскими мигрантами для США на сегодняшний день или с испанскими завоевателями для Мексики в XVI–XIX веках), результатом становится осуждение их культуры и формирование негативного гетеростереотипа.

Этнофолизмы выступают языковым средством создания гетерообраза и с лингвистической точки зрения часто образуются путем фонетического искажения слова или словосочетания-источника, которое восходит к непониманию одного языка носителями другого и, как следствие, к боязни, отторжению «другого», тождеству «чужой = плохой». Ассоциации, связанные как с внешними событиями, так и с языковыми процессами, порождают оценочные коннотации, в основе которых лежит метафорический или метонимический перенос.

В статье рассмотрена история нескольких ЯЕ, используемых в мексиканском национальном варианте испанского языка для экспрессивной гетерономинации. Подчеркнем, что употребление этнофолизмов в речи нежелательно, поскольку может провоцировать конфликтные ситуации, а в критических случаях приводить к разжиганию межнациональной розни, однако анализ развития их семантики, мотивированности значений и образов, стоящих за ними, является актуальным направлением междисциплинарных исследований.

¹URL: <https://vanguardia.com.mx/circulo/2802071-mueran-los-gachupines-lo-que-en-realidad-dijo-miguel-hidalgo-EAVG2802071>

²URL: <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/09/15/politica/mexico-y-el-neocolonialismo-gachupin/>

³URL: <https://www.asale.org/damer/gachup%C3%ADn>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Камалова С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературе о палестино-израильском конфликте): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
2. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. / гл. ред. Н. А. Николина. Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.
3. Galeana P. Juárez en la historia de México. México: Editorial Miguel Angel Porrúa, 2007.
4. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: Листки воспоминаний о книгах и людях. М.: Наука, 1965.
5. Ronan C. E. Historia Mexicana. México: El Colegio de Mexico, 1959.
6. O'Scea C. Irish emigration to Spain and its dominions from resistance to integration (1580–1700) // The Irish and the Hispanic Monarchy (1529–1800). Connections in time and space. Madrid: Punto Verde, S. A., 2012. P. 51–61.
7. Alatorre A. Historia de la palabra gachupín // Scripta Philologica. México: Universidad Autónoma Nacional de México, 1992. P. 275–302.

REFERENCES

1. Kamalova, S. D. (2020). Obraz "chuzhih" v mul'tikul'turnoj literature s pozicii lingvisticheskoy imagologii (na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj literature o palestino-izrail'skom konflikte) = Image of "Aliens" in Multicultural Literature from the Point of View of Linguistic Imagology (Based on English-Speaking Fiction about the Israel–Palestine Conflict): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Grishchenko, A. I. (2007). Istochniki vozniknoveniya ekspressivnyh etnonimov (etnofolizmov) v sovremenном русском i anglijskom yazykah: etimologicheskij, motivacionnyj i derivacionnyj aspekty = Sources of Genesis of Expressive Ethnonyms (Ethnophaulisms) in Modern Russian and English: Etymological, Motivational and Derivative Aspects. Active Processes in Modern Vocabulary and Phraseology: Proceedings of the International Conference June 8–9 (pp. 40–52). Yaroslavl: Remder. (In Russ.)
3. Galeana, P. (2007). Juárez en la historia de México. México: Editorial Miguel Angel Porrúa.
4. Krachkovskij, I. Yu. (1965). Nad arabskimi rukopisyami: Listki vospominanij o knigah i lyudyah = Over arabic manuscripts: sheets of memories about books and people. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Ronan, C. E. (1959). Historia Mexicana. México: El Colegio de Mexico.
6. O'Scea, C. (2012). Irish emigration to Spain and its dominions from resistance to integration (1580–1700). The Irish and the Hispanic Monarchy (1529–1800). Connections in time and space (pp. 51–61). Madrid: Punto Verde, S. A.
7. Alatorre, A. (1992). Historia de la palabra gachupín. Scripta Philologica (pp. 275–302). México: Universidad Autónoma Nacional de México.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Евгения Андреевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореца
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Evgeniya Andreevna

PhD (Philology), Assistant Professor at the Department of the Second Foreign Language,
M. Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.11.2022
19.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11-112

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_89

Аргументативный потенциал порядка слов в письменном научном дискурсе (на материале немецкого языка)

Е. В. Садовникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

sadovnikova.ev@gmail.com

Аннотация. В статье с позиций когнитивно-дискурсивного подхода представлено исследование порядка слов как одного из элементов построения письменного научного дискурса. На материале немецкоязычных научных статей гуманитарного профиля анализируется значение порядка слов в реализации тактических ходов аргументативной стратегии (в случаях замещения начальной позиции немецкого предложения в активных и пассивных структурах, перестановки темы и ремы при коммуникативном членении предложения).

Ключевые слова: порядок слов, структура предложения, научный дискурс, научная статья, аргументативная стратегия

Для цитирования: Садовникова Е. В. Аргументативный потенциал порядка слов в письменном научном дискурсе (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3(871). С. 89–95. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_89

Original article

Argumentative Potential of Word Order in Written Scientific Discourse (on the Material of the German Language)

Elena V. Sadovnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

sadovnikova.ev@gmail.com

Abstract. The article presents a study of word order as one of the elements of building the written scientific discourse from the standpoint of the cognitive-discursive approach. The discursive potential of word order is analyzed in the implementation of tactical moves of the argumentative strategy (in cases of replacing the initial position of a German sentence in active and passive structures, in cases of rearranging theme and rheme in the actual division of a sentence) on the material of German scientific articles in the humanities sciences.

Keywords: word order, sentence structure, scientific discourse, scientific article, argumentative strategy

For citation: Sadovnikova, E. V. (2023). Argumentative potential of word order in written scientific discourse (on the material of the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 89–95. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_89

ВВЕДЕНИЕ

Исследования порядка слов не ограничиваются рамками предложения. Коммуникативное членение в предложении не утратило своей значимости, но уступило место текстовому подходу к законам порядка слов, реализующих его коммуникативное развертывание и, как следствие, создающих его коммуникативное единство.

В последние десятилетия одним из ведущих подходов в лингвистике стал когнитивно-дискурсивный подход к изучению коммуникации в целом и к анализу языковых явлений, в частности. Это обусловлено прежде всего тем, что в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвисты имеют возможность включить в лингвистическое исследование не только прагматические составляющие коммуникации (коммуникантов и коммуникативную ситуацию), но и учитывать когнитивные процессы порождения и восприятия текста (виды и способы организации имеющихся знаний о языке для успешной коммуникации). Особое значение когнитивно-дискурсивный подход приобретает при изучении грамматических явлений в рамках дискурса, поскольку устанавливает связь между намерениями коммуникантов и использованием языковых средств.

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода функционирование порядка слов выходит за рамки текстообразования. В условиях дискурса, с учетом коммуникантов, коммуникативной ситуации, интенций адресанта речи и восприятием ее адресатом, появляется возможность подойти и к изучению порядка слов под новым ракурсом и рассмотреть данное языковое явление как один из элементов построения дискурса и как одно из средств реализации дискурсивной стратегии. Подобный ракурс рассмотрения порядка слов позволяет раскрыть явление не просто как семантико-синтаксическую категорию с присущим ей логико-семантическим потенциалом, но и как грамматическое явление, подверженное влиянию дискурсивных факторов и обладающее «дискурсивным потенциалом» [Казанцева, 2015].

Цель исследования – показать дискурсивный потенциал порядка слов при реализации аргументативной стратегии в письменном научном дискурсе. Эмпирическим материалом для исследования стали немецкоязычные научные статьи гуманитарного профиля последних лет. Для достижения поставленной цели использовались такие методы лингвистического анализа, как: отбор релевантной информации в тексте, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный и трансформационный методы. В процессе исследования решаются задачи: уточняются

понятия «дискурс», «дискурсивная стратегия», «тактика» и «тактический ход» в применении к научной статье. Немецкоязычная статья рассматривается как письменный вербальный компонент научного дискурса, в котором ведущей стратегией речевого поведения автора является аргументация. Следующий шаг – обобщить опыт изучения порядка слов в немецком языке; обосновывается изучение порядка слов в качестве одного из средств реализации дискурсивных стратегий. В практической части – проанализировать тактические ходы автора статьи с точки зрения использования порядка слов (замещение начальной позиции немецкого предложения коннекторами, дополнениями или обстоятельствами; «стандартное» расположение и перестановка темы и ремы при коммуникативном членении предложения) в реализации аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ В РАКУРСЕ РЕАЛИЗАЦИИ АРГУМЕНТАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Изучение порядка слов и его дискурсивного потенциала выявляет необходимость уточнения основных «дискурсивных» понятий. Понимая, вслед за К. П. Корнердингом, дискурс как межличностную коммуникацию, охватывающую все формы социального взаимодействия институтов, индивидов и социальных групп [Kornerding, 2009], характеризующуюся наличием обязательных компонентов – коммуникантов, коммуникативной ситуации и текста [Казанцева, 2004], мы определяем его как институциональный тип дискурса, который реализуется в определенной научной области. Коммуникантами такого дискурса выступают ученые, занимающиеся познавательной деятельностью, с целью внедрения полученного нового знания в существующую парадигму. Коммуникативная установка адресанта заключается в целенаправленном воздействии на интеллектуальную сферу адресата и его научные взгляды. Одним из наиболее востребованных жанров научного дискурса является научная статья, имеющая среди остальных жанров научного дискурса отличительные особенности не только в содержательном и структурном плане, но и в коммуникативно-прагматическом аспекте. Успешность коммуникативного процесса и, как следствие, принятие статьи научным сообществом зависят от возможностей автора в условиях опосредованного общения с читателем реализовать свои интенции с целью аргументированного убеждения читателя в истинности полученных знаний и принятия им новых научных положений.

Рассматривая научную статью как коммуникативное событие, в котором ученый выстраивает план и подбирает средства воздействия на своего партнера по коммуникации с целью убеждения, отстаивания своей позиции, мы приходим к мысли о целесообразности применения стратегического подхода, который «позволяет учитывать связи внутренней и внешней информации при его интерпретации, а также выявлять общую направленность речевых действий коммуникантов, т. е. генеральную линию их речевого поведения в различных ситуациях общения» [Трубченинова, 2006, с. 125]. Согласно работам Т. ван Дейка в области когнитивной лингвистики, стратегия – это свойство когнитивных планов, т. е. общая организация определенной последовательности действий, направленных на достижение целей взаимодействия [Van Dijk, 2008]. Каждая стратегия реализуется на основе широкого спектра тактик и тактических ходов, репрезентирующих альтернативные способы действий и служащих решению локальных целей в развитии стратегии.

Отталкиваясь от интенций автора и использования им приемов аргументативного отстаивания мнения, мы можем рассмотреть научную статью как план реализации аргументативной стратегии, совокупности речевых действий, тактик и тактических ходов, в основе которых лежат различные языковые средства убеждения, в том числе порядок слов.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОРЯДКА СЛОВ: ОТ КОММУНИКАТИВНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ К ДИСКУРСИВНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Порядок слов всегда был в поле зрения лингвистов. По праву можно утверждать, что основа для исследований порядка слов была заложена Пражской лингвистической школой в рамках развития теории актуального членения в предложении (В. Матезиус). Это был не первый, но систематический подход, позволивший включить предложение в предметный контекст, внутри которого оно возникает. Среди основных элементов актуального членения предложения назывались исходная точка говорящего, или, в данной ситуации, известное, и ядро высказывания, т. е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания. При этом В. Матезиус называл объективным порядок слов, при котором тема как исходный пункт высказывания находится в начале предложения, а рема, содержащая информацию о теме, – в конце предложения. Допускалось существование субъективного порядка слов, при котором рема предшествует теме. Но в качестве объяснения перестановки

темы и ремы указывалось лишь на условия эмоциональной, экспрессивно окрашенной речи [Матезиус, 1967].

Труды Пражской лингвистической школы заложили основу для функционального подхода к проблеме порядка слов, представленного в работе В. Г. Адмони, который выделяет логико-грамматическую, структурно-грамматическую, эмоциональную и коммуникативно-познавательную функции порядка слов. Особое внимание обращает на себя выделение коммуникативно-познавательной функции с заложенной в ней познавательной установкой при построении предложения [Admoni, 1986].

Помимо актуального членения предложения нельзя не отметить ту часть исследований, которая пришлось на описание места отдельных членов предложения [Абрамов, 2004] и развитие типологии порядка слов [Адмони, 1973]. Эти исследования до сих пор занимают важное место в анализе синтаксиса немецкого предложения и имеют большое значение в теоретическом и практическом плане. Так, в рамках синтактико-грамматического членения В. Г. Адмони выделяет:

- контактный и дистантный порядок слов на основании того, контактны ли или дистанцированы слова в смысловом и грамматическом отношении;
- препозитивный и постпозитивный порядок слов на основании того, предшествует ли какое-либо слово другому слову, рассматриваемому как отправной пункт в данной конструкции порядка слов, либо следует за ним;
- фиксированный и нефиксированный порядок слов в зависимости от того, возможно ли варьирование местоположения члена предложения по отношению к другим членам предложения или к целым синтаксическим единствам;
- исходный и измененный порядок слов (прямой порядок слов и так называемая инверсия) [там же].

Безусловный прорыв в изучении порядка слов был сделан с началом текстового подхода в грамматике, предлагающего рассмотрение функционирования каждого грамматического явления на уровне текста. Если на уровне предложения внимание уделялось порядку слов в синтактико-грамматическом плане и как средству выражения темы и ремы каждого отдельного предложения, то на уровне текста изучение порядка слов расширилось до моделирования коммуникативной прогрессии в тексте. Порядок слов стал рассматриваться как средство коммуникативного развертывания текста и средство его коммуникативного единства в цепочке тема-рематических блоков [Москальская, 1981].

Особый смысл приобрела при этом коммуникативно-познавательная функция порядка слов,

поскольку она указала на зависимость последовательности компонентов предложения от их коммуникативной важности в условиях обобщения.

Последующие исследования о «сложном знаковом характере предложения как когнитивной и коммуникативной единицы» [Москальская, 1974, с. 9], о связи семантики и синтаксиса [Гальперин, 1974], роли порядка слов в распределении информативной нагрузки в тексте [Лузина, 1996] и установлении коммуникативных связей [Казанцева, 2002] задали необходимый вектор для изучения порядка слов как дискурсивно обусловленного явления, рассматриваемого в процессе порождения текста, в том числе как одного из средств построения коммуникативноречевых стратегий.

ЗНАЧЕНИЕ ПОРЯДКА СЛОВ ПРИ ПОСТРОЕНИИ АРГУМЕНТАТИВНЫХ ХОДОВ АВТОРА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Понимая под аргументативной стратегией в письменном научном дискурсе совокупность речевых действий адресанта, направленных на адресата с целью представить точку зрения на научную проблему и обосновать необходимость корректировки научных воззрений, мы можем определить научную статью как реализацию тактик и тактических ходов, выполняющих конкретные задачи аргументативной стратегии с применением языковых средств убеждения разных уровней, например порядка слов.

Проанализируем порядок слов в тактических ходах аргументативной стратегии.

В композиционно-структурной части научной статьи «Введение» аргументирующее воздействие на читателя будет определяться актуальностью исследования и интересом читателя к выбранной тематике. Поэтому одной из обязательных тактик введения является тактика «Введение в проблематику исследования», реализуемая рядом необходимых тактических ходов:

- указание на предпосылки для проведения исследования;
- композиционно-ориентирующий ход;
- постановка задач;
- указание на основной предмет исследования.

Рассмотрим некоторые примеры упомянутых тактических ходов:

Sowohl in Deutschland als auch in den meisten westlichen Ländern ist die Erwerbsbeteiligung von Frauen in den letzten Jahrzehnten **deutlich gestiegen**. (*Zeitschrift für Familienforschung*, 2009, Heft 1).

В данном примере тактического хода *указание на предпосылки для проведения исследования*, автор, объясняя выбор тематики для своего исследования, указывает на значительный рост трудоустройства среди женщин в Германии и в других западных странах. На начальную позицию в предложении автор ставит слабую часть ремы **Sowohl in Deutschland als auch in den meisten westlichen Ländern**, при этом тема стоит на третьем месте в предложении после изменяемой части сказуемого. Ядро ремы приходится на конец предложения (**deutlich gestiegen**). Подобное замещение начальной позиции предложения частью ремы связано прежде всего с желанием автора вынести на первое место важную часть информации о предпосылках для проведенного исследования, заинтересовать читателя, а также сохранить фокус высказывания на значении глагола и прилагательного в конце предложения – значительном росте трудоустройства.

Еще один пример тактического хода *указание на предпосылки для проведения исследования* показывает дискурсивные возможности «перевернутой» синтаксической структуры:

Auch wenn es die homogene Klasse nie gegeben hat und Heterogenität immer Alltag in allen Schulen war und ist, rufen die neuen Herausforderungen nach adäquaten Ideen. **Ein Patentrezept gibt es nicht**, da sehr unterschiedliche Bedürfnisse immer wieder individuelle Konzepte erforderlich machen (*Inquiries in language learning. Forschungen zu Psycholinguistik und Fremdsprachendidaktik*, 2019).

Не возникает сомнения в том, что трансформация в предложение с привычным порядком слов (**Es gibt kein Patentrezept**) полностью разрушит смысловое наполнение тактического хода. Предтекст (...*rufen die neuen Herausforderungen nach adäquaten Ideen*) позволяет вынести на первое место в предложении рему, оформив ее интонационно. Как отмечает Ю. М. Казанцева, это тот самый уникальный случай, когда сцепление информации в тексте происходит не через тему, а через рему. «При этом дискурсивная предопределенность придает реме своего рода “тематический” оттенок» [Казанцева, 2015, с. 50].

«Перевернутую» синтаксическую структуру имеет следующий пример тактического хода *указание на основной предмет исследования*:

Ein weiterer relevanter Aspekt beider didaktischer Ansätze ist **die Diagnose** der sprachlichen Heterogenität in der Lerngruppe... (*Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht*, 2022).

То, что привычным образом по факту употребления артикля могло бы восприниматься как тема (*die Diagnose*), оказывается в фокусе высказывания. Как известно, значимое в немецком предложении тяготеет к концу. Проба перестановки частей предложения (*Die Diagnose der sprachlichen Heterogenität in der Lerngruppe ist ein weiterer relevanter Aspekt beider didaktischer Ansätze*) искажает смысл высказывания. Элемент предложения (*die Diagnose*), несомненно, является информацией первого плана. Именная часть составного именного сказуемого, слабая часть ремы (*ein weiterer relevanter Aspekt*) выносится в предложении на первое место. Коммуникативное намерение автора (указать на основную цель своего исследования, показать наиболее важное) заставляет его «перевернуть» структуру предложения, что тем не менее не связано с эмоциональным усилением значения высказывания. Тон остается нейтральным.

Другой случай замещения начальной позиции в предложении демонстрирует *композиционно-ориентирующий ход*:

In einem ersten Schritt werden Ansätze der Vertrauensforschung in der Sozialen Arbeit und sowie **zweitens** Desiderate über Vertrauen in der Heimerziehung vorgestellt. **In einem nächsten Schritt** werden sexuelle Gewalt im Kontext von professioneller Beziehungsgestaltung sowie Diskurse über pädagogische Beziehungsarbeit differenziert. Und **schließlich** werden Überlegungen angestellt, wie die pädagogische Kategorie des Vertrauens genutzt werden könnte... (*Zeitschrift für Pädagogik*. 2012, № 6).

Активным элементом композиционно-ориентирующего тактического хода являются лексические средства, обозначающие отдельные структурные элементы статей, назовем их в данном случае коннекторами (*zunächst, dann, schließlich, in einem ersten Schritt, in einem nächsten Schritt* и т. д.) и глаголы, описывающие научно-исследовательскую деятельность (*einführen, formulieren, skizzieren, vorstellen, differenzieren* и др.).

Используемые глаголы деятельностного научно-познавательного характера имплицитно называют агенса и указывают на автора, который предпочитает отойти на второй план, выдвинув на первый план свои действия: *vorstellen, differenzieren, Überlegungen anstellen* и т. д. Они и попадают в фокус высказывания. Замещение начальной позиции в предложении коннекторами, указывающими на последовательность действий, выстраивает тема-рематические отношения, помогая расставлять акценты на самом действии автора (рема), а не на структурном элементе написанной им статьи (тема).

Подобные варианты порядка слов наблюдаются и в других тактических ходах, реализованных с использованием пассивных структур:

– в тактическом ходе *постановка задач*:

Im Folgenden soll **gezeigt werden**, dass eine organisationssoziologisch informierte Analyse der Prozesse von Managemententwicklung... vertiefte Einblicke und differenziertere Aussagen zu Transnationalisierungsprozessen im Management erlaubt (*Zeitschrift für Soziologie*, 2009, Heft 6);

– в тактическом ходе основной части научной статьи *акцентирование внимания*:

Abschließend soll darauf **hingewiesen werden**, dass diese Art Analyse sich für eine Vielzahl von faktiven Verben wiederholen lässt (*Onea*, 2015);

– в тактическом ходе части заключения *ретроспективный взгляд на тему и задачи исследования*:

Im vorliegenden Artikel wird erörtert, inwiefern im Englischunterricht mit Ansätzen einer fremdsprachenübergreifenden Vokabelarbeit Sprachbewusstheit gefördert werden kann (*Forum Sprache*, 2009).

Подобная «стандартная» расстановка темы и ремы в пассивных предложениях подчеркивает коммуникативное намерение автора выдвинуть на передний план процесс научной деятельности и его результат.

Тактический ход *апелляция к чувствам читателя*, являющийся сквозным тактическим ходом, характерным для научной статьи на разных этапах развертывания ее композиционной структуры, направлен на привлечение читателя в качестве «союзника» авторских идей и взглядов. Данный тактический ход имеет, как правило, выраженную экспрессию, поскольку обращен к чувству долга, ответственности и т. п., которые автор пытается вызвать у читателя. Как известно, к экспрессивным средствам научного текста могут относиться не только лексические, но и синтаксические конструкции [Скрипак, 2008]. Рассмотрим следующий пример:

Uns kann **nicht gleichgültig** sein, ob, in welchem Masse und in welcher Weise die anderen Mitglieder unserer Gesellschaft gebildet sind (*Zeitschrift für Pädagogik*. 2011. 3(57).

Автор статьи начинает свои рассуждения на тему образования как общественного блага с обращения к общим ценностям, вызывая у читателя чувства «солидаризации» по этому вопросу. Экспрессию помимо используемой в этом фрагменте оппозиции местоимений *uns, unser – andere* создает «непривычный» порядок слов. Замещение

начальной позиции в главном предложении местоимением в дательном падеже выделяет такие элементы предложения, как *nicht gleichgültig* и придаточное дополнительное, т. е. то, что является для автора наиболее значимым. «Измененный» порядок слов придает предложению категоричный и экспрессивный характер, что имеет свойство оказывать на читателя сильное воздействие, особенно в начале научной статьи.

Рассмотрим еще один фрагмент из наиболее характерных тактических ходов аргументативной стратегии научной статьи – *ссылка на авторитетный источник*:

Engel (**тема 1**) stellt das Textkapitel an den Anfang (**рема 1**) seiner Grammatik; d.h., er ordnet die Gegenstände vom Größeren zum Kleineren an, geht von der Einheit aus, in der uns Sprache zunächst begegnet, und zerlegt diese dann in die jeweils kleineren Einheiten...

Götze / Hess-Lüttichs Grammatik (**тема 2**) zeichnet sich dadurch aus, dass sie die Sprache in Sprachsystem und Sprachgebrauch beschreibt (**рема 2**). Durch die erweiterte Grammatikauffassung erklären die Autoren die Hinwendung zum Text ...

Die Duden-Grammatik (**тема 3**) widmet dem Text einen zwanzigseitigen Ausblick (**рема 3**)... (*Linguistik online*, 2010, 41(1)).

В основу фрагмента заложена не линейная коммуникативная прогрессия текста, где каждая рема конечной позиции предложения

преобразуется в тему начальной позиции последующего предложения, а типичное для аргументативного текста построение цепочки аргументов «тезис – аргумент 1, аргумент 2, аргумент 3».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты исследования показывают, что анализ реализации тактических ходов аргументативной стратегии в немецкоязычной научной статье необходимо проводить с учетом разных языковых уровней, в том числе синтаксического. На уровне тактических ходов были проанализированы случаи замещения начальной позиции немецкого предложения в активных и пассивных структурах, а также «стандартное» расположение и перестановка темы и ремы при коммуникативном членении предложений. Анализ тактических ходов показал, что порядок слов проявляет себя как одно из активных средств реализации дискурсивной стратегии на синтаксическом уровне. Порядок слов явно выходит за рамки текстообразующей функции, поскольку связывает научный текст не только в содержательном плане. В тесном взаимодействии с локальными интенциями тактических ходов и общим аргументативным замыслом автора научной статьи, поставленными им целями и задачами, коммуникативными условиями и возможностями интерпретации текста читателем порядок слов обеспечивает связность научного дискурса, обнаруживая в себе аргументативный потенциал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казанцева Ю. М. Дискурсивная обусловленность словопорядка в современном немецком языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 20 (731). С. 43–52.
2. Kornerding K. P. Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin // Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Bd. 53. (Hrsg.) E. Felder. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. S. 155.
3. Казанцева Ю. М. Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития: тезисы докладов Международной конференции, посв. памяти проф. О. И. Москальской, 24–25 мая 2004 г. М.: МГЛУ, 2004. С. 19–20.
4. Трубочнинова А. А. Эмотивность и оценочность в немецком газетном спортивном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
5. Van Dijk T. A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press, 2008.
6. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: сборник статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
7. Admoni W. Der deutsche Sprachbau. М.: Proscheschenie, 1986.
8. Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2004.
9. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения. Л.: Наука, 1973.
10. Москальская О. И. Грамматика текста: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1981.
11. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высшая школа, 1974.
12. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974.
13. Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте (лингвистический и прагматический аспекты). М.: ИНИОН РАН, 1996.

14. Казанцева Ю. М. Дискурсивные стратегии как лингводидактическая проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2002. Вып. 465. С. 75–87.
15. Скрипак И. А. Синтаксические средства экспрессивности в текстах научного дискурса // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 252–256.

REFERENCES

1. Kazanceva, Yu. M. (2015). Discursive conditionality of word order in modern German. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20(731), 43–52. (In Russ.)
2. Kornerding, K. P. (2009). Diskurslinguistik – eine neue linguistische Teildisziplin. Sprache. Heidelberger Jahrbücher. Bd. 53. Berlin ; Heidelberg: Springer-Verlag.
3. Kazantseva, Ju. M. (2004). Vozmozhna li grammatika diskursa? = Is There Such a Thing as Discourse Grammar? Germanistika: sostoyanie i perspektivy razvitiya: tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora O. I. Moskal'skoj. 19–20. (In Russ.)
4. Trubcheninova, A. A. (2006). Emotivnost' i ocenochnost' v nemeckom gazetnom sportivnom diskurse = Emotivity and Appraisal in German Newspaper Sports Discourse: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Matezius, V. (1967). O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya = On the so-called actual division of a sentence (pp. 239–245). Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Admoni, W. (1986). Der deutsche Sprachbau. Moskau: Prosveschenie.
7. Van Dijk, T. A. (2008). Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press.
8. Abramov, B. A. (2004). Teoreticheskaya grammatika nemeckogo yazyka. Sopostavitel'naya tipologiya nemeckogo i russkogo yazykov = Theoretical grammar of German language. Comparative typology of German and Russian languages: manual for students of higher education institutes. Moscow: VLADOS. (In Russ.)
9. Admoni, W. G. (1973). Sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka: sistema otnoshenij i sistema postroeniya = Syntax of the modern German language: a system of relations and a system of construction. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
10. Moskal'skaya, O. I. (1981). Grammatika teksta = Grammar of the text. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
11. Moskal'skaya, O. I. (1974). Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa = Problems of System Syntax Description. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
12. Gal'perin, I. R. (1974). Informativnost' edinic yazyka = Informativeness of language units. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
13. Luzina, L. G. (1996). Raspredelenie informacii v tekste (lingvisticheskij i pragmalingvisticheskij aspekty) = Distribution of information in the text (linguistic and pragmalinguistic aspects). Moscow. (In Russ.)
14. Kazanceva, Y. M. (2002). Diskursivnye strategii kak lingvodidakticheskaya problema = Discursive strategies as a linguodidactic problem. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 465, 75–87. (In Russ.)
15. Skripak, I. A. (2008). Sintaksicheskie sredstva ekspressivnosti v tekstah nauchnogo diskursa = Syntactic means of expressiveness in texts of scientific discourse. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 60, 252–256. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Елена Викторовна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореца
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Elena Viktorovna

Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.11.2022
28.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 81-132

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_96

Функционирование и структура звуковых повторов в текстах художественного стиля

В. Ю. Светличная

Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, Донецк, ДНР, Россия
vy.svet@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается использование звукового повтора в текстах художественного стиля. Выделены основные модели данного вида дублирования, изучены его функции в дискурсе художественного произведения. Методологически исследование опирается на комплексный подход, включающий метод лингвистического наблюдения и описания, фактическим материалом для которого послужили тексты художественного стиля современного русского литературного языка, содержащие факты звукового повтора.

Ключевые слова: звуковой повтор, функция, прагматический потенциал, художественный стиль, структура

Для цитирования: Светличная В. Ю. Функционирование и структура звуковых повторов в текстах художественного стиля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 96–103. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_96

Original article

Functioning and Structure of Sound Repetitions in Artistic Style Texts

Vlada Yu. Svetlichnaya

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of the Donetsk People's Republic, Donetsk, DPR, Russia
vy.svet@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of sound repetition in artistic style texts. The main models of this type of duplication are highlighted, the multidimensional functions performed by it in the discourse of a work of art are considered. Methodologically, the study is based on a comprehensive approach, including the method of linguistic observation and description, the actual material for which was the texts of the artistic style of the modern Russian literary language, containing the facts of sound repetition.

Keywords: sound repetition, function, pragmatic potential, artistic style, structure

For citation: Svetlichnaya, V. Yu. (2023). Functioning and structure of sound repetitions in artistic style texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 96–103. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_96

ВВЕДЕНИЕ

Повтор является не только весьма продуктивным способом организации словесного материала, но и ярким художественным средством, представленным в произведениях всех эпох, жанров и видов литературного творчества. Внимание лингвистов и литературоведов феномен повтора начинает привлекать с 50-х годов XX века, хотя обращение к изучению этого явления прослеживается еще в трудах М. В. Ломоносова (1748), Ф. И. Буслаева (1856, 1861), А. А. Потебни (1862, 1864), Ф. Ф. Фортунатова (1885), О. М. Брика (1919, 1927), А. А. Шахматова (1925–1927), Р. О. Якобсона (1919, 1928), И. Р. Гальперина (1940, 1962). Библиография работ, посвященных исследованию повтора, в настоящее время достаточно обширна и продолжает расти, что объясняется широкой распространенностью, многоаспектностью, полифункциональностью и типичностью для большинства языков мира данного феномена. Лингвисты и литературоведы стремятся разобраться в сути повтора, дать ему четкое определение, выделить общие характеристики и функции, разработать единую классификацию.

Согласно соотносительности повторов с уровнями языка, такие ученые, как О. С. Ахманова (1966), А. П. Евгеньева (1981), З. А. Пахолок (1987), Ю. В. Васильева (2004), З. П. Куликова (2007) и другие выделяют звуковой (фонетический), словообразовательный, морфологический (морфемный, грамматический), лексический (словесный), синтаксический повтор. Особый интерес в данном ракурсе, на наш взгляд, заслуживает изучение наименьшей единицы повторяемости в речи – звука. Наиболее продуктивными в этом направлении являются труды, посвященные определению типов и функций звуковых повторов В. П. Москвина (2006), исследованию данного феномена как способа паронимической аттракции в современном массмедийном дискурсе С. В. Мощевой (2013), роли звукового повтора в формировании подтекстовых смыслов прозаического текста Е. И. Лелис (2007), а также изучению фоносемантики газетного заголовка Г. С. Рогожиной (2014), фонетических приемов языковой игры К. С. Баранова (2016). Исследования показали, что характер и функции звуковых повторов многообразны и связаны с принадлежностью к определенному стилю, прагматическим потенциалом, экстралингвистическими факторами.

Считаем целесообразным выделение структурных моделей и определение прагматического функционирования звукового повтора в текстах художественного стиля, так как последний продолжает играть важную роль в развитии русского литературного языка, в наибольшей степени

формируя эстетические каноны языка и демонстрируя отношение к нему как важнейшему культурному достоянию нации и индикатору уровня речевой культуры индивида.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЗВУКОВОГО ПОВТОРА И ЕГО ТИПОВ

Начало исследования звукового повтора в отечественной лингвистике связывают с появлением первых трудов О. М. Брика, который видел сущность данного явления в однократном или многократном повторении некоторых групп согласных звуков «в той же или измененной последовательности, с различным составом сопутствующих гласных» [Брик, 1919, с. 58]. В современных лингвистических трудах в понятие звукового повтора включается дублирование или сочетание как согласных, так и гласных звуков. В данном исследовании под звуковым повтором понимаем преднамеренное (мотивированное), непреднамеренное (немотивированное) или вынужденное дублирование одинаковых или сходных звуков и звуко сочетаний в условиях заметной тесноты ряда, т. е. полный или фрагментарный повтор формы при отсутствии семантической идентичности компонентов. Отметим, что важным условием объективного изучения звуковых повторов является анализ транскрипции, а не графического изображения, исходя из того, что «звучащая речь является основной формой существования языка. Даже когда мы, читая, не произносим текста вслух, каждое слово воспринимается в его звуковой оболочке» [Голуб, 2010, с. 153]. К звуковым повторам, определенным таким образом, относим:

- дублирование одинаковых (или сходных) звуков и их сочетаний, включая рифму и ее разновидности (омонимическая рифма, панторифма, каламбурная рифма, авторифма и т. п.: *У Сени и Сани сом с усами*), а также сочетания со вторым рифмованным компонентом, тяготеющим к функциям приложения, типа *мальчиши-малыши, раки-забияки*;
- слова, изображающие звуки живой и неживой природы, неречевые звуки, издаваемые человеком, образованные посредством редупликации (*тук-тук, ку-ку, кхе-кхе*);
- омонимический повтор (при сочетании равнозначных, но разнозначных компонентов: *не переживай ты так, переживешь*);
- повтор многозначного слова в различных значениях (так как дублируется только форма слова (звуковая оболочка) при неравном семантическом наполнении): *я в состоянии сделать состояние*;

– повтор фонетически сходных, но разных по значению слов (*Я **отстала**, я **осталась** у высокого моста*);

– повтор разнокорневых паронимов (*кремень – кремний, экскаватор – эскалатор*).

СТРУКТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЗВУКОВОГО ПОВТОРА

Определение сути звукового повтора и способов его проявления позволяет выделить типы данного феномена, зафиксированные в текстах различных функциональных разновидностей речи.

По количеству повторяющихся звуков выделяем:

1) монофонические, или одиночные (повторы отдельных звуков);

2) полифонические, или комплексные (повторы звуковых сочетаний), в свою очередь, делятся по степени точности на:

а) омонимичные повторы слова или словосочетания;

б) эквифонические (полные повторы части слова);

в) метафонические (повторы, допускающие варьирование):

– повторы основных звуков в прямой последовательности с добавлением или выпадением звуков;

– повторы основных звуков в прямой последовательности, различающиеся одним звуком (прямые с заменой);

– смешанные повторы (по степени точности и последовательности повторения элементов).

В зависимости от плотности расположения элементов, содержащих звуковое дублирование, выделяем контактные и дистантные звуковые повторы.

На основе анализа фактического материала в текстах художественного стиля были зафиксированы структурные модели звукового повтора:

1) монофонические повторы: «Эгоизм, жизнь, или бульдозерист – муж **Зи**ны» (название рассказа Э. Асадова);

2) полифонические повторы при контактном расположении:

а) омонимичные повторы: *Ах ты, поле, моя воля, / Ах, **доро́га доро́га!*** (С. Городецкий. *Весна (Монастырская)*);

б) эквифонические повторы: *Наша **вера вер**-нее расчета / Нас вывозит «Аво**сь**»* (А. Вознесенский. Песня моряков); к данной структурной модели мы относим также комбинации, при которых между двумя словами, содержащими звуковой повтор,

расположены служебные части речи или некоторые местоимения, так как подобные элементы в речевом потоке слабоударяемы и не воспринимаются как отдельные самостоятельные составляющие высказывания;

в) метафонические повторы:

– прямые с выпадением или добавлением звуков: *лиса **Али**са* (А. Н. Толстой. *Золотой ключик, или Приключения Буратино*);

– прямые, различающиеся одним звуком: *В **поле пу**ли тучами, по отрядам снаряды тысячами* (А. Гайдар. *Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове*);

– смешанные: *Тебе в веках уготована корона, / а в короне слова мои / **радугой судорог*** (В. Маяковский. *Флейта-позвоночник*).

3) полифоническое дублирование при дистантном расположении повторяющихся сочетаний:

а) омонимичные повторы: *Со мною нет его, / но он теперь **кругом**, / и голова идет / от сновидений **кру́гом*** (Е. Евтушенко. *Мне снится старый друг*);

б) эквифонические повторы: *Вы **краснеете**, это черта прекрасного сердца* (Ф. Достоевский. *Идиот*);

4) метафонические повторы:

– прямые с выпадением или добавлением звуков: ***Бараны, бараны** / Стучат **в барабаны!*** (К. Чуковский. *Тараканище*);

– прямые, различающиеся одним звуком: *На радостях мы решили попить **кофе** в ближайшем **кафе*** (А. Бессонов. *Целевая аудитория*).

Специфика языка художественной литературы, его стилистическая «открытость» формам разговорной речи, полнота в отношении используемых в нем речевых средств, разноплановость жанров и своеобразие каждого из родов литературы объясняют наличие всех видов и большинства моделей звукового повтора.

ЗВУКОВОЙ ПОВТОР В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ

Особенности функционирования звукового повтора в литературно-художественных текстах также продиктованы своеобразием художественного стиля на фоне других.

Говоря о нормативности употребления дублирующей избыточности формального типа в текстах художественного стиля, обратим внимание на то, что немотивированное использование звуковых повторов в процессе анализа фактического материала нами обнаружено не было. Случаи же ненормативного внедрения в текст звукового дублирования обусловлены определенными целями,

например, созданием образа автора или персонажа: *Сет нобль всё хлопал на меня красными веками столь жалостно, и весь вид его являл такое очевидное обещание век за меня бога молить, что я не выдержал* (А. и Б. Стругацкие. Сказка о тройке-1);

Слышь,мышь, если хочешь быть счастливой – будь ею! Мы-то тут при чём? (А. Бессонов. Ипотека счастья). Намеренно используются многократные повторы одинаковых трудновывариваемых звуков и сочетаний в целях формирования хорошей дикции у говорящего в скороговорках и чистоговорках: *Приготовила Лариса для Бориса суп из риса. А Борис Ларису угостил ирисом* (Р. Мандрик); *Принесла дрова дрофа. Для чего дрофе дрова? Ведь в степи, где много дроф, можно выжить и без дров* (М. Тахистова). Внедрение артикуляционного неблагозвучия в текст в данных жанрах способствует выполнению коррекционно-дидактической функции звукового повтора. В текстах художественных произведений нами также были обнаружены и немотивированные звуковые повторы, типа: *Все всё понимали, но ничего сделать не могли* (А. Бессонов. Город цветов). Подобные идиоматические сочетания обыденного языка хоть и не имеют прагматического потенциала, но и, принятые узусом, не выходят за пределы нормативного использования языковых единиц в речи.

Умышленный плотный повтор одинаковых и схожих звуков используется авторами как поэтических, так и прозаических литературных произведений для создания у реципиента конкретных слуховых эффектов, вызывающих определенные ассоциации, впечатления, погружая тем самым в необходимую атмосферу. Например, текст, насыщенный звуками *р, г, з*, передает характер звучания битвы, обнажает звуковое сходство данного отрывка с грохотом, шумом, звоном орудий: *Гудят за лугами взрывы и горят за горами зори от зарева дымных пожаров* (А. Гайдар. Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове). Умело подобранные группы сменяющихся звуков могут передать и чередование картин: *Это дальние грозы гремят за чёрными горами. Это пастухи дымят кострами за Синей рекой, стада пасут да ужин варят (там же)*. Звукоизобразительный потенциал речевой избыточности формального типа используется авторами художественных произведений и в процессе моделирования звуков живой и неживой природы (*Прыг да прыг / Да чик-чирик, / Чики-рики-чик-чирик!* (К. Чуковский. Тараканище); *Вы ж видите: все купаются, / А я буль-буль-буль... тону!..* (Э. Асадов. Купальщик в веселом шуме, соседа спросил), неречевых звуков, издаваемых человеком: (*попытался всё обратить в шутку: Ха-ха-ха-ха... Но*

бюджет-то у нас ведь один! (Э. Асадов. Переполюх в литературном семействе).

Звуковой повтор в художественном тексте способствует созданию не только слуховых впечатлений, но и отклику из области чувств, представлений и переживаний. Установление связи между звуковой оболочкой и смыслом текста может быть достаточно условным, а отношение к такой зависимости расценивается исследователями неоднозначно, однако не стоит приуменьшать важности подбора звуковой формы сообщения с целью создания у реципиента определенных образов, ощущений. Согласно мнению М. В. Ломоносова, изложенному в «Кратком руководстве по красноречию», «плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий» [Ломоносов, 1952, т. 7, с. 241]. В стихотворении Беллы Ахмадулиной «Лапландских летних льдов недальняя граница», на наш взгляд, именно частотное употребление звуков *в* и *л* провоцирует ощущение неторопливости пространства, умиротворения и гармонии: *Лапландских летних льдов недальняя граница. / Хлад Ладого, глубок, и плавлен ход ладьи. / Ладони ландыш дан и в ладанке хранится. / И ладен строй души, отверстой для любви или Валунный водолей, над Ладогой летящий, / благослови его, владыко Валаам* (Б. Ахмадулина. Лапландских летних льдов...). Многократный повтор сочетаний *ла* и *лад* в составе разнокорневых лексем (*хлад Ладого, ладанка, ладен, Владыко, ладонь, оклад, сладкий сон благой*) данного произведения создает ассоциативный ряд, отсылающий к русской древности, помогает передать «особенное душевное состояние, которое героиня достигает благодаря воздействию места» [Яшина, 2019, с. 98].

В указанном произведении согласованность звуковой оболочки текста и смысловых посылов способна не только вызвать определенные чувства, переживания, ассоциации, выполняя тем самым эмоционально-экспрессивную функцию, но и создать, выделить необходимый образ места, ощущение гармонии и особенного душевного состояния, в котором пребывает героиня. Это еще одна функция звукового повтора – лейтмотивная. Функция выделения нужных смыслов также осуществляется авторами художественных произведений путем обнажения скрытых значений (смыслов) в результате столкновения многозначных слов или омонимов (*Вытри слезы и выбрось платок. Не переживай. Это переживают* (А. Скребёлкин. Не переживай); *Снова бежишь по кругу, / Снова чего-то ждешь / Как ты проводишь время, / Но время не проведешь* (В. Сюткин. Время не проведешь). Объединяя одинаковым созвучием два разных слова, автор произведения сопоставляет их

в смысловом отношении друг с другом, выделяя эти слова на фоне остальных. Обращение к повтору омонимичных сочетаний в произведении не обязательно выделяет смысл, это может быть реализацией индивидуально-языкотворческой функции (*С неба лей / С неба-неба-неба-неба лей, дождь / Пока меня ты ждешь – не болей / Небо-небо-небо – не болей* (В. Вакуленко. Не болей).

Обыгрывание созвучных, но различных по значению слов может вызвать и комический эффект: *Это антиутопия. – Типа «Герасима»? Тоже топят?* (А. Бессонов. Все – в одной). С целью создания комизма, шутливого настроения или иронического отношения используется также рифма в прозаическом произведении, например: *Все владельцы цветочных магазинов, чтобы в тысячный раз не объяснять причины отсутствия любого товара, даже самых затрепанных гвоздичек, закрыли свои избушки на клюшки* (А. Бессонов. Город цветов).

В текстах художественных произведений нередко применяется звуковая инструментовка с целью характеристики или оценки персонажа. Для этого автор включает в текст звуковой повтор в виде парных сочетаний со вторым рифмованным компонентом, тяготеющим к функциям приложения, например: *сычи-трубащи* (К. Чуковский), *Аришка-трусишка* (В. Бианки), *Мальчиш-Плохиш, трусищи-буржуищи* (А. Гайдар), *Иван-болван (чистоговорка)* и т. д. На наш взгляд, именование персонажей с помощью подобных сочетаний способствует выполнению и мнемонической функции звукового повтора.

Звуковое дублирование часто выполняет аттрактивную функцию (привлечения внимания), выступая одним из средств языковой игры. Подобный прием используется в названиях кинематографических работ – короткометражный фильм Л. Гайдая «*Пёс Барбос и необычный кросс*», литературных произведений М. Веллер – книга «Огонь и агония».

«Очевидная тяга к англицизмам в современной русскоязычной речи, связанная с давлением глобального английского языка, растущим космополитизмом и интернационализацией общения» [Ривлина, 2011, с. 61] использована в названии «*Кофе для proffi: Зерно. Технологии. Оборудование. Рецепты от бариста*» (Составители: Т. Полякова, Д. Денисов, С. Цыро). Создание звукового повтора путем столкновения иностранного слова, написанного латиницей, с созвучным русским окружением как один из приемов языковой игры выполняет, наряду с аттрактивной, гедонистическую функцию, которая заключается в том, что «оба участника получают эстетическое удовольствие от игры:

отправитель сообщения – от своего остроумия и мастерства, получатель – от способности отгадать неразрешимую, на первый взгляд, лингвистическую загадку, оценить новизну и оригинальность словоупотребления» [Куранова, 2010, с. 273]. Не «работающий» на семантику, гедонистический и развлекательный потенциал звукового повтора используется авторами художественных произведений как в прозе (*Джим знал – через час или два мужчина проснётся, отряхнётся и они спокойно пойдут домой* (А. Бессонов. Человек и собака), так и в поэзии (– *Вам не сдаётся, что лето сдаётся? / Солнце уходит, а дождь остаётся. / – Нет, не сдаётся, покуда сдаётся / комнатка эта с ладошкой окна* (В. Строчков. Вам не сдаётся...).

В художественной прозе использование речевой избыточности дублирующего типа является хорошо осознанным и вполне преднамеренным. Так, звуковое дублирование, наряду с повторением начальных сочинительных или подчинительных союзов, других форм анафоры и подхватывания слов, грамматико-синтаксическим параллелизмом соотносительных конструкций, тенденцией к «выравниванию» числа слов, слогов или ударений и к отбору окончаний определенного типа, создают основу для восприятия художественной прозы как ритмической» [Лазутин, 1981, с. 171]. Данные приемы, отмеченные В. М. Жирмундским, обеспечивают основу для создания ритмичности и в сказочной речи. Ритмообразующую роль в сказке играет рифма. Внедренные в текст сказки, ритмизованно-рифмованные элементы повышают поэтичность художественного произведения (*Иванушка-стрелец, добрый молодец, возьми меня в сумку* (А. Королькова. Птица-Горлица)), способствуют характеристике персонажей (*Старичок – сам с ноготок, борода по локоток* (А. Королькова. Старичок – сам с ноготок, борода по локоток)), придают определенную эмоциональную окраску речи сказочника-повествователя (*Глаза ясные, лицом прекрасные, телом гибкие, руками ловкие* (Д. Нагишкин. Храбрый Азмун)) или героя произведения (*Или нам, мальчишам, только в палки играть да в скакалки скакать?* (А. Гайдар. Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове)). Уже рифмованное название сказки характеризует ее как художественное повествование («Коза-дереза», «Крошечка-Хаврошечка», «Птица-Горлица»). Стилистическим украшением сказки являются различные ритмизованно-рифмованные устойчивые выражения типа *в некотором царстве, в некотором государстве*. Наблюдения С. Г. Лазутина показывают, что «зачины представляют собой наиболее ритмизованную часть сказок» [Лазутин, 1981, с. 177].

Использование рифмы в начале сказки усиливает эту ритмичность, подчеркивая динамику повествования и настраивая слушателя на восприятие художественного повествования (*Любую выполнял он **работу**, а больше всего ходил на **охоту** или Ходил-**ходил**, да ничего **не убил*** (А. Королькова. Птица-Горлица). Рифмованные окончания встречаются реже (*На том и сказке **конец**. Егорка – **молодец**, да и кучер **неплох**, коли барина **запрёг*** (А. Королькова. Никонец – с того света выходит)). Как видим, выполняя важные художественные функции, ритмизованно-рифмованные элементы характерны для многих сказок и в известном смысле подчеркивают их жанровую специфику.

Встречаясь в текстах художественной прозы в качестве приема, в поэтическом произведении такая разновидность звукового повтора, как рифма, является структурной основой, одним из главных фонетических средств языка поэзии, что объясняет повышенную частотность употребления дублирующей речевой избыточности формального типа в стихотворных текстах художественного стиля. Как основную функцию рифмы В. М. Жирмунский выделяет организующую, утверждая, что рифма есть «всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» [Жирмунский, 1923, с. 9]. По мнению В. В. Маяковского, «рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе» [Маяковский, 1959, с. 105], т. е. выполняет композиционную функцию, способствуя в том числе более грубокому и целостному восприятию внутренних смысловых связей и общей художественной концепции стихотворного произведения. Помимо композиционной и ритмической функций выделяют также смысловую (смысловыделительную) и эстетическую функции рифмы: «В поэтической речи рифма играет важнейшую роль как композиционно-звуковой повтор, как средство создания красоты звучания стиха и выделения важных в художественном отношении слов» [Голуб, 2010, с. 155]. Ритмически функционирующий звуковой повтор представлен в каждом поэтическом произведении (*Я одна тебя любить умею, / да на это права не имею, / будто на любовь бывает право, / будто может правдой / стать неправда* (В. Тушнова. Я одна тебя любить умею)). Вопрос проявления эстетической составляющей в поэзии является субъективным, однако большинство звуковых повторов в виде рифмы, проанализированных в ходе исследования стихотворных произведений, на наш взгляд, способствует созданию мелодичности речи, выполняя при этом и эстетическую

функцию (*Холод ночи; смёрзлись лужи; / Белый снег запорошил. / Но в дыханьи злобной стужи / Чую волю вешних сил* (В. Брюсов. Холод ночи). Также нами были зафиксированы случаи использования рифмы с целью поддержания смысловых связей и презентации общего посыла произведения, например: *Лишние люди, с которыми надо **общаться** / вам достается мое молодое беззлобие. / Я норовлю в канву ваших жизней **вписать-ся**, / и **причесаться** под ваши условия* (А. Ревякина. Лишние люди).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, звуковой повтор имеет свои особенности использования в текстах литературно-художественных произведений, а также набор выполняемых прагматических функций (оригинальных либо присущих и другим функциональным разновидностям речи). Определение условий употребления, структуры и прагматического потенциала изучаемого феномена возможно при условии анализа каждой конкретной манифестации формального дублирования. Прделанная работа позволяет констатировать, что звуковые повторы в текстах художественного стиля представлены десятью моделями, учитывающими количество повторяющихся звуков, порядок их сочетания и степень плотности расположения. Нормативность звуковых повторов определяется языковыми особенностями и основными задачами данной функциональной разновидности языка. Использование звукового повтора в текстах художественного стиля отличается высоким уровнем мотивированности, что обусловлено основными функциями его языка. На прагматическом уровне дублирующая речевая избыточность формального типа используется как дополнительный инструмент выражения различного рода эстетических и эмоционально-экспрессивных смыслов; как возможность привлечения внимания, запоминания важной информации, создания необходимых образов и ассоциаций, оценок; как способ создания ритмичности, гармонии, музыкального звучания речи.

Кроме того, авторы используют звуковой повтор в коррекционно-дидактических целях или как средство организации языковой игры, когда через осознанный и целенаправленный повтор формы, столкновение многозначных или омонимичных единиц, через создание новых лексем актуализируется комическая, развлекательная, гедонистическая языкотворческая функции [Куранова, 2010].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Брик О. М. Звуковые повторы. Анализ звуковой структуры стиха // Поэтика: сборники по теории поэтического языка. 1919. Вып. 1–2. С. 58–98.
2. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 11-е изд. М.: Айрис-пресс, 2010.
3. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 89–378. URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/252.htm>
4. Яшина К. И. «И ладен строй души, отверстой для любви»: образ Карелии в стихотворениях Беллы Ахмадулиной // Вестник гуманитарного образования. 2019. № 4 (16). С. 94–100.
5. Ривлина А. А. Об основных приемах современной англо-русской языковой игры // HomoLoquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 2011. Вып. 3. С. 86–96. СПб.: НИУ ВШЭ. URL: <http://publications.hse.ru/chapters/80291961>
6. Куранова Т. П. Функции языковой игры в медиаконтексте // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. С. 272–277.
7. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора: учебное пособие для филологических факультетов университетов. М.: Высшая школа, 1981.
8. Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Петербург: Academia, 1923.
9. Маяковский В. В. Как писать стихи? // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. М.: Художественная литература, 1959. URL: <https://traumlibrary.ru/book/mayakovsky-pss13-12/mayakovsky-pss13-12.html#s002026>

REFERENCES

1. Brik, O. M. (1919). Zvukovye povtory. Analiz zvukovoi struktury stikha = Sound repeats. Analysis of the sound structure of the verse. Poetika: Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka, 1–2, 58–98. (In Russ.)
2. Golub, I. B. (2010). Stilistika russkogoyazyka = Stylistics of the Russian language. Moscow: Airis-press. (In Russ.)
3. Lomonosov, M. V. (1952). Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu = A Quick Guide to Eloquence. Polnoe sobranie sochinenii. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. (pp. 89–378). Moscow ; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/252.htm> (In Russ.)
4. Yashina, K. I. (2019). «I laden stroi dushi, otverstoi dlya lyubvi»: obraz Karelii v stikhotvoreniyakh Belly Akhmadulinoi. Vestnik humanitarnogo obrazovaniya, 4(16), 94–100. (In Russ.)
5. Rivlina, A. A. (2011). Ob osnovnykh priemakh sovremennoi anglo-russkoi yazykovoi igry = About the main techniques of modern English-Russian language game. Homo Loquens: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov, 3. 86–96. St. Petersburg: NIU VShE. publications.hse.ru/chapters/80291961 (In Russ.)
6. Kuranova, T. P. (2010). Functions of the Language Game in the Media Context. Yaroslav Pedagogical Bulletin, 4, 272–277. (In Russ.)
7. Lazutin, S. G. (1981). Poetika russkogo fol'klora = Poetics of Russian folklore. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
8. Zhirmunskii, V. M. (1923). Rifma, ee istoriya i teoriya = Rhyme, its history and theory. Petersburg: Academia. (In Russ.)
9. Mayakovskii, V. V. (1959). Kak pisat' stikhi? = How to write poetry? Polnoe sobranie sochinenij (vol. 12): in 13 vols. Moscow: Khudozhestvennaja literature. traumlibrary.ru/book/mayakovsky-pss13-12/mayakovsky-pss13-12.html#s002026 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светличная Влада Юрьевна

старший преподаватель кафедры краеведения
Донецкой академии управления и государственной службы
при Главе Донецкой Народной Республики

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlichnaya Vlada Yuryevna

Senior Lecturer of the Department of Local History

Donetsk Academy of Management and Public Service under the Head of the Donetsk People's Republic

Статья поступила в редакцию	27.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_104

Прецедентный феномен как средство выражения оценки в публицистическом дискурсе (на материале современного немецкого фельетона)

Е. А. Северина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ratriniada@mail.ru*

Аннотация. В статье изучается специфика реализации категории оценки прецедентных феноменов в современном немецком публицистическом дискурсе. Рассматриваются способы цитирования прецедентных феноменов, а также различные источники их возникновения. Исследование позволяет выявить взаимосвязь прецедентных феноменов в публицистических текстах, выражение категории оценочности и оказываемое ими воздействие на восприятие текста реципиентом.

Ключевые слова: публицистический дискурс, фельетон, прецедентный феномен, оценочность

Для цитирования: Северина Е. А. Прецедентный феномен как средство выражения оценки в публицистическом дискурсе (на материале современного немецкого фельетона) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 104–109. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_104

Original article

Precedent Phenomenon as a Means of Expressing Evaluation in Journalistic Discourse (based on the material of Modern German Satirical Article)

Ekaterina A. Severina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ratriniada@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the implementation of evaluation of precedent phenomena in modern German publicistic discourse. The author conducts the ways of citing precedent phenomena, various sources of their origin. The study allows to identify the relationship of precedent phenomena in journalistic texts, the expression of the category of appraisal and the impact on the perception of the text by the recipient.

Keywords: journalistic discourse, satirical article, precedent phenomenon, evaluation

For citation: Severina, E. A. (2023). Precedent Phenomenon as a Means of Expressing Evaluation in Journalistic Discourse (based on the material of modern German-language satirical article). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 104–109. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_104

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой коммуникации – это сложное и динамично развивающееся явление, в рамках которого осуществляется информационная функция, реализующаяся через фиксацию, транслирование, сохранение и тиражирование материала. Существенная роль в современных СМИ уделяется передаче авторской точки зрения [Raue, Schneider, 2006; Burger, Lubinbühl, 2005]. Для формирования общественного мнения и отношения к событию в немецкой газетной публицистике используется определенный набор языковых средств: оценочная лексика, риторические приемы убеждения и др. В своей совокупности они фокусируют внимание общественности на негативной действительности.

Прагматическая направленность публицистических текстов реализуется через общедоступное изложение проблемы, привлечение внимания читателя к материалу и убеждение адресата в правильности авторской точки зрения. Выполняя вышеперечисленные задачи, публицист передает факты, разъясняет собственную позицию, убедительно ее обосновывая. Выступая в роли «лидера мнений», он демонстрирует собственную компетентность в затрагиваемой теме, вызывая доверие у аудитории, не только при помощи различных стратегий аргументации, но и через использование оценочного суждения. Так, немецкая публицистика соединяет в себе объективно-аналитические, эмоционально-экспрессивные и субъективно-личностные интенции, которые объединяются в результате творческой обработки публицистом актуальной информации.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ОЦЕНКИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Современные ученые отмечают тенденцию к расширению процессов развития оценочности в публицистических текстах [Бикмуханова, 2014]. Реализация оценки в немецкой публицистике обусловлена содержательной спецификой, степень оценки которой определяется социальным значением вопроса. При описании злободневных проблем немецкого лингвосоциума публицист придерживается определенных «правил и нормативов поведения, общения, межличностных взаимоотношений» и в то же время декларирует и способствует формированию «новых ценностей, норм, идеалов» [Муравская, 2014, с. 3]. Таким образом, авторская оценка способна оказывать существенное воздействие на общественное мнение по тем или иным вопросам.

Объектом оценки в публицистике могут быть: насущная проблема, прогнозирование развития актуального социального явления, общественная деятельность или чужое высказывание. Для публицистики характерна свободная форма построения, основанная на сложных ассоциативных связях и образных обобщениях. Для выстраивания подобного материала публицист продумывает замысел произведения и рассматривает различные варианты расположения разнородных содержательных элементов и образных единиц текста, опираясь на классические правила Аристотеля: *inventio, dispositio, elocutio*, что означает сбор материала, его расположение и выбор подходящего стиля речи [Аристотель, 2015].

Вышеперечисленные задачи реализуются в публицистических жанрах, например в фельетоне. Фельетон – это малая художественная форма, рассчитанная на широкую читательскую аудиторию, освещающая действительность с использованием средств сатиры, выражающей авторскую оценку. Изучив настроения в обществе и выявив темы, которые в данный момент могут вызвать наибольший социальный резонанс, адресант прорабатывает эффективный фельетон, лаконично описывает события, выражая одновременно собственную оценку происходящим явлениям: «prägnante Stellungnahme zu einem Ereignis» [Haß-Zumkehr, 2001, с. 39].

В современной немецкой публицистике фельетонист стремится сократить дистанцию и создать доверительные отношения с читателем. Для установления общего коммуникативного пространства с аудиторией и передачи субъективного авторского суждения публицист наряду с лексикой, содержащей оценочный компонент, выбирает средства, составляющие национально-культурный фонд конкретного лингвосоциума. «Таковыми средствами могут быть прецедентные единицы, которые образуют интертекстуальное пространство медиатекста» [Моисеенко, 2015, с. 22].

Оформление оценочной функции в публицистике при помощи прецедентных феноменов способствует формированию у читательской аудитории конкретной реакции на полученные сведения, которая может оказывать влияние на общественное мнение по социально значимым вопросам и находить выражение во взглядах широкого круга читателей. Прецедентные феномены способны актуализировать в сознании адресата знание об окружающей действительности и вызывать ассоциации, соотносящиеся с событием, фактом, ситуацией [Карпенко, Вегнер, 2019], порождая тем самым определенный эмоциональный фон.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Публицист стремится к выразительности и образности, но в то же время ему необходимо придерживаться принципов языковой экономии. Указанные цели достигаются с помощью прецедентных единиц. Прецедентный текст – это лингвокультурная реалия, национальный феномен, отсылка к которому добавляет публицистическому тексту дополнительные смысловые нагрузки.

Источниками прецедентных феноменов могут быть: Библия, устное народное творчество, публицистические, общественно-политические и научно-популярные тексты, кинофильмы, мультфильмы, телепередачи, тексты песен, анекдоты и т.д. На сегодняшний день существует несколько общепринятых классификаций прецедентных феноменов по различным критериям: «степень известности, вербальность / невербальность, соотнесенность с исходным текстом, характер источника и др.» [Тюрина, 2006, с. 82]. Е. А. Нахимова отмечает три группы, систематизируя по характеру источника и разделяя их по областям культуры и науки [Нахимова, 2007]:

- социальная субсфера (экономика, религия, спорт, политика и др.);
- субсфера искусств (литература, тексты песен, кино и др.);
- субсфера науки (история, география, химия и др.).

Ученые-лингвисты по-разному трактуют понятие прецедентного феномена. Так, Ю. Н. Караулов относит к прецедентным феноменам помимо цитат и общеизвестных текстов названия литературных произведений [Караулов, 2007]. Мы придерживаемся более широкого определения и понимаем под прецедентным феноменом «текстовое извлечение из источника – предшествующего текста, включенное во вновь создаваемый текст» [Лисоченко, 2007, с. 4]. Однако данная дефиниция оставляет открытым вопрос причисления фразеологизмов к прецедентным феноменам. Дискуссионный характер данной проблемы, позволяющий ученым Н. А. Кузьминой, Р. Л. Смулаковской, М. А. Алексеенко и др. рассматривать фразеологические единицы в контексте прецедентности, обусловлен воспроизводимостью фразеологизмов в тексте. Исследователи отмечают ряд схожих признаков у прецедентных феноменов и фразеологизмов: воспроизводимость в готовом виде; оценочность; метафоричность; эмоционально-экспрессивное воздействие на реципиента; отсылка к прототипу [Салынова, 2018]; образность [Скворцова, 2017]. Приведем пример немецкого

фельетона, в котором автор использует фразеологическую единицу для передачи собственной оценки:

Stuttgart ist der stressfreiste Ort unter 150 getesteten Städten auf der Welt. Hurra – endlich merkt es mal einer. Das ist Balsam auf die Seele des Stuttgarters. (Löhle. *Stuttgarter Zeitung*. 13. 09. 2017)¹. – В рейтинге из 150 городов всего мира Штутгарт занимает 1-е место как самое спокойное. Ура – наконец это кто-то замечает. Это бальзам на душу штутгарца².

В фельетоне, посвященном анализу рейтинга городов по спокойствию и благополучию качества жизни, журналист сообщает, что город Штутгарт обгоняет многие мировые города Sydney (Rang 8) oder Nizza (14) и выбивается в лидеры. Перечисляя критерии, по которым проводилась оценка уровня жизни в городах: Bevölkerungsdichte, Luftverschmutzung, Nahverkehr, Kaufkraft, Gesundheit (ср. рус. плотность населения, загрязнение воздуха, пригородный транспорт, покупательная способность, здоровье), фельетонист упоминает организатора рейтинга – «Zipjet» (служба химчистки и доставки в Берлине). Иронизируя над тем, что именно указанная компания проводит сравнение, и ставя под сомнение достоверность фактов и объективность сопоставительного анализа, автор подводит читателя к выводам о несерьезности всего исследования. Изучив все данные, адресат дает собственную оценку через применение «обновленного» [Левицкая, Фитерман, 1963] фразеологизма: *Das ist Balsam auf die Seele des Stuttgarters* (ср. рус. бальзам на душу штутгарца). Публицист оживляет стершуюся от многократного использования фразеологическую единицу и передает через нее определенный смысловой посыл: несомненно, регулярная диагностика качества жизни необходима, однако следует учитывать организатора, проводящего сопоставление, и непредвзятый характер сбора информации и анализа материала.

В предметно-специальной литературе выделяют прямое и трансформированное цитирование прецедентных феноменов. При *прямом цитировании* в публицистических текстах прецедентные феномены нередко предстают в неизменном (каноничном) виде, вызывая различные эмоции у читательской аудитории и удерживая ее внимание. Приведем фрагмент из фельетона, опубликованного в «Stuttgarter Zeitung»:

¹URL: <http://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.studie-eines-berliner-digital-start-ups-stuttgart-ist-die-stressfreiste-stadt-der-welt.8ecac1d9-67e9-4969-a648-39b8dadf67.html> (дата обращения: 12.11.2022)

²Зд. и далее перевод наш. – Е. С.

Richtig gelesen: Christstollen im September. Und Weihnachtskekse. Ja, spinnen denn die alle? Da hilft nur eines: verweigern. Ignorieren, dran vorbeigehen. <...> Reife Äpfel knacken richtig schön. Nüsse genauso. Die nächste Beschwerde kommt in vier Wochen. Wenn „Oh du fröhliche“ klingt (Wagner: *Stuttgarter Zeitung*. 26. 09. 2016)¹. – Вы правильно прочитали: рождественский пирог штоллен продается в сентябре. И рождественское печенье. Да что они все сумасшедшие? Помогает только одно: не замечать. Не обращайтесь внимания, проходите мимо. <...> Спелые яблоки очень хорошо хрустят, орехи тоже. Следующая жалоба будет через четыре недели. Когда зазвучит «Oh du fröhliche»².

Публицист описывает поспешные решения маркетологов в сфере продуктов питания в торговых центрах. Автор нашел неуместным продажу рождественских кексов и традиционного немецкого рождественского пирога штоллен в сентябре. Исконно сентябрь является месяцем сбора урожая, поэтому на прилавках обычно свежие яблоки и орехи. Далее фельетонист иронично подмечает, что следующим ударом будет повсеместно звучащее в сентябре традиционное немецкое рождественское песнопение «Oh du fröhliche». Оценочность реализуется путем применения лингвокультурных реалий, таких как *Christstollen* и прецедентного феномена *Oh du fröhliche*. Оперирование прецедентными феноменами сопровождается апелляцией к знаниям, которыми владеет адресат. В попытке повысить прибыль и обогнать конкурентов маркетологи преждевременно мотивируют потребительский интерес рождественскими товарами, вызывая негодование покупателей. «Сопутствующий прецедентному феномену ироничный эмоциональный фон» [Стародубова, 2019, с. 81] формирует в сознании читателя определенное отношение к описываемому явлению, оказывая воздействующую функцию на суждения представителей данного лингвосоциума.

При *трансформированном цитировании* публицист подвергает прецедентные единицы семантическим и формальным изменениям, побуждая адресата расшифровать авторский посыл. Однако цель подобного сообщения будет достигнута при возможности узнавания текста-источника. В современном информационном обществе текстом-источником нередко становятся рекламные слоганы. За счет своей широкой

распространенности они быстро закрепляются в памяти адресата. В публицистическом тексте автор обращается к ним, стремясь привлечь внимание массового реципиента к предоставляемому материалу неординарным образом.

Г. Г. Слышкин относит к прецедентным феноменам рекламные тексты и слоганы. Так, по его мнению, прецедентные феномены включают последовательность знаковых единиц, которая обладает ценностной значимостью для определенной социальной группы. Он расширяет понятие прецедентности за счет снятия критерия их постоянной значимости и ценности для носителей языка, иными словами, некоторые тексты становятся прецедентными феноменами лишь на ограниченный срок. Они «не только неизвестны предшественникам данной языковой личности, но и выходят из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка. Тем не менее в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе данного отрезка времени» [Слышкин, 2000, с. 22]. К подобным краткосрочным прецедентным феноменам следует относить рекламные ролики, рекламные слоганы, анекдоты и т. д.

В качестве примера в немецкой лингвокультуре можно привести рекламный слоган шведской мебельной и интерьерной фирмы IKEA: «Wohnst du noch oder lebst du schon?» (ср. рус. «Ты уже живешь или еще существуешь?»). Данный рекламный слоган построен на игре слов *wohnen* и *leben*, постулируя, что при покупке товаров данного производителя жизнь потребителя кардинально меняется к лучшему. Указанный рекламный слоган широко распространен в обиходной речи немцев. Он настолько прижился, что породил целую серию модификаций, например в качестве заголовка в газете «SpiegelOnline»: «Arbeitest du noch, oder lebst du schon?»³ (ср. рус.: «Ты всё еще работаешь или уже живешь?») или заголовок в газете «Böhme-Zeitung»: «BZ-Umfrage: Telefonierst du noch oder chattest du schon?»⁴ (ср. рус. «Опрос газеты «Böhme-Zeitung»: Ты всё еще звонишь по телефону или уже общаешься в чате?») Через обращение к данному рекламному слогану публицист демонстрирует личную позицию к описываемому явлению, противопоставляя полярные значения следующим образом:

¹URL: <http://www.stuttgarter-zeitung.de/inhalt.glosse-aufgelesen.7a78c4bb-d973-4315-affe-71ac63dc0790.html> (дата обращения: 12.11.2022)

²Традиционное песнопение на Рождество в Германии.

³URL: <http://www.spiegel.de/lebenundlernen/job/arbeitszeit-jongleure-arbeitest-du-noch-oder-lebst-du-schon-a-430929.html>

⁴URL: <http://www.boehme-zeitung.de/kultur/news/artikel/bz-umfrage-telefonierst-du-noch-oder-chattest-du-schon.html>

[<QS₊> vs <QS₋>] ?

где <QS₊> – некое множество положительных явлений, сформулированное в форме общего вопроса с использованием наречия *schon* (ср. рус. *уже*);

<QS₋> – некое множество отрицательных явлений, сформулированное в форме общего вопроса с использованием наречия *noch* (ср. рус. *еще*);

vs – оба множества противопоставляются друг другу, формируя единый риторический вопрос.

Таким образом, значение прецедентных феноменов играет ключевую роль в освещении фактов, явлений или ситуаций окружающей действительности; в выражении авторской оценки и побуждении адресата к соосмыслению представленных сведений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенность публицистических текстов представлена большим количеством вкраплений общеизвестных выражений в несколько измененном виде в канву текста. В виде прецедентных феноменов они могут быть представлены в фельетоне. Публицист при помощи прецедентных феноменов достигает несколько целей:

- язык фельетона перестает быть сухим и официальным, что создает иллюзию живого общения;
- удачно и уместно вставленные прецедентные феномены демонстрируют остроумие автора;
- автор передает личную оценку к описываемому явлению, оказывая эмоциональное воздействие на широкий круг читателей и способствуя формированию общественного мнения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Raue P.-J., Schneider W. Das neue Handbuch des Journalismus. Rowohlt, 2006.
2. Burger H., Luginbühl M. Mediensprache: eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005.
3. Бикмуканова С. И. Публицистический стиль и его функционирование // Science Time. 2014. № 12 (12). С. 35–38.
4. Муравская И. А. Лексическое заимствование как фактор изменения когнитивных структур (на материале англицизмов в медиадискурсе): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
5. Аристотель. Риторика. М.: Эксмо-Пресс, 2015. Кн. 1.
6. Haß-Zumkehr U. Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte. Berlin; New York: de Gruyter, 2001.
7. Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015.
8. Карпенко С. М., Вегнер А. А. Ассоциативный потенциал прецедентных текстов в публицистическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (202). С. 102–108.
9. Тюрина А. А. Проблема классификации прецедентных феноменов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2006. Вып. 8 (63). С. 82–84.
10. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2007.
12. Лисоченко О. В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: учебное пособие для студентов вузов. Ростов-н/Д: Феникс, 2007.
13. Салынова О. В. Прецедентные феномены как средство манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Вестник Калмыцкого университета. 2018. Вып. 3 (39) С. 101–107.
14. Скворцова Н. С. Роль антонимического образа в формировании семантики фразеологических единиц // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 9 (781). С. 105–113.
15. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1963.
16. Стародубова О. Ю. Прецедентный текст в публицистическом дискурсе как механизм реализации аутентичной авторской модальности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 73–83.
17. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000.

REFERENCES

1. Raue, P.-J., Schneider, W. (2006). Das neue Handbuch des Journalismus. Rowohlt.
2. Burger, H., Luginbühl, M. (2005). Mediensprache: eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3., völlig neu bearbeitete Auflage. Berlin ; New York: Walter de Gruyter.

3. Bikmukanova, S. I. (2014). Publicisticheskij stil i ego funkcionirovanie = Journalistic style and its functioning. *Science Time*, 12(12), 35–38. (In Russ.)
4. Muravskaya, I. A. (2014). Leksicheskoy zaimstvovanie kak faktor izmeneniya kognitivnyh struktur (na materiale anglicizmov v mediadiskurse) = Lexical borrowing as a factor in changing cognitive structures (based on anglicisms in media discourse): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Aristotele. *Retorika*. Moscow: Eksmo-Press, 2015. Libro 1.
6. Haß-Zumkehr, U. *Deutsche Wörterbücher – Brennpunkt von Sprach- und Kulturgeschichte*. Berlin; New York: Gruyter, 2001.
7. Moiseenko, L. V. (2015). Lingvokognitivnye osnovy teorii precedentnosti = Linguistic and cognitive foundations of the theory of precedence: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Karpenko, S. M., Vegner, Berner A. A. (2019). Associative potential of precedent texts in media discourse. *Vestnik of Tomsk State Pedagogical University*, 5(202), 102–108. (In Russ.)
9. Tyurina, A. A. (2006). Problema klassifikacii precedentnyh fenomenov = The problem of classifying precedent phenomena. *Vestnik of South Ural State University*, 8(63), 82–84. (In Russ.)
10. Nahimova, E. A. (2007). Precedentnye imena v massovoj kommunikacii = Precedent Names in Mass Communication. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
11. Karaulov, Yu. N. (2007). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* = Russian language and language personality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
12. Lisochenko, O. V. (2007). *Ritorika dlya zhurnalistov: precedentnost v yazyke i rechi: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* = Rhetoric for Journalists: Precedence in Language and Speech: A Study Guide for University Students. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.)
13. Salynova, O. V. (2018). Precedent phenomena as a means of manipulative influence in advertising text. *Vestnik of Kalmyk State University*, 3(39), 101–107. (In Russ.)
14. Skvorcova, N. S. (2017). The role of antonymic image in formation of phraseological semantics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 9(781), 105–113. (In Russ.)
15. Levickaya, T. R., Fiterman, A. M. (1963). *Teoriya i praktika perevoda s anglijskogo yazyka na russkij* = Theory and practice of translation from English into Russian. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
16. Starodubova, O. Yu. (2019). Precedentnyj tekst v publicisticheskom diskurse kak mekhanizm realizacii autentichnoj avtorskoj modal'nosti = A precedent text in publicistic discourse as a mechanism for realizing an authentic author's modality. *Znak: problematic field of media education*, 2(32), 73–83. (In Russ.)
17. Slyshkin, G. G. (2000). *Lingvokulturnye koncepty precedentnyh tekstov* = Linguistic and cultural concepts of precedent texts. Moscow: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Северина Екатерина Андреевна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. М. Тореца
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Severina Ekaterina Andreevna

PhD (Philology)
Senior Lecturer, Department of the Second Foreign Language
M. Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_110

Языковая ситуация многоязычия в Люксембурге

Г. А. Соколова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ga.sokolova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается многоязычие в стране на примере триглоссии в Люксембурге. Приводится краткая историческая справка, помогающая проследить появление многокультурности и многоязычия на территории Люксембурга. Дается краткий этимологический анализ слов «Люксембург» и «люксембургский», рассматривается языковой статус трех официальных языков Люксембурга в рамках функционального спектра, перечисляются основные лингвистические особенности люксембургского языка в области вокализма и консонантизма.

Ключевые слова: Люксембург, люксембургский, немецкий язык, французский язык

Для цитирования: Соколова Г. А. Языковая ситуация многоязычия в Люксембурге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 110–114. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_110

Original article

Language Situation of Multilingualism in Luxembourg

Galina A. Sokolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ga.sokolova@mail.ru

Abstract. The article deals with the situation of triglossia in Luxembourg. It provides a brief historical review which helps trace the emergence of multiculturalism and multilingualism in Luxembourg. The article gives a short etymological analysis of the words “Luxembourg” and “Luxembourgish”, considers the language status of the three official languages in Luxembourg within the functional spectrum, lists the main linguistic features of Luxembourgish within vocalism and consonantism.

Keywords: Luxembourg, Luxembourgish, German, French

For citation: Sokolova, G. A. (2023). The Language Situation of Multilingualism in Luxembourg. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 110–114. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_110.

ВВЕДЕНИЕ

Люксембург – маленькая, но богатая традициями европейская страна. Ее территория составляет 2 586 км². Она насчитывает около 537 тыс. жителей. Несмотря на свою небольшую площадь, Люксембург считается экономически сильным и высоко развитым государством. На территории Люксембурга – три официальных языка: люксембургский, немецкий и французский¹.

Имя существительное *Люксембург* происходит от словосочетания из древневерхненемецкого языка *Castellum Lucilinburhuc* (*маленькая крепость*) и упоминается в средневековом латинском тексте [Kramer, 2016].

В диахроническом аспекте люксембургский язык развивался из мозельско-франкской вариативности западносредненемецких диалектов. Интересно, что одно из названий люксембургского языка звучит как *Lëtzebuurger Däitsch* – *люксембургский немецкий* [Языки мира, 2000].

Люксембургский имеет четыре диалекта: западнолюксембургский, восточнолюксембургский, севернолюксембургский, южнолюксембургский. Перечисленные диалекты закреплены за определенными территориями Люксембурга.

По мнению отечественных исследователей, западнолюксембургский диалект локализован у границы с Францией и сохраняет свои лингвистические характеристики, мало подвержен языковому влиянию извне. Восточнолюксембургский диалект является наиболее подвижным и распространен на территориях рядом с экономическими и культурными центрами страны. Севернолюксембургский диалект распространен в Арденнах. Южнолюксембургский диалект не сохранил свои первоначальные черты, так как наиболее часто подвергался языковым влияниям [Домашнев, 1983].

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Знакомство с историей страны помогает понять как в ней развивались многоязычие и различные культуры. С древних времен территорию Люксембурга населяли иллирийцы, им на смену пришли кельты. С середины I века н. э. Люксембург находился под влиянием Римской империи. Романизация страны продолжалась в течение пяти последующих веков. С III века н. э. на территорию Люксембурга начали проникать франки. На смену романизации пришла германизация [Holtus, Metzeltin, Schmitt, 1990].

¹STATEC. Luxembourg in Zahlen. 2022. <https://luxembourg.public.lu/dam-assets/publications/le-luxembourg-en-chiffres/luxembourg-zahlen.pdf>

Примечательно, что к VIII веку в северо-восточной части страны местные жители говорили по-франкски, в юго-западной части территории для общения использовали латынь, на основе которой позже возникли валлонские диалекты французского языка. Таким образом, ситуация двуязычия существовала на территории будущего Люксембурга уже давно. В 963 году граф Зигфрид Арденнский основал графство Люксембург [Berg, 1993].

Как отмечают отечественные исследователи, с самого начала возникновения страны ее жителям был свойственен языковой, культурный и психологический дуализм [Языки мира, 2000]. На протяжении нескольких веков Люксембург находился под властью разных правителей: бельгийских, голландских, австрийских, немецких, французских. Одни делали упор на развитии германского языкового направления, другие предпочитали романское. Это повлияло на возникновение и существование в наши дни разных культур и многоязычия в стране.

В XIX веке, после Бельгийской революции, валлоноязычная провинция Люксембурга отошла Бельгии. В 1867 году страна получила независимость, ее языковой статус также поменялся: большинство жителей Люксембурга говорило на немецком языке. Однако в стране остались сильные романские традиции, французский язык продолжали использовать в общественно-политической жизни страны и в сфере образования. Многие зарубежные лингвисты придерживаются мнения, что к середине XIX века Люксембург стал страной, в которой развилась и распространилась триглоссия, так как в коммуникативных ситуациях стали использоваться три языка: французский, немецкий и люксембургский. Официально на тот момент времени были признаны два языка: французский и немецкий, поскольку люксембургский язык рассматривался как диалект [Gilles, 1999].

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ЛЮКСЕМБУРГЕ

По мнению зарубежных лингвистов, языковую ситуацию в Люксембурге можно проанализировать на примере девяти доменов: семья, улица, школа, церковь, литература, пресса, армия, суд, управление [Berg, 1993]. В рамках данной статьи представляется возможным рассмотреть некоторые из указанных ситуаций.

Заметим, что в отличие от остальных стран, где также распространено многоязычие, в Люксембурге выбор и использование того или иного официального языка не зависит от территориальных границ.

На сегодняшний день языковой функциональный спектр подчинен экономическим и общественным сферам деятельности жителей страны.

Французский язык в Люксембурге обладает высоким социальным престижем. Он используется во многих областях: в законодательстве, гостиничном деле, торговле. Одновременно он является языком-посредником для эмигрантов из Италии, Португалии.

В промышленности и финансовом секторе доминирует немецкий язык, который также часто используется в прессе и литературе.

Рассматривая статус люксембургского языка, стоит упомянуть Закон о языках, который был принят в 1984 году. Он закрепил за люксембургским языком статус официального и должен был поднять престиж родного языка люксембуржцев. Однако на тот момент времени этого не произошло. Люксембургский язык не стал средством национальной самоидентификации. На сегодняшний день он существует в формах различных наречий и говоров.

Говоря о сфере образования, следует указать тот факт, что в 1843 году был принят официальный закон, согласно которому французский язык стал обязательным предметом в школе. Целью принятия закона было ограничение прусского влияния в культурном и политическом аспектах. С 1912 года в системе школьного образования появился предмет «люксембургский язык». Сейчас люксембургский язык используется большей частью

в неофициальных ситуациях письменной коммуникации.

На данный момент немецкий язык и французский язык являются предметами, которые официально стоят в сетке школьного расписания. В старших классах обязательно изучается французский язык, а люксембургский язык рассматривается как дополнительный язык, используемый школьниками в устной коммуникации.

Примечательно, что в детских садах лидирующая роль в коммуникации отводится люксембургскому языку, так как маленькие люксембуржцы до школы общаются только на своем родном языке. Их языковая картина меняется с поступлением в начальную школу, где они начинают изучать немецкий язык. На люксембургском языке преподаются школьные предметы, однако он меньше изучается школьниками по сравнению с другими официальными языками Люксембурга. Во многих школах со второго класса вводится изучение французского языка. Рисование, физкультура и музыка преподаются на люксембургском языке, остальные предметы – на немецком [Ammon, 2015]. Использование языков в школе представлено в таблице 1 [Horner, Weber, 2008].

Говоря об овладении обучающимися языковой компетенцией в люксембургской школе, подчеркнем, что ситуация многоязычия имеет свои преимущества и оказывает благоприятное влияние на учебную атмосферу, поскольку дети из немецкоязычных семей не сталкиваются со сложностями,

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ В ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ ШКОЛЕ

Возраст	Изучаемые языки	Языки в качестве средства обучения
Дошкольный возраст (3 года)		
дошкольный возраст (3 / 4 года)	люксембургский	люксембургский
дошкольный возраст (4 / 6 лет)	люксембургский	люксембургский
Начальная школа (6 лет)		
начальная школа (6 / 7 лет)	немецкий, люксембургский (1 час в неделю)	люксембургский, немецкий
начальная школа (7 / 8 лет)	немецкий, люксембургский, французский	люксембургский, немецкий
начальная школа (8 / 12 лет)	немецкий, французский, люксембургский	немецкий
Средняя школа (7 лет)		
средняя школа (12 / 13 лет)	немецкий, французский, люксембургский	немецкий, французский
средняя школа (13 / 14 лет)	немецкий, французский, английский или латынь	немецкий, французский
средняя школа (14 / 15 лет)	немецкий, французский, английский	немецкий, французский
средняя школа (15 / 18 лет)	немецкий, французский, английский	французский
средняя школа (18 / 19 лет)	немецкий, французский, английский	французский

когда начинаются учебные занятия, так как немецкий язык используется в качестве средства обучения базовой грамотности. Для детей, которые говорят на португальском или французском, обучение в начальной школе проводится на люксембургском языке.

Многоязычно пространство в университете Люксембурга. Основными языками обучения считаются французский и немецкий языки. По некоторым направлениям также требуется знание английского языка, обучающиеся могут выбрать и люксембургский язык в качестве учебной дисциплины.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮКСЕМБУРГСКОГО ЯЗЫКА

Система гласных звуков

Отечественные лингвисты отмечают, что для системы гласных звуков люксембургского языка характерны и мозельско-франкские и люксембургские черты, например веляризация слова *Schlof* – *сон* (нем. *Schlaf*). Также отличительной чертой является понижение подъема гласных звуков: /i/ /e/, /u/ > /o/, /ü/ > /ö/, например, *Rënd* – *крупный рогатый скот* (нем. *Rind*). Как и в западнофранкских диалектах, в люксембургском языке распространена монофтонгизация гласных звуков, например /ai/ > /ä/ в слове *Mä* – *май* (нем. *Mai*) [Козьмин, Богомазова, 2002].

Система согласных звуков

Фонологическая характеристика согласных звуков в люксембургском языке имеет много похожих черт с системой консонантизма в немецком языке, что представлено в таблице 2.

Ударение

В люксембургском языке словесное ударение характеризуется динамичностью. Во многих словах ударение падает на первый слог, например, *móckeleg* – *толстый* (нем. *Dick*). В заимствованиях из французского языка и валлонских говорах ударение падает на последний слог.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившаяся языковая ситуация в Люксембурге уникальна в своем роде: в различных коммуникативных ситуациях жители страны используют три языка. Тем не менее люксембургский язык является одним из главных признаков национальной идентичности люксембуржцев. На люксембургском языке издаются книги, ставятся театральные постановки, основная роль в коммуникативных ситуациях отводится ему в детских садах.

Таблица 2

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ¹

По способу образования		По месту образования					
		Губно-губные	Губно-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Фарингальные
смычные		p b		t d	ʧ	k g	
фрикативные			f v	s z ʃ ʒ		x	
сопоровые	назальные	m		n l		ŋ	h
	латеральные вибранты						r
глайды			w		j		

¹Система согласных звуков приведена по: [Языки мира, 2001, с. 203].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kramer J. Romanisch und Germanisch in Belgien und Luxemburg. Hamburg: Helmut Buske Verlag GmbH, 2016.
2. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М.: Academia, 2000.
3. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л.: Наука, 1983.
4. Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Chr. Lexikon der romanischen Linguistik. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1990.
5. Berg G. Mir wëlle bleiwe, wat mir sin: soziolinguistische und sprachtypologische Betrachtungen zur luxemburgischen Mehrsprachigkeit. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1993.
6. Gilles P. Dialektausgleich im Lëtzebuergeschen. Zur phonetisch-phonologischen Fokussierung einer Nationalsprache. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1999.
7. Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2015.
8. Horner K., Weber J. The language situation in Luxembourg // Current Issues in Language Planning. 2008. Vol. 9(1). P. 69–128.
9. Козьмин О. Г., Богомазова Т. С. Теоретическая фонетика немецкого языка. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2002.

REFERENCES

1. Kramer, J. (2016). Romanisch und Germanisch in Belgien und Luxemburg. Hamburg: Helmut Buske Verlag GmbH.
2. Languages of the World: Germanic languages. Celtic languages. (2000). Moscow: Academia. (In Russ.)
3. Domashnev, A. I. (1983). Sovremennyy nemeckiy yazuk v ego nacionalnykh variantakh = The Modern German Language in its National Variants. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
4. Holtus, G., Metzeltin, M., Schmitt, Chr. (1990). Lexikon der romanischen Linguistik. Tübingen: Niemeyer Verlag.
5. Berg, G. (1993). Mir wëlle bleiwe, wat mir sin: soziolinguistische und sprachtypologische Betrachtungen zur luxemburgischen Mehrsprachigkeit. Tübingen: Niemeyer Verlag.
6. Gilles, P. (1999). Dialektausgleich im Lëtzebuergeschen. Zur phonetisch-phonologischen Fokussierung einer Nationalsprache. Tübingen: Niemeyer Verlag.
7. Ammon, U. (2015). Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin: Walter de Gruyter GmbH.
8. Horner, K., Weber, J. (2008). The language situation in Luxembourg. Current Issues in Language Planning, 9(1), 69–128.
9. Kozmin, O. G., Bogomazova, T. S. (2002). Teoreticheskaya fonetika nemeckogo yazuka = Theoretical phonetics of the German language. Moscow: NVI-THESAURUS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Галина Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Galina Aleksandrovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of German Phonetics

Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.11.2022
23.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 811.111.26

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_115

Реализация когнитивного диссонанса в стилистических приемах, основанных на механизме сходства

Д. С. Солобуто

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

diana-f@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается диссонансный потенциал таких стилистических приемов, как метафора, сравнение и олицетворение. Эти приемы конструируются на основе механизма сходства и подразумевают сопоставление двух объектов. Проведенный в статье анализ примеров с использованием схемы концептуальной интеграции позволил выявить, какие особенности в структуре бленда отличают локальные диссонансные явления, и определить условия, при которых перечисленные стилистические средства реализуют когнитивный диссонанс.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, локальные диссонансные явления, стилистические приемы, теория концептуальной интеграции, метафора, сравнение, олицетворение

Для цитирования: Солобуто Д. С. Реализация когнитивного диссонанса в стилистических приемах, основанных на механизме сходства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 115–122. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_115

Original article

Actualizing Cognitive Dissonance in Similarity-Based Stylistic Devices

Diana S. Solobuto

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

diana-f@mail.ru

Abstract. The article focuses on the potential of such stylistic devices as metaphor, simile and personification in creating cognitive dissonance. These literary devices are constructed on the basis of the mechanism of similarity and involve comparing two objects. The analysis of the material conducted via the scheme of conceptual integration made it possible to identify which features in the structure of the blend distinguish local dissonance phenomena and to determine the conditions under which the studied stylistic means create cognitive dissonance.

Keywords: cognitive dissonance, local dissonance, stylistic devices, theory of conceptual integration, metaphor, simile, personification

For citation: Solobuto, D. S. (2023). Actualizing Cognitive Dissonance in Similarity-Based Stylistic Devices. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 115–122. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_115

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивный диссонанс (*далее* КД) – комплексный феномен, связанный с психологией индивида. В состоянии КД человек испытывает психологический дискомфорт, вызванный несоответствием новой информации представлениям в его сознании или уже имеющейся у него информации [Фестингер, 1999].

В лингвистике когнитивный диссонанс связан с процессами восприятия и интерпретации информации во время устной коммуникации (Е. А. Вебер, Л. Г. Фомиченко) или в ходе прочтения текста (Т. В. Дроздова, В. З. Демьянков, В. И. Тармаева). Обращаясь к анализу текста можно отметить, что когнитивные «несоответствия» обнаруживаются в литературных произведениях повсеместно, играя существенную роль в интерпретации дискурса читателем. При наличии устойчивых диссонансных явлений можно говорить о «диссонансности» как о характеристике того или иного типа дискурса или того или иного конкретного текста. Кроме того, КД может реализовываться на разных уровнях текста, в том числе выходить за рамки одного предложения и охватывать более широкие контексты.

Использование стилистических приемов связано с реализацией диссонанса локального уровня. Локальные диссонансные явления характеризуются следующими признаками:

- 1) низкая степень абстракции – описание материального объекта или абстрактного понятия через конкретные лексические единицы;
- 2) эксплицитность – явление всегда имеет определенное лексическое выражение в тексте;
- 3) ограниченность явления рамками одного предложения или его фрагмента;
- 4) связь явления с фоновыми знаниями о частных объектах, которые относятся к дискурсу конкретного произведения;
- 5) применение средств создания образности при реализации явления.

Таким образом, стилистические приемы попадают под категорию локальных диссонансных явлений. Однако следует отметить, что далеко не в каждом конкретном примере будет реализовываться диссонанс и для того, чтобы можно было отнести конкретный прием к диссонансным явлениям, требуется соблюдение ряда условий.

ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ К АНАЛИЗУ ДИССОНАНСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Теория концептуальной интеграции, или блендинга, основывается на концепции Ж. Фоконье

о ментальных пространствах. Ментальные пространства, по Фоконье, представляют собой структуры, существующие в нашем сознании. Эти структуры активируются и разворачиваются в процессе мышления, восприятия информации и говорения, и могут быть двух типов: базовые, относящиеся к реально существующим мирам, и сконструированные, относящиеся к мирам возможным и выходящим за рамки реальности [Fauconnie, 1994].

Дальнейшее развитие данной концепции привело к возникновению теории концептуальной интеграции. Концептуальная интеграция – это многокомпонентный когнитивный процесс, который основывается на модели четырех пространств и в результате которого в сознании говорящего образуется новое значение [Синжапова, 2019]. Модель четырех пространств включает в себе два исходных или вводных ментальных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство, или бленд (blended space). Бленд появляется в результате проекции одного вводного пространства на другое или в результате слияния их значений.

По мнению авторов теории, данный процесс имеет три стадии: композицию (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration). На каждой стадии в бленде появляются новые оттенки значения, новое содержание, не заложенное в вводных пространствах. Бленд также дополнительно обогащается информацией из долговременной памяти, фоновыми знаниями, культурными моделями [там же]. В результате образуется качественно новая структура, отличная от исходных. Интеграционные процессы опираются на способность человеческого мышления устанавливать связи (mappings) между ментальными пространствами и их элементами. Огромную роль в управлении этими процессами играет становление образного мышления.

Тезис о том, что в каждом бленде существует как минимум два вводных пространства, связан с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. По мнению разработчиков теории концептуальной метафоры, последняя трактуется как когнитивная проекция из сферы-источника в сферу-цель (source domain and target domain) [Лакофф, Джонсон, 1990]. Два вводных пространства концептуальной интеграции, следовательно, соотносятся со сферой-источником и сферой-целью, но Фоконье и Тернер идут дальше метафорической проекции, добавляя новое сконструированное ментальное пространство – бленд.

Исследователи Н. Ю. Белькова, Л. П. Ковальчук, Э. В. Будаев, И. А. Солодилова, О. Н. Санжарова, Д. Радден и др. анализируют метафору и метонимию с позиций теории концептуальной интеграции.

Но ее схематичность позволяет наглядно продемонстрировать структуру бленда при конструировании и других стилистических приемов, а также выявить, какие особенности в структуре отличают диссонансные явления от прочих. Этим также обусловлен выбор теории концептуальной интеграции в качестве метода анализа.

Метафора

Метафора представляет собой номинацию объекта, основанную на сходстве (реальном или мнимом) данного объекта с другим, название которого и используется при номинации [Скороходова, 2006].

В рамках теории концептуальной интеграции метафора воспринимается не просто как структура, но как особое мировидение, имеющее концептуальную природу и находящее выражение в языке. Метафорические проекции разнообразны и многочисленны; сфера-цель может содержать в себе проекции из нескольких сфер-источников, которые на первый взгляд не связаны друг с другом. В этой особенности метафоры к слиянию разнородных компонентов заложен потенциал, как экспрессивный, так и диссонансный.

Общая схема концептуальной интеграции для метафоры выглядит следующим образом (рис. 1).

Рассмотрим пример метафоры, неосложненной диссонансностью:

Below, **the orange dragon** coughed into life (R. Bradbury. *Fahrenheit 451*).

Контекстуальная метафора *the orange dragon* обозначает оранжевую пожарную машину. По замыслу автора антиутопии «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, пожарный – не спасающий жизни защитник, использующий воду для борьбы со стихией огня, а разрушитель на страже закона, сжигающий книги и дома тех отступников, которые эти книги у себя держат. По законам созданного в контексте произведения государства хранение и чтение книг приравнивается к преступлению; владелец книг подлежит аресту, а его имущество – сожжению бригадой пожарных. Поэтому пожарная машина, подобно дракону, изрыгает пламя, а не воду, что облегчает процесс расшифровки метафоры. Дополнительно метафорический образ поддерживается глаголом *cough*, который передает сходный с кашлем звук завожущейся машины и усиливает аналогию с живым существом.

Легкость трактовки, доступность необходимого контекста и яркость образа позволяют легко дешифровать приведенную выше метафору (рис. 2). Вследствие этого, она не будет относиться к диссонансным явлениям.

Новые оттенки, оригинальность и связанный с ними диссонансный потенциал лингвистические явления часто приобретают благодаря эффектам синестезии, которая в последнее время стала перспективным направлением для исследований

Общее пространство: сходная характеристика	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Элемент 1 и связанные с ним объекты ментального пространства	Элемент 2 и связанные с ним объекты ментального пространства
Смешанное пространство	

Рис. 1. Общая схема концептуальной интеграции

Общее пространство: способность извергать огонь, мощь	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Dragon A large imaginary creature in old stories that has wings and a long pointed tail and breathes out fire	Orange car (<i>of the fire brigade</i>) A road vehicle for one driver and a few passengers
Смешанное пространство: orange dragon	

Рис. 2. Метафора, не осложненная диссонансностью

в рамках лингвистической науки. Термин «синестезия» (от греч. *воспринимать вместе*) пришел в лингвистику из психологии, где он употребляется для обозначения восприятия одной сенсорной сферы через другую, смешения разных сфер чувственного восприятия (или описания такого типа восприятия). У лиц, переживающих подобный опыт, раздражение одного органа чувств наряду со связанными с ним ощущениями, вызывает также ощущения, связанные с другим органами чувств [Yu, 2003].

Лингвистическая дефиниция синестезии, вслед за психологией, связана с перцепцией, и трактует синестезию как метафорический процесс, когда одна сенсорная модальность описывается или характеризуется через другую (например, *bright* – *зрительное восприятие*, *sound* – *слуховое восприятие*). При анализе синестетических переносов традиционно выделяются пять сфер: тактильные ощущения, вкусовые ощущения, обоняние, звук и зрение, именно в таком иерархическом порядке, и исследователи отмечают, что перенос имеет тенденцию осуществляться с более низкого сенсорного уровня на более высокий. Объясняется это общим когнитивным принципом, по которому движение от «доступных», базовых концептов к сложным, небазовым более естественно, чем обратная проекция [Майданова, 1992].

Синестезия в языке часто воплощается в синестетической метафоре. Структура метафоры помогает реализовать сопутствующий синестезии перенос. В ней лексическая единица, связанная с одним ощущением, переходит в семантическое поле, обозначающее другое ощущение. Традиционные смысловые связи между компонентами подвергаются значительным изменениям. Поэтому они будут ярким авторским образованием, вызывающим КД. Общим пространством в данном случае станет отнесенность обоих элементов к сферам чувственного восприятия.

Приведенная ниже авторская метафора затрагивает целый ряд когнитивных ассоциаций,

реализуя синестетический перенос из сферы «звук» в сферу «зрение»:

I heard **a roar that started white and went red** and on and on in a rushing wind (E. Hemingway. *Farewell to Arms*).

С одной стороны, через цвета обычно передается температура (красный – горячий; синий – холодный), но никак не звук. С другой – красный цвет можно связать с громким звуком, опираясь на фоновые знания – цвет мигающего спецсигнала или цвет пожарной машины, которая снабжена громкой сиреной. Красный также ассоциируется с опасностью, тревогой – по той же аналогии с сиреной или сигнализацией. Таким образом, весь комплекс когний, собранный воедино, помогает преодолеть возникающий в данном случае диссонанс и интерпретировать авторскую метафору, привязав ее к характеристикам звука: белый – тихий, красный – громкий. Кроме того, в рамках данной метафоры наблюдается градация интенсивности признака от более слабого к более сильному, ярко выраженному (рис. 3).

Олицетворение

Олицетворение как средство создания образности – частый предмет исследований филологов и лингвистов. Объясняется это тем, что олицетворение имеет долгую историю и зародилось еще во времена мифологического восприятия действительности и анимизма, когда объекты окружающего мира одушевлялись. Закладывая в себе мировосприятие народов на определенной стадии и становление образного мышления, это явление находит свое отражение в мифологии и фольклоре [Лам, 1999].

Концептуальные структуры, активирующиеся при интерпретации олицетворений, а также лингвистические формы и коммуникативные функции данного изобразительного средства в дискурсе рассматриваются в работе голландского

Общее пространство: отнесенность к сферам чувственного восприятия		
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2	Вводное пространство 3
Roar a deep cry of a wild animal, a loud deep cry as of pain or anger, a loud continuous confused sound	White the same colour as milk or snow	Red the same colour as blood
Смешанное пространство: <i>white roar, red roar</i>		

Рис. 3. Синестетическая авторская метафора

исследователя Алетты Дорст. При анализе автор статьи использует процедуру идентификации метафоры и приходит к выводу о том, что в рамках олицетворения должна проявляться не связанная с человеческими качествами контекстуальная семантика плюс связанная с человеческими качествами базовая семантика. Об оригинальном авторском олицетворении, по мнению исследователя, можно говорить тогда, когда художественный прием эксплицитно направлен на изменение взгляда интерпретатора на объект или тему, относящиеся к сфере-цели (target domain). В таких ситуациях адресат вынужден воспринимать объект или тему через призму другого концептуального пространства, функционирующего как сфера-источник [Dorst, 2011].

Итак, олицетворение – это подвид метафоры, при котором внешние и внутренние характеристики одушевленного предмета переносятся на неодушевленный. Диссонансность здесь заключается в том, что предмету заведомо приписываются действия, которые им не могут быть совершены, или качества, несоответствующие ему. Стандартизированная схема концептуальной интеграции для олицетворения выглядит следующим образом (рис. 4):

Олицетворение – достаточно частый стилистический прием.

The music died (R. Bradbury. *Fahrenheit 451*).

Дешифровка образа представленного олицетворения (рис. 5) облегчается благодаря тому, что одним из значений глагола *to die*, поддержанным частицей *away*, является *to become quieter or weaker and finally stop*¹. Несмотря на то, что в данном случае *to die* не фразовый глагол, реконструировать эту семантику в контексте представленного примера несложно. Ввиду широкой семантики часто употребляемого метафорически глагола, многие олицетворения, в которых он присутствует, становятся стертыми, и их нельзя отнести к диссонирующим явлениям.

The house jumped up in a gorging fire (R. Bradbury. *Fahrenheit 451*).

Данный пример, по сравнению с приведенными выше, оригинален, поскольку даже при привлечении ассоциативных связей и фоновых знаний

¹Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

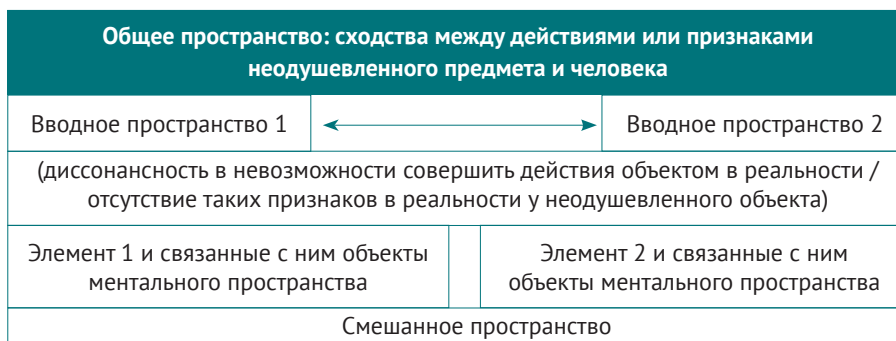

Рис. 4. Схема концептуальной интеграции для олицетворения

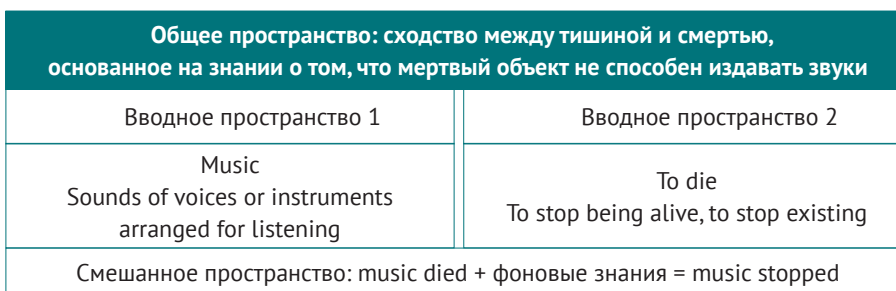

Рис. 5. Реконструкция семантики с помощью фоновых знаний

Общее пространство...	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
House A building for living in	To jump up Move body off ground using legs
Смешанное пространство: <i>the house jumped up</i>	

Рис. 6. Дешифровка образа с помощью креативного мышления

Общее пространство: сходная характеристика	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Элемент 1 и связанные с ним объекты ментального пространства	Элемент 2 и связанные с ним объекты ментального пространства
Смешанное пространство	

Рис. 7. Схема концептуальной интеграции для сравнения

Общее пространство: сходная характеристика цвета, позволяющая сравнить мед и солнечный свет	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
Sunshine Warm and pleasant light from the sun	Honey A sweet sticky yellow or brown food made by bees
Смешанное пространство: <i>tropical sunshine like warm honey</i>	

Рис. 8. Схема сравнения, не осложненного КД

Общее пространство: <i>water</i> , к которому относятся лексические единицы <i>river</i> и <i>rain</i>	
Вводное пространство 1	Вводное пространство 2
The smell of the river	Rain
Смешанное пространство: <i>the smell of the river like solid rain</i>	

Рис. 9. Сравнение, осложненное синтезией

и при наличии контекста сложно провести параллели между «прыжком» дома и прыжком человека; чтобы представить себе данный образ, необходимо задействовать креативное мышление, и тем не менее КД всё равно остается. Некое сходство можно заметить между взрывом и прыжком, так как при взрыве конструкция взлетает в воздух, подобно тому, как в момент прыжка тело поднимается над землей (рис. 6).

Сравнение

Сопоставление представляет собой один из способов «общечеловеческого мышления, обеспечивающий познание человеком окружающего мира»

[Уарова, 2006, с. 136]. Этим обусловлена популярность и широкая изученность сравнения различными дисциплинами. Как стилистический прием, сравнение – это сложное образование, которое может реализовываться с использованием различных средств и которому сопутствует многообразие когнитивных, прагматических и лингвокультурных факторов. При его дешифровке проявляется базовая способность человеческого сознания проводить аналогии между объектами, принадлежащими к миру конкретного или абстрактного.

В основе сравнения, как и в случае с метафорой, лежит механизм сходства, однако, в то время как при конструировании метафоры сходство подразумевается, но не выражено, сравнение

эксплицитно и лексически маркируется (например, единицами *like, as, as if, to resemble* и пр.). Общим пространством в схеме концептуальной интеграции сравнения будет выступать схожая характеристика двух объектов (рис. 7).

The tropical sunshine lay like warm honey on the naked bodies of children (*Huxley A. Brave New World*).

Представленное выше не осложненное и не диссонирующее сравнение имеет определенную структуру (рис. 8):

Простые сравнения не обладают необходимыми характеристиками для реализации КД, поскольку сопоставление объектов проводится по очевидным признакам. Для того чтобы сравнение стало диссонирующим явлением, оно должно проводиться между логически не сопоставимыми, или на первый взгляд логически не сопоставимыми, объектами, отношения сходства между которыми неочевидны и приводят в замешательство. Также диссонансным потенциалом обладают сравнения, осложненные включением одного или более стилистических приемов, и синестетические сравнения – с сопоставлением объектов, относящихся к разным сферам чувственного восприятия.

The smell of the river was cool and like solid rain (*R. Bradbury. Fahrenheit 451*).

В приведенном выше примере сравнение осложнено синестезией – неосязаемый запах сравнивается по плотности с физическим объектом (рис. 9). Наличие дополнительной лексической единицы *solid* усиливает экспрессивный эффект

и позволяет отнести рассмотренное сравнение к диссонансным явлениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В большинстве случаев ассоциативные связи между сопоставляемыми объектами в метафорах, олицетворениях и сравнениях хорошо прослеживаются, благодаря чему у интерпретатора не возникает затруднений при дешифровке, и, как следствие, не возникает когнитивного диссонанса. Однако выявляются следующие закономерности, при наличии которых метафоры, олицетворения и сравнения могут переходить в категорию диссонансных явлений локального уровня:

- новизна или частота употребления. Чем выше степень новизны употребленной автором фигуры речи, тем больше она будет выделяться, усиливая диссонансность и создавая некую дисгармонию, и тем вероятнее ее восприятие будет сопровождаться КД;
- оригинальность, сопоставление объектов, между которыми сложно провести параллель;
- осложненность стилистического приема синестезией;
- осложненность стилистического приема включением других приемов;
- необходимость апеллировать к фоновым знаниям и дополнительному контексту, благодаря чему происходит трансформация семантики в получившемся бленде.

Анализ приведенного материала позволяет говорить о том, что стилистические приемы, сконструированные на основе механизма сходства, также обладают потенциалом к реализации диссонанса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999.
2. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
3. Синжапова Р. Р. Теория концептуальной интеграции и лингвистические средства ее выражения // Молодой ученый. 2019. №2 (240). С. 393–395. URL: <https://moluch.ru/archive/240/55520/>
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
5. Скороходова Е. Ю. Метафорическая номинация в языке и мышлении // Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета. Серия III: Филология. 2006. Вып. 1. С 97–102.
6. Yu N. Synesthetic metaphor: a cognitive perspective // Journal of literary semantics. 2003. № 32 (1). P. 11–30.
7. Майданова Т. В. Синестетические метафоры в художественной речи XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
8. Лам Ф. Н. Олицетворение имен существительных с немотивированным родом в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
9. Dorst A. G. Personification in discourse: linguistic forms, conceptual structures and communicative functions // Language and literature. 2011. Vol. 20 (2). P. 113–135.

10. Уарова О. В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приема сравнения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Festinger, L. (1999). Teoria kognitivnogo dissonanca = The theory of cognitive dissonance. St. Petersburg: Juventa. (In Russ.)
2. Fauconnier, G. (1994). Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Singiapova, R. R. (2019). Teorija konceptualnoj intergazii i lingvističeskije sredstva eyo virajhenija = The theory of conceptual intergration and linguistic means of its expression. Young Scholar, 2(240), 393–395. <https://moluch.ru/archive/240/55520/> (In Russ.)
4. Lakoff, G., Johnson, M. (1990). Metaphors we live by. The theory of the metaphor. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Skorohodova, E. Ju. (2006). Metaforičeskaya nomimazija v yazike i mishlenii = Metaphorical nomination in the language and in cognition. St. Tikhon's University Review. Series III: Philology, 1, 97–102. (In Russ.)
6. Yu, N. (2003). Synesthetic metaphor: a cognitive perspective. Journal of literary semantics, 32 (1), 11–30.
7. Majdanova, T. V. (1992). Sinesteticheskie metafori v hudozhestvennoj reči XX veka = Synesthetic metaphors in the artistic speech of the 20th century: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Lam, F. N. (1999). Olizetvorenije imen sushestvitelnix s nemotivirovannim rodом v russkom yazike = Personification of nouns with non-motivated gender in the Russian language: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Dorst, A. G. (2011). Personification in discourse: linguistic forms, conceptual structures and communicative functions. Language and literature, 20(2), 113–135.
10. Uarova, O. V. (2006). Discursivnije strategii interpretazii stilističeskovo prijemа sravnenija = Discourse strategies of interpreting the stylistic device of simile: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солобуто Диана Сергеевна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
Института иностранных языков им. Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Solobuto Diana Sergeevna

Senior Lecturer at the Department of the Second Foreign Language
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.11.2022
29.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Событийный фрейм как когнитивная схема метафоризации (на материале английских результативных и нерезультативных конструкций)

Т. С. Сорокина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sotan1462116@gmail.com

Аннотация. В статье предпринята попытка представления разновидности событийного фрейма, организованного вокруг концепта «состояние» как когнитивной схемы метафоризации. При этом отношения проецирования между доменом-источником и доменом-целью трактуются как частные событийные метафоры, наследующие черты базовых метафор. Приводятся данные о содержании домена-источника на основании концептуальных характеристик концепта «состояние», реализующегося в нерезультативных и результативных грамматических конструкциях.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, когнитивная схема, событийный фрейм, отношения проецирования, грамматические конструкции

Для цитирования: Сорокина Т. С. Событийный фрейм как когнитивная схема метафоризации (на материале английских результативных и нерезультативных конструкций) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 123–128. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_123

Original article

Event Frame as Cognitive Schema of Metaphorisation (English resultative and non-resultative constructions)

Tatiana S. Sorokina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sotan1462116@gmail.com

Abstract. The article seeks to present a variety of event frame build around the concept “state” as a cognitive schema of metaphorisation. The metaphoric schema is presumably a cross-domain mapping where relations between the source domain and the target domain are treated as specific event metaphors which inherit main features of abstract metaphors. Data of concept-based source domain are given as realized in resultative and non-resultative grammatical constructions.

Keywords: concept, conceptual metaphor, cognitive schema, event frame, relations of mapping, grammatical constructions

For citation: Sorokina, T. S. (2023). Event Frame as Cognitive Schema of Metaphorisation (English resultative and non-resultative constructions). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 123–128. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_123

ВВЕДЕНИЕ

Фреймовая семантика используется при интерпретации общих познавательных процессов с помощью определенных когнитивных моделей или схем. Эту мысль мы находим и в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, и в теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Если исходить из того, что фрейм организуется вокруг концепта, можно предположить, что концептуальная метафора, т. е. метафорический концепт также может быть представлен в виде фрейма.

Целью статьи является попытка представления разновидности событийного фрейма, строящегося на основе концепта «состояние» в английском языке как когнитивной схемы метафоризации.

Материалом для исследования послужили нерезультативные и результативные грамматические конструкции – средства выражения концепта «состояние», под которым понимается «онтологический и лингвистический, частично вербализованный, лексически, морфологически и синтаксически репрезентированный концепт; как единица знания, гештальтно передающая способы языкового представления знаний о мире» [Сорокина, 2018, с. 11].

СОБЫТИЙНЫЙ ФРЕЙМ. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Как известно, родоначальником фреймовой семантики является Ч. Филлмор. В настоящее время понятие фрейма имеет разнообразную и неоднозначную трактовку. Так, М. Минский определяет фрейм как структуру знаний о типизированных ситуациях [Минский, 1979]; у Ч. Филлмора фрейм – это опорные знания для классификации типовых объектов или событий [Fillmore, 1977]; у Ж. Фоконье и М. Тернера фрейм – это система структурированного знания, регулирующая процессы речепорождения [Fauconnier, Turner, 1998]; у Н. Н. Болдырева – это тип концепта или формат знания, позволяющий проникнуть в некие концептуальные области [Болдырев, 2007]; у К. Салливан семантические фреймы – это концептуальные модели типизированных ситуаций, отражающие отношения между компонентами фреймов [Sullivan, 2007]. Отсюда фрейм – это и структура знания и инструмент представления когнитивной структуры. Признается, что фрейм организуется вокруг некоторого концепта, имеющего значимый когнитивный потенциал [Дейк, 1989]. В частности, событийный фрейм являет собой взаимосвязь когнитивных компонентов ситуации.

Фрейм является наиболее типичной когнитивной структурой и для метафорической семантики. В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальная метафора представляет собой, по сути, рассмотрение одного явления через другое. При этом область, которая является донором определенного понятия, именуется *source domain* (домен-источник), сфера, «воспринимающая» понятие, определяется как *target domain* (домен-цель), а сам процесс метафоризации – как *conceptual mapping*, т. е. концептуальная проекция [Lakoff, Johnson, 1980; Lakoff, Johnson, 2003].

Концептуальная метафора проявляется на разных языковых уровнях, в том числе и грамматическом, а грамматическая метафора признается концептуальной метафорой, которая реализуется, в частности, в грамматических конструкциях [Panther, Thornburg, 2009].

Нерезультативные и результативные конструкции (репрезентанты концепта «состояние»), являющиеся объектом настоящего исследования, рассматриваются нами как грамматические конструкции с позиции конструктивной грамматики (Construction Grammar) (C_xG). Теория грамматики конструкций была предложена Ч. Филмором [Fillmore, 1989] и развита его последователями – А. Гольдберг и Г. Боасом [Goldberg, 1995; Boas, 2003]. Согласно C_xG грамматическая конструкция сочетает два плана содержания – синтаксический и семантический. Значение конструкции является не простой суммой ее компонентов, а понимается как единое целое, не выводимое из суммы его частей, т. е. гештальт. При этом важны как лексика, так и грамматика, как глагол, так и другие компоненты конструкции.

Результативные конструкции, подвергшиеся метафорическому переносу, явились объектом исследования: Mendoza & Luzondo (2014), Luzondo (2014), Mendoza & Galera (2014), Pena (2016). По их мнению, в результативных конструкциях используются следующие метафоры:

- A COMMUNICATIVE ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION
He talked himself blue in the face
- AN EXPERIENCIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION
They laughed the poor guy out of the studio
- A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION
He broke a glass to pieces
- AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION
They laughed themselves to death
- A CAUSED CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION
The witch turned him from a prince into a frog
- PLACES ARE DOERS
Each room slept five people

- STATES ARE LOCATIONS
He had to hit me into submission

В работе К. Салливан представлена метафора на уровне конструкций разного типа:

- сочетаний прилагательного и существительного,
- предложных субстантивных сочетаний, предикатно-аргументных структур,
- результативных конструкций,
- WAY-конструкций, структур с придаточными предложениями (определительными, условными, уступительными) и др.

Так, К. Салливан полагает, что в предикатно-аргументных структурах существительное (аргумент) выступает в роли домена цели, а глагол в виде домена-источника. Например, в случае *the criticism stung him* возникает абстрактная метафора MIND IS BODY. В результативных конструкциях с предложной фразой (PP-construction) и прилагательным (AP-construction), реализуется абстрактная (базовая) метафора типа STATES ARE LOCATIONS (*The boss worked her to exhaustion; She hammered the metal flat*). Здесь и глагол, и прилагательное выполняют роль домена-источника [Sullivan, 2007]. Базовая метафора STATES ARE LOCATIONS также упоминается в других работах [Israel, 1996]. В этом случае метафоризация происходит полностью за счет предложного сочетания, т.е. без участия глагола.

СОБЫТИЙНАЯ МЕТАФОРА ПОЛОЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ. КОГНИТИВНАЯ СХЕМА КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ». ФРЕЙМ КАК СХЕМА МЕТАФОРИЗАЦИИ

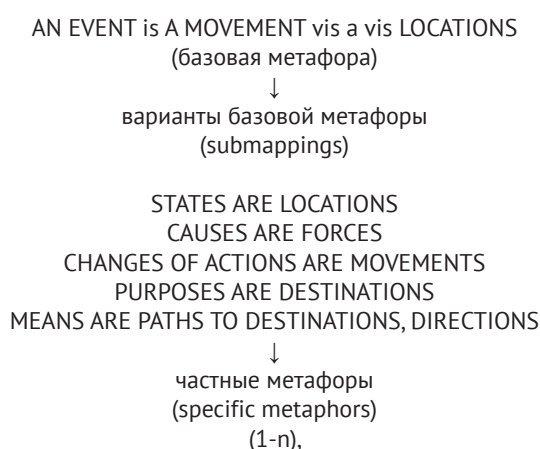
Структуру ситуации, вербализованной посредством метафоры, также можно представить в виде фрейма. Теория концептуальной метафоры предполагает существование целой системы концептуальных метафор, которая известна как EVENT STRUCTURE METAPHORS (ESMs) (событийные метафоры).

По мнению Дж. Лакоффа [Lakoff, 1993], событийные структурные метафоры (EVENT STRUCTURE METAPHORS) проецируют различные аспекты ситуации, включая состояния, изменения, процессы, действия, причины, цели и средства, на пространство, движение и силу. Каждый из этих аспектов понимается в терминах наших знаний о движении (перемещении) в пространстве (motion-in-space) [Roush, 2016].

Особенностями событийной структурной метафоры выступает то, что 1) она является базовой, сложной и 2) имеет систематизированный характер. Одним из аспектов ее систематизированной

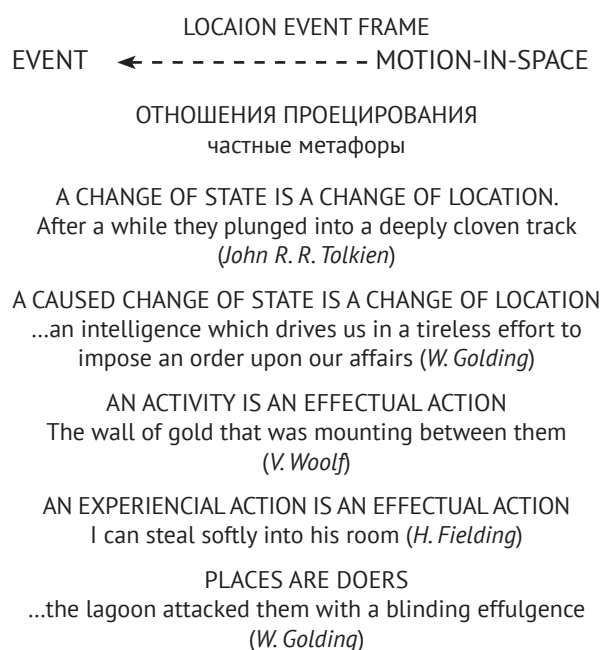
природы считается иерархическая организация, в которой частные варианты наследуют черты двух базовых доменов-источников, организующих концептуальную структуру событий: (1) *movement vis a vis – locations*; (2) *possession of objects*. Отсюда ESMs организованы в две системы, или группы: *Location branch (положение)* и *Object branch (объект)*.

Location ESM (метафора положения в пространстве) основана на отношениях между доменом-источником (motion-in-space) и доменом-целью (events). В этом случае структура метафоры Location ESM, следуя М. Тавернье [Taverniers, 2002], может быть представлена как:

где вариант базовой метафоры STATES ARE LOCATIONS по данным исследовательской практики является наиболее продуктивным.

Соответственно, событийный фрейм положения (Location Event Frame) будет включать два домена: домен источник (motion-in-space) и домен-цель (events):

В таких случаях отношения проецирования между доменом-источником и доменом-целью могут осуществляться предикатно-аргументными структурами, т. е. грамматическими конструкциями в понимании теории грамматических конструкций (C_xG) (см. выше). При этом домен-источник может выражаться глаголом. Именно глагол в нашем случае навязывает признаку «состояние» свойства нестабильности, временности, склонности к изменению. Однако при ведущей роли глагола важны все компоненты структуры, т. е. метафора может реализоваться всей конструкцией в целом.

Принимая тезис об интерпретирующей функции языка [Болдырев, 2016] и возможности представления языковых механизмов формирования смысла как частных когнитивных моделей (схем), мы предложили когнитивную модель концепта «состояние», в которой виды состояния (физическое, психологическое, вовлеченность в движение и вовлеченность в действие), пересекаясь и сопрягаясь с общими концептами «время» и «пространство» и статальными характеристиками (стабильность, акцидентальность (временный характер признака), изменчивость, нелокализованность во времени и локализованность в пространстве) создают концептуальные характеристики, составляющие содержание концепта «состояние» [Сорокина, 2018]. Они реализуют основную когнитивную структуру концепта «носитель состояния + статальные характеристики». Например такие компоненты, как

- 1) физическая стабильность (статичность): *The curtains are always drawn*;
- 2) психологическая акцидентальность: *She was angry with her little son*;
- 3) психологическая потенциальная изменчивость: *He is getting sad*;
- 4) акцидентальная вовлеченность в движение / деятельность: *Help get the boat afloat*;
- 5) вовлеченность в движение / деятельность, нелокализованная во времени: *The boat had been adrift for hours before Tom fastened it*;
- 6) вовлеченность в движение / деятельность, локализованная в пространстве: *They laughed the man out of the room* и др.

Отсюда, основные характеристики концепта «состояние» могут реализоваться как содержание одного из доменов событийного фрейма, где при метафоризации домен-источник (motion-in-space) выражает разного рода когнитивные компоненты статальной ситуации: в нерезультативных конструкциях – физическое состояние, вовлеченность в движение, вовлеченность в действие, а в результативных конструкциях – физическое состояние, психологическое состояние, вовлеченность в движение, вовлеченность в действие. При этом в обеих конструкциях преобладают «вовлеченность в движение» и «вовлеченность в действие», а наиболее частотными метафорами являются:

A CHANGE OF STATE IS A CHANGE OF LOCATION,
AN ACTIVITY IS AN EFFECTUAL ACTION и AN
EXPERIENCIAL ACTION IS AN EFFECTUAL ACTION.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как указывалось выше, фрейм как когнитивная схема организуется вокруг какого-либо концепта. Разновидность метафоризованного событийного фрейма, передающего концептуальные характеристики концепта «состояние», имеет вид Location Event Frame. Проведенное исследование позволило представить метафоризованный событийный фрейм положения (Location Event Frame), реализующийся в конструкциях нерезультативного и результативного состояния как систему отношений (проекций) между доменом-источником и доменом-целью. Эти отношения, по сути, являются рядом частных метафор, наследующих главную базовую метафору AN EVENT is A MOVEMENT vis a vis LOCATIONS и ее наиболее продуктивный вариант STATES ARE LOCATIONS. При этом домен-источник выражает разного рода статальные характеристики, которые проецируются на домен-цель. Таким образом, когнитивная схема событийного фрейма Location Event Frame представляет собой систему когнитивных компонентов статальной ситуации, участвующих в процессе метафоризации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокина Т. С. Концепт «состояние» как гештальт и когнитивная схема языковой интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 10 (803). С. 161–174.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.

3. Fillmore Ch. Case for case reopened // Syntax and semantics 8: Grammatical relations. New York: Academic Press, 1977.
4. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. № 2. Vol. 22. P. 133–187.
5. Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.
6. Sullivan K. Grammar in Metaphor: A Construction Grammar Account of Metaphoric Language: PhD Dissertation. University of California, Berkeley, 2007.
7. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / сост. В. В. Петрова; пер. с англ. яз. ; под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003. Updated edition.
10. Panther K.-U., Thornburg L. On figuration in grammar // Metonymy and metaphor in grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 1–45.
11. Fillmore, Ch. Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies // Language Processing in Social Context. Amsterdam: Elsevier, 1989. P. 17–38.
12. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: The University of Chicago Press, 1995.
13. Boas H. A Constructional Approach to Resultatives. Stratford: CSLT Publications, 2003.
14. Israel M. The Way Constructions Grow. // Conceptual Structure, Discourse and Language. Stanford, CA: CLSI, 1996. P. 217–230.
15. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
16. Roush D. The Expression of the Location Event-Structure Metaphor in American Sign Language // Sign Language Studies. Gallaudet University Press, 2016. № 3. Vol. 16. P. 389–432.
17. Taverniers, M. Metaphor // Handbook of Pragmatics / ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman, J. Blommaert, Ch. Bulcaen (eds.). Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 1–40.
18. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. Вып. 4. С. 10–20.

REFERENCES

1. Sorokina, T. S. (2018). Concept “State” as Gestalt and a Cognitive Schema of Linguistic Interpretation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(803), 161–174. (In Russ.)
2. Minsky, M. (1979). A framework for representing knowledge, transl. by O. N. Grinbaum, ed. by F. M. Kulakov. Moscow: Energiya. (In Russ.)
3. Fillmore, Ch. (1977). Case for case reopened. Syntax and semantics 8: Grammatical relations. New York: Academic Press.
4. Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual Integration Networks. Cognitive Science, 22(2), 133–187.
5. Boldyrev, N. N. (2007). Knowledge representation in the system of language. Issues of Cognitive Linguistics, 4, 17–27. (In Russ.)
6. Sullivan, K. (2007). Grammar in Metaphor: A Construction Grammar Account of Metaphoric Language: PhD Dissertation. University of California, Berkeley.
7. Deik, T.A. van. (1989). Jazyk. Poznanie. Kommunikacija: collection of works by T.A. van Deik ; compiled by V.V. Petrov, transl. from English and ed. by V. I. Gerasimov, foreword by Ju. N. Karaulov, V.V. Petrov. Moscow: Progress. (In Russ.)
8. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press.
9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2003. Updated edition.
10. Panther, K.-U., Thornburg, L. (2009). On figuration in grammar. In Metonymy and metaphor in grammar (pp. 1–45). Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
11. Fillmore, Ch. (1989). Grammatical Construction Theory and the Familiar Dichotomies. Language Processing in Social Context (pp. 17–38). Amsterdam: Elsevier.
12. Goldberg, A. (1995). Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: The University of Chicago Press.
13. Boas, H. (2003) A Constructional Approach to Resultatives. Stratford: CSLT Publications.
14. Israel, M. (1996). The Way Constructions Grow. Conceptual Structure, Discourse and Language (pp. 217–230). Stanford, CA: CLSI.

15. Lakoff, G. (1993). The contemporary theory of metaphor. In A. Ortony (ed.), *Metaphor and thought* (pp. 202–251). Cambridge University Press.
16. Roush, D. (2016). The Expression of the Location Event-Structure Metaphor in American Sign Language. *Sign Language Studies*, 16(3), 389–432.
17. Taverniers, M. (2002). Metaphor. In: Verschueren, J., Östman, J.-O., Blommaert, J., Bulcaen, Ch. (eds.), *Handbook of Pragmatics* (pp. 1–40). Amsterdam: Benjamins.
18. Boldyrev, N. N. (2016). Kognitivnye shemy jazykovoj interpretacii = Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 10–20. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Татьяна Сергеевна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorokina Tatiana Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language
 Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	21.11.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	23.12.2022	
	27.01.2023	

Научная статья

УДК 81'34

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_129

Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты

Н. Б. Цибуля

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

cybnb@mail.ru

Аннотация. В статье приведены результаты эксперимента на основе перцептивного и акустического методов анализа с применением современных компьютерных программ. Исследовалось соотношение просодических показателей различных видов антонимов и жестов-иллюстраторов со значением контраста в американском академическом дискурсе. Была выявлена высокая степень корреляции между жестами и просодией, не зависящая от вида антонимов и влияния гендерного фактора. Были определены инварианты жестов со значением контраста и их вариативность.

Ключевые слова: контраст, концепт, корреляция, просодия, жесты-иллюстраторы, телодвижения, антонимы

Для цитирования: Цибуля Н. Б. Жесты-иллюстраторы со значением контраста и их просодические корреляты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 129–135. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_129

Original article

Gestures-Illustrators with the Meaning of Contrast and Their Prosodic Correlates

Nadezhda B. Tsibulya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

cybnb@mail.ru

Abstract. The article contains the results of the experiment based on perceptual and acoustic methods of analysis and modern computer programs. The author studies relationship between prosodic parameters of different kinds of antonyms and gestures-illustrators with the meaning of contrast in American academic discourse. High degree of correlation between gestures and prosody does not depend either on the kind of antonym, or gender factor. Invariants and variants of gestures with the meaning of contrast are described.

Keywords: contrast, concept, correlation, prosody, gestures-illustrators, body movements, antonyms

For citation: Tsibulya, N. B. (2023). Gestures-Illustrators with the Meaning of Contrast and Their Prosodic Correlates. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 129–135. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_129

ВВЕДЕНИЕ

Проблема невербального общения и, в частности, его соотношения с речевым высказыванием является одной из актуальных на современном этапе и привлекает всё большее число ученых. Информативная важность обозначенной темы подчеркивается во многих исследованиях. Характеризуясь постоянным динамизмом и открывая тем самым новые возможности для изучения, проблема невербальной коммуникации представляет широкое поле деятельности для ученых.

В данной статье мы ставим *цель* проанализировать жесты-иллюстраторы со значением контраста и выявить их просодические корреляты, что составляет *новизну* работы.

«КОНТРАСТ» КАК КОНЦЕПТ

В когнитивной лингвистике понятие «концепт» используется в анализе процессов человеческого мышления, а также языковых единиц и структур, в которых отражаются эти процессы и закрепляется познавательный опыт человека. Одной из наиболее важных характеристик концептов является их бинарность, представляющая собой инструмент познания окружающей действительности.

Мышление человека, ассоциативное по своей природе, основано на различных видах соотношений между предметами, в том числе на ассоциировании по контрасту, на ментальной способности обнаруживать различия между признаками одного или нескольких явлений. Синонимами термина «контраст» являются «оппозиция», «противоположность», «противоречие», «противопоставление», «антипод», «полярность» и т. п.

В словарях находим следующие дефиниции термина «контраст»: «A term used in LINGUISTICS for a difference between units, especially one which serves to distinguish MEANINGS in a language... The principle of contrast is considered fundamental in linguistic analysis» [Crystal, 1996, с. 81].

В толковом словаре русского языка и в словаре иностранных слов контраст определяется как «резкая противоположность» [Ожегов, 1985, с. 251; Крысин, 2000, с. 391].

Аналогичные дефиниции находим в других справочных источниках, где контраст объясняется как различие или резко выраженная противоположность при сравнении объектов окружающей действительности или сопоставлении языковых единиц. В последнем случае, как подчеркивает Д. Кристал, принцип контраста является основополагающим для лингвистического анализа.

Репрезентация концепта «контраст» осуществляется на разных уровнях языковых структур. В *фонологии* – это прежде всего дистинктивные признаки фонем, позволяющие различать не только сами фонемы, но также слова и словоформы. Теория фонологических оппозиций разрабатывалась И.А. Бодуэном де Куртенэ, Ф. де Соссюром, представителями Пражского лингвистического кружка, Ленинградской и Московской фонологических школ.

В *интонологии* использование различных тематических тонов в одной и той же фразе выполняет дистинктивную функцию, выявляя контраст как между коммуникативными типами предложения, так и между модально-эмоциональными отношениями.

Употребление нисходяще-восходящего тона вместо нисходящего в английской фразе также придает ей противоположный смысл. Пример подобного контраста находим в классических трудах английских фонетистов, например, Г. Э. Пальмера. Так, фраза *He doesn't lend his books to anybody*, произнесенная с нисходящим тоном на слове *anybody*, означает «He lends his books to nobody». Однако, если слово *anybody* произносится с нисходяще-восходящим тоном, то фраза приобретает иной смысл – «He does lend his books to some people, although not to all» [Palmer, 1922].

В *лексикологии* понятия противоположности, контраста связаны с проблемой антонимии. К антонимам относят слова, характеризующиеся как категорией градуальности, так и ярко-выраженной бинарностью – крайним противопоставлением значений. К антонимам также относят конверсивы, представляющие ситуацию с разных позиций, например, *give – take*. Кроме этого, выделяются эквонимы, например, *brother – sister*, являющиеся гипонимами в отношении гиперонима *relative*. Наряду с антонимами, закрепленными в системе языка, в речи могут возникать контекстуальные антонимы, что является результатом авторской трактовки этих единиц как контрастных, противоположных. Отношения антонимии также прослеживаются в *стилистике* (стилистические приемы *оксюморона* и *антитезы*) и в *грамматике* (на уровне морфем, служебных слов и синтаксических конструкций) [Монахова, 2015].

Важно отметить, что концептуализация и категоризация явлений окружающего мира осуществляется не только посредством языка. Как подчеркивал выдающийся российский ученый В. М. Бехтерев, жесты пальцев, рук, различные телодвижения могут обозначать и отражать природу вещей, в том числе их пространственные характеристики, например, размеры, объем и другие свойства [Бехтерев, 1921].

Подобные функции выполняют жесты-иллюстраторы, используемые как самостоятельно, так и сопровождающие речь. Кроме пространственного описания предметов, они могут моделировать конкретные действия. К более сложным функциям иллюстраторов относится моделирование абстрактных понятий, в том числе контраста и противопоставления [Цибуля, 2015].

В целях исследования невербального поведения человека выделяются вертикальные линии тела, прежде всего центральную ось, на которой горизонтально располагаются плоскости исполнения жестов на уровне бедер, пояса (талии), груди, плеч, головы и выше головы [Bowden, 2010].

ЭКСПЕРИМЕНТ

Материал и методы исследования

Материалом эксперимента является академический дискурс – видеолекции американских профессоров по искусству, литературе, лингвистике, невербальной коммуникации, криминалистике, океанологии и т. д. [The Great Courses, 2011–2016].

В процессе эксперимента применялись следующие **методы**: комплексный перцептивный анализ, включающий аудитивный и визуальный виды анализа, исследование акустических параметров и сопоставительный анализ невербальных и просодических характеристик.

Для анализа были использованы **компьютерные программы** Praat (версия 6.2.13), VLC (версия 3.0.17.4), Sound Forge Pro (версия 16.0.161), Freemake Video Converter (версия 4.1.12).

Анализ примеров¹

1. Профессор Ш. Хирш (Sh. Hirsh) читает лекцию по искусству:

[We can be looking in this course at the span of Western art:]² from 'Europe | (левая рука находится на уровне пояса и движется влево) and 'later A'merica, | (правая рука на уровне пояса движется вправо), all the way from the 'Renaissance, } (обе руки движутся влево на уровне пояса) well, 'early 'Renaissance, } (движение

повторяется) 'to the \present (руки возвращаются в исходное положение – в центр «плоскости пояса»³).

В приведенном примере противопоставлены как пространственные (*Europe* и *America*), так и временные (*Renaissance* и *present*) соотношения. При этом слова *Europe* и *America* являются эквонимами (гипероним *part of the world*), а *Renaissance* и *present* представляют собой крайние точки временного континуума, между которыми находятся другие исторические периоды. Таким образом, *Renaissance* и *present* являются антонимами, характеризующимися градуальностью.

В обоих парах слов со значением контраста отмечается замедление темпа и расширение тонального диапазона. Синтагмы, выражающие противопоставление, отделяются средними или краткими паузами.

2. Специалист в области криминалистики Э. Мюррей (E. Murray) критикует Голливуд за неправдоподобное изображение преступлений:

[We'll see that Hollywood sometimes gets it dead wrong, especially in some things,] like \timing } (обе руки опущены и движутся влево) and \looks (обе руки опущены и движутся вправо).

Слова *timing* и *looks* не закреплены в системе языка как антонимы. Они выражают контраст в конкретном речевом высказывании и тесно связаны с контекстом в целом. Их можно отнести к индивидуально-авторскому противопоставлению, возникшему у говорящего на основе ассоциативных связей между разнородными понятиями, описывающими данную ситуацию.

Использование невербальных средств усиливает эффект контраста. Слова *timing* и *looks* подчеркиваются не только разновекторными жестами рук, но также синхронными наклонами головы влево и вправо.

Просодические средства четко структурируют высказывание – синтагмы отделяются краткими паузами, а на словах *timing* и *looks* происходит замедление темпа и расширение тонального диапазона.

3. Профессор литературы Д. Амстронг (D. Armstrong), подчеркивает разнородные свойства объектов, такие как *hot* и *cold*, выражающие температурный контраст:

Cappuccino is 'hot, } \snow is 'cold, } and it's the \contrast that \grabs our at\ention.

¹Примеры 1–5 даны из лекций, прочитанных женщинами, примеры 6–10 – из лекций, прочитанных мужчинами.

²Зд. и в следующих примерах в квадратных скобках приводится широкий контекст высказывания без разметки интонации.

³Термин «плоскость пояса» аналогичен термину «Truth Plane», введенному М. Боуденом [Bowden, 2010].

Слова *hot* и *cold* относятся к группе антонимов, обладающих градуальностью и зафиксированных в словарях [Комиссаров, 1964; Oxford Thesaurus of English, 2009]. На этих словах происходит замедление темпа и расширение тонального диапазона. Левая рука движется влево, голова слегка поворачивается влево (*hot*); правая рука движется вправо, голова слегка поворачивается вправо (*cold*). В третьей синтагме лектор вербально указывает на контраст между двумя состояниями, который привлекает наше внимание. При этом вся синтагма произносится в замедленном темпе, а слова, выделенные нисходящими тонами (*contrast, grabs, attention*), подчеркиваются акцентирующими жестами рук.

4. Профессор Х. Харвей (H. Harvey) обучает искусству профессионального рассказа:

[Your story ... gives you a sense of purpose and identity, and continuity between] the 'past and the 'present.

Слова *past* и *present* являются членами триады антонимов *past – present – future* и относятся к системе языка [Oxford Thesaurus of English, 2009]. Произнесение *past* и *present* характеризуется замедлением темпа, расширением мелодического диапазона и увеличением громкости. Невербально они акцентируются мануальными жестами на уровне пояса – обе руки движутся влево (*past*), а затем обе руки движутся вправо (*present*).

5. Хирург-кардиолог профессор М. Гварнери (M. Guarneri) рассказывает об одном эксперименте:

The 'men were 'bi,opsied be'fore, and they were 'bi,opsied a'gain ,after the 'three-/month 'lifestyle 'inter'vention [What was found was amazing. This is only a three-month intervention, to turn off prostate cancer genes.]

В этом примере на просодическом уровне ярко выделяются слова *before* и *again*, не являющиеся собственно антонимами. Они отмечены значительным замедлением темпа и расширением мелодического диапазона. Синтагмы, выражающие контраст, отделяются средними по длительности паузами. Предлог *after* (антоним предлога *before*) не выделен ни просодическими, ни кинесическими средствами. Очевидно, что, с точки зрения кардиолога, важным оказывается вновь проведенное обследование, на чем она акцентирует внимание (*biopsied again*), а не время его проведения. Поэтому в данной ситуации представлены контекстуальные антонимы – *before* и *again* – в соответствии с установкой говорящего.

Синтагма *The men were biopsied before* сопровождается жестом обеих рук на уровне груди вправо, а при произнесении синтагмы *and they were biopsied again* лектор совершает аналогичный жест влево. Затем руки говорящего возвращаются в исходное положение – в центр «плоскости пояса».

Предлог *after* служит фоном, на котором лектор подчеркивает небольшую продолжительность эксперимента, имеющего положительные результаты – произнесение *three-month* характеризуется замедлением темпа, расширением мелодического диапазона и сопровождается жестом-иллюстратором со значением «три».

6. Профессор философии М. Мюэс (M. Muesse) обсуждает режиссерскую трактовку некоторых сцен фильма:

[At first I found it interesting to learn why the director took a certain angle on this particular shot or] why 'this 'scene 'was 'juxtaposed to 'that one.

В этом примере словосочетание *this scene* противопоставляется словосочетанию *that one*. Указательные местоимения *this* и *that*, имеющие прямо противоположные значения, характеризуются замедлением темпа, расширением тонального диапазона и увеличением громкости.

Первая синтагма *why this scene* акцентируется интенсивным жестом обеих рук влево, одновременно голова немного поворачивается в том же направлении. Вторая синтагма *was juxtaposed to that one* сопровождается зеркальными движениями, т. е. вправо.

7. Профессор психологии Р. Сигель (R. Siegel) рассказывает, как он однажды ехал обычным маршрутом по Массачусетской магистрали и внезапно понял, что едет в прямо противоположном направлении:

→And 'suddenly I ,realized I was ,going 'West rather than 'East on the ,Massa, chusetts 'Turnpike.

Слова *West* и *East* выражают пространственные противопоставления и являются эквонимами (гипероним *part of the world*), зафиксированными в словаре [Oxford Thesaurus of English, 2009]. Они выделяются замедленным темпом и расширенным мелодическим диапазоном.

Используя жесты рук на уровне груди, легкие наклоны головы и тела, лектор акцентирует обе синтагмы. Движения правой руки, головы и тела вправо сопровождают синтагму *was going West*, движения левой руки, головы и тела влево – синтагму *rather than East*.

8. Специалист в области невербальной коммуникации, профессор М. Фрэнк (M. Frank) указывает на некоторые особенности невербального общения:

[This also means we're less in control of our nonverbal communication.] We \can't turn it ↗on} and ↗off.} We \can't ↗blush} we \can't stop ↗sweating at a \moment's \notice.

В первой фразе глаголы *turn on* и *turn off* являются антонимами, зафиксированными в языковой системе [Oxford Thesaurus of English, 2009]. Во второй – глаголы *blush* и *sweat*, не являющиеся собственно антонимами, можно охарактеризовать как окказиональные противопоставления, основанные на ассоциативных связях говорящего и связанные с контекстом в целом.

На словах со значением контраста – *on*, *off*, *blush*, *sweating* – наблюдается замедление темпа и расширение диапазона голоса.

При произнесении *can't turn it on* говорящий использует жест левой руки на уровне груди и синхронное с ним телодвижение, направленные влево. Произнося *off*, он совершает зеркальные движения. Аналогичным образом подчеркивается контраст во второй фразе. Жест левой руки в плоскости груди и общее телодвижение, направленные влево, акцентируют первую синтагму *We can't blush*. При произнесении говорящим второй синтагмы *We can't stop sweating* наблюдаются зеркальные движения.

9. Профессор Х. Тобин (H. Tobin) рассказывает о задачах в области исследования океана:

And \that just \means the \study →of } not the \current,state of \ocean} but the \past \state of the \ocean.

Слова *current* и *past* являются системными языковыми антонимами [там же]. Они выделяются в речи говорящего замедлением темпа, увеличением громкости и расширением тонального диапазона.

На невербальном уровне противопоставляются синтагмы, содержащие антонимы. Так, синтагма *not the current state of ocean* выделяется жестом обеих рук и легкими движениями тела вправо. Синтагма *but the past state of the ocean* акцентируется зеркальными движениями рук и тела, т. е. влево.

10. Педагог, профессор М. Гайсен (M. Geisen), лауреат национальной премии США «Учитель года – 2008», известен также курсом лекцией «Как стать студентом-суперзвездой» («How to Become a SuperStar Student»). В непринужденной манере он дает различные рекомендации, как достичь этой цели, например:

You're either ↗smart} or you're \not.

В приведенном примере противопоставляются синтаксические конструкции первой и второй синтагм. В данном случае критерием антонимичности является «аффирмативность / негативность» [Монахова, 2015].

На просодическом уровне слова *smart* и *not* выделяются замедлением темпа, увеличением громкости и расширением тонального диапазона. На невербальном уровне они акцентируются синхронными движениями обеих рук, тела и наклонами головы влево (*smart*) и вправо (*not*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный эксперимент позволил сделать определенные выводы.

1. Значение контраста на уровне невербальных средств общения выражается прежде всего последовательным использованием разновекторных жестов рук, т. е. сначала в одном направлении, а затем в противоположном. При этом отправной точкой является центр горизонтальной плоскости (на вертикальной оси), на которой исполняются жесты. Завершив движения, говорящий возвращает руки в исходное положение.

2. Инвариантом движений со значением контраста являются пары разновекторных мануальных жестов. Вариативность этой группы жестов заключается в синхронном использовании наклонов головы и / или наклонов тела.

3. Вид антонимов не влияет на характеристики жестов-иллюстраторов. На невербальном уровне отношения контраста одинаково представлены как при произнесении антонимов, зафиксированных в языковой системе, так контекстуальных, индивидуально-авторских противопоставлений.

4. Использование жестов этой группы в академическом дискурсе усиливает пространственные противоположения (*Europe – America, West – East*) и временные различия (*past – present, past – current*); подчеркивает контраст в ощущениях человека (*hot – cold*) и разнонаправленные действия (*turn on – turn off*); акцентирует антонимичность синтаксических конструкций (*you are or you are not*) и др.

5. Противопоставление также находит воплощение на просодическом уровне. По сравнению с остальной частью высказывания слова со значением контраста выделяются замедленным темпом, расширением мелодического диапазона и увеличением громкости. Синтагмы отделяются друг от друга паузами различной длительности.

6. Между просодическими показателями антонимов и жестами, сопровождающими произнесение этих слов, выявляется устойчивая корреляция. Антонимы, выделенные просодией, всегда акцентируются разновекторными жестами, усиливающими эффект контраста.

7. Как показывает анализ примеров из лекций профессоров как женщин, так и мужчин, гендерный фактор не влияет на характеристики жестов-иллюстраторов со значением контраста. В речи лекторов, независимо от их гендерной

принадлежности, противопоставления всегда выделяются замедлением темпа и расширением тонального диапазона. Они неизменно сопровождаются разновекторными жестами-иллюстраторами.

8. Разновекторность жестов (вправо–влево), отражающая контраст между понятиями и предметами, в первую очередь связана с противоположением левой и правой сторон человеческого тела, имеющих различные, нередко взаимоисключающие функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1996.
2. Ожеров С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2000.
4. Palmer H. E. English Intonation with Systematic Exercises. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1922.
5. Монахова Е. В. Лингвистические средства и когнитивные основания выражения контраста // Таврический научный обозреватель. Филологические науки. 2015. № 2. С. 64–67.
6. Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Петроград: Издательское товарищество «Колос», 1921.
7. Цибуля Н. Б. Динамический аспект жестов и просодии (на материале британского и американского вариантов английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 22 (733). С. 162–169.
8. Bowden M. Winning Body Language. New York: McGraw Hill, 2010.
9. The Great Courses. Virginia, Chantilly: The Great Courses, 2011–2016.
10. Комиссаров В. Н. Словарь антонимов современного английского языка / сост. В. Н. Комиссаров. М.: Международные отношения, 1964.
11. Oxford Thesaurus of English. Oxford: Oxford University Press, 2009.

REFERENCES

1. Crystal, D. (1996). A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 3rd ed. Oxford: Blackwell Publishers.
2. Ozhegov, S. I. (1985). Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language. Moscow: Russian language. (In Russ.)
3. Krysin, L. P. (2000). Tolkovyj slovar' inozazychnyh slov = Explanatory Dictionary of Foreign Words. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
4. Palmer, H. E. (1922). English Intonation with Systematic Exercises. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd.
5. Monahova, E. V. (2015). Lingvisticheskie sredstva i kognitivnye osnovaniya vyrazheniya kontrasta = Linguistic means and cognitive grounds of contrast explication. Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. Filologicheskie nauki, 2, 64–67. (In Russ.)
6. Bekhterev, V. M. (1921). Kollektivnaya refleksiologiya = Collective Reflexology. Petrograd: Izdatel'skoe tovarishchestvo "Kolos". (In Russ.)
7. Cibulya, N. B. (2015). Dynamic aspect of gestures and prosody (on the material of British and American English). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 22(733), 162–169. (In Russ.)
8. Bowden, M. (2010). Winning Body Language. New York: McGraw Hill.
9. The Great Courses. Virginia, Chantilly: The Great Courses, 2011–2016.
10. Komissarov, V. N. (1964). Slovar' antonimov sovremennogo anglijskogo jazyka = Dictionary of Modern English Antonyms, ed. by V. N. Komissarov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
11. Oxford Thesaurus of English (2009). Oxford: Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цибуля Надежда Борисовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

заслуженный профессор Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsibulya Nadezhda Borisovna

Doctor of Philology,

Associate Professor at the Department of English Phonetics

Faculty of the English Language

Professor Emeritus of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.11.2022
26.12.2022
27.01.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 82

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_136

Образ врача и его трансформация в произведениях А. П. Чехова

Дин Ихун

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия**Yihongding@yandex.ru*

Аннотация. Автор прослеживает трансформацию образа уездного врача в произведениях А. П. Чехова и анализирует ее причины. Цель исследования – охарактеризовать те качества личности, на которые обращает внимание писатель при создании образа врача. В работе используются системный, описательный, сопоставительный и культурно-исторический методы анализа. Материалом для исследования послужили рассказы «Ионыч», «Цветы запоздалые», а также пьесы «Дядя Ваня» и «Три сестры», в которых всесторонне раскрываются образы врачей. Для врачей в проанализированных произведениях характерны: стремление к материальным ценностям, лицемерие, эгоизм, пассивность, профессиональное выгорание и др.

Ключевые слова: А. П. Чехов, художественный образ, трансформация личности, врачебные ценности, индивидуализация

Для цитирования: Дин Ихун. Образ врача и его трансформация в произведениях А. П. Чехова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 136–143. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_136

Original article

The Image of a Doctor and its Transformation in the Works of A. P. Chekhov

Ding Yihong

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia**Yihongding@yandex.ru*

Abstract. The author traces the transformation of the image of the county doctor in the works of A. P. Chekhov, analyzes its causes. The purpose of the study is to characterize the personality qualities that the writer pays attention to while creating the image of a doctor. The work uses systematic, descriptive, comparative, cultural and historical methods of analysis. The material for the study was the stories «Ionich», «Belated Flowers», as well as the plays «Uncle Vanya» and «Three Sisters», in which the images of degrading doctors are comprehensively revealed. The characters-doctors in the analyzed works are characterized by: striving for material values, hypocrisy, selfishness, passivity, professional burnout, etc.

Keywords: A. P. Chekhov, artistic image of the hero, personality transformation, medical values, individualization

For citation: Ding, Yihong (2023). The Image of a Doctor and its Transformation in the Works of A. P. Chekhov. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 136–143. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_136

ВВЕДЕНИЕ

В русской литературе появление первых образов врачей приходится на XIX век, с момента начала которого их сущностная характеристика претерпевала множественные трансформации, напрямую связанные с развитием медицинской науки, расширением практики и изменениями историко-культурологического уклада. Вторая половина XIX и начало XX веков ознаменовались появлением в литературе образа врача, например, в произведениях А. П. Чехова, М. А. Булгакова, А. И. Куприна, Б. Л. Пастернака и др. Изменение представлений об образе врача становится одним из оснований для возникновения глубокого интереса к медицинской проблематике с точки зрения человеческой личности, внутренних ценностей и стремлений.

Особенно примечательным становится видение изменений в творчестве А. П. Чехова, который был не только выдающимся писателем, но и имел медицинскую практику. А. П. Чехов в своих произведениях уделял большое внимание позиции врача, раскрывал гуманный характер этой профессии, ориентированный на построение тесных взаимоотношений с людьми и стремление помочь физически и духовно пациенту. Будучи выдающимся русским писателем и практикующим врачом, А. П. Чехов смог, привнося и перенося на творчество свой практический опыт, детально проработать образы рисуемых им героев, добиться правдоподобности их изображения и наделить их всеми теми чертами характера, которые он наблюдал в повседневности. Прозаик формирует порой противоречивые и сложные для восприятия личностные установки героев, грамотно отражая профессиональные качества врача.

А. П. Чехов не отрицал влияния на его литературную деятельность медицинского образования: на стыке с творчеством его практические знания стали основой для расширения «области наблюдений», «обогащения знаний» [Чехов, 1979], истинное предназначение которых, по мнению А. П. Чехова, доступно только врачам. Применяя аналитические и методологические знания, писатель смог максимально детально и правдоподобно изобразить врачей, определить мотивы их деятельности и намерения.

Среди таких знаний наиболее важным для А. П. Чехова стал метод профессора Г. А. Захарьина, его учителя на медицинском факультете Московского университета, суть которого заключалась в индивидуализации каждого встречающегося в практике случая, поиске особого подхода к пациенту. Переноса это на литературное творчество, А. П. Чехов четко определил представления о положительных и отрицательных проявлениях

личности персонажей, индивидуализируя каждый случай, он сформировал характерные черты собственной поэтики [Зубарева, 2018].

Так, образы врачей в творчестве писателя стали отражением его взглядов, профессионально-этических принципов и ценностей, восприятия гуманной сущности и назначения их деятельности, места и роли в социуме. Как верно замечает Х. И. Идельчик, реалистичное творчество передового врача А. П. Чехова выражает «правильный взгляд» на социальные проблемы русского общества [Идельчик, 1954].

Вопросы определения роли медицинской науки, деятельности самих врачей – героев произведений А. П. Чехова – отражены в ряде исследований начала XX века: Г. П. Задера (1905), С. И. Иванова (1904), П. И. Куркина (1911), Г. И. Россолимо (1905), М. А. Штерна (1904) и др. Примечательно, что многие из этих авторов имели медицинское образование.

В последующем тема отражения медицинской профессии в творчестве А. П. Чехова неоднократно появлялась в критической литературе: Е. Д. Ашурков (1960), И. М. Гейзер (1954, 1955), М. Б. Мирский (2003), Д. С. Мирский (2005), Н. А. Роскина (1976) и др.

Изучение образов врачей и освещение медицинской тематики в творчестве А. П. Чехова позволяет раскрыть представления писателя о психологии человека, значении науки и месте врача в жизни социума.

ЛИЧНОСТЬ СТАРЦЕВА В РАССКАЗЕ «ИОНЫЧ»

В рассказе А. П. Чехова «Ионыч» (1898) описывается процесс социального выгорания уездного врача, влияние однообразной рутинной практики в течение многих лет на характер человека и возникающие на этом фоне трансформации личности. Несбывшиеся мечты и неудачи в личной жизни, однообразное провинциальное существование изменили мироощущение человека, заставили расстаться с идеалистическими представлениями о профессии врача.

«Ионыч» – это история о том, как одна неудача сломила человека, обнажила потаенные черты его характера, отразила ранее скрываемые склонности и привела к изменению личности. Отказ от брака со стороны Котика, четко обусловленный и понятный главному герою одноименного рассказа, изначально воспринимающийся неоднозначно, осторожно и противоречиво, стал одной из причин изменений земского врача Старцева.

Единственное, что неизменно в Ионыче на протяжении всей истории, – это его работа земским врачом. Однако меняется его восприятие общества. В начале произведения герой представляется

читателю как человек новый, интересный, но с годами он начинает восприниматься окружающими как ворчливый, недовольный, желчный человек. Окружающие стремятся угодить ему, однако, чем он это заслужил? Почему он ставит себя выше других, считает свою жизненную позицию и свои представления о ценностях истинными? Доктор Старцев оказался заложником жизненных обстоятельств, причем сформированных им самим. В результате всё это негативно сказывается на человеке, притупляет его способности и, непременно, отражается на личностных качествах.

Образ доктора Старцева первоначально не рассматривался А. П. Чеховым как эталонный. Хотя писатель и не приписывал герою четко выраженные негативные качества, он акцентировал внимание на отдельных их проявлениях, которые в совокупности создают образ литературного произведения. В момент, когда при болезни Веры Иосифовны, мамы Котика, Ионыч приезжает в дом Туркиных, им движут не высокие моральные установки (оказать медицинскую помощь человеку), а желание увидеть Катерину. Хотя автор не останавливается на этом проявлении подробно, оно заставляет читателя задуматься о возможных будущих изменениях в характере героя.

Важная роль в раскрытии образа доктора Старцева отводится прямой связи между состоянием души и внешними изменениями: он набирает лишний вес, меняется голос, становится более тонким, в руках появляется трость – сопровождаются как духовными трансформациями (изменяются привычки героя, интересы, поведение), так и в отношении к работе. Аналогичной позиции придерживается М. Ч. Ларионова, которая отмечает, что «...физическое нездоровье Ионыча – это отражение его нравственного нездоровья» [Ларионова, 2010, с. 169]. Хотя герой изначально и противится этим изменениям, но со временем он уже не в силах остановить их – отказ от идеи бороться с лишним весом становится переломным моментом в жизни героя, за которым следует постепенная трансформация его личности, что находит отражение в потере целей и стремлений юности. Не стоит объяснять все изменения личности отказом Екатерины: он лишь стал триггером для их проявления. В первую очередь это безынициативность и отсутствие стремления к самосовершенствованию, духовному развитию, которые четко проявляются в образе Ионыча. Он слаб характером, нерешителен, а принимая решения, медлителен – не таким А. П. Чехов видит настоящего врача. По мнению писателя, врач должен следовать своему долгу, быть оперативным и предприимчивым, уметь применять свои умения и знания в соответствии с конкретной ситуацией.

Старцеву не свойственно сожаление об произошедших изменениях. Утешая себя мыслью «А хорошо, что я на ней не женился» (А. П. Чехов. *Ионыч*. 1977). Ионыч выстраивает мнимую картину собственного счастья. Если герой и проявляет недовольство, то он отнюдь винит не себя, а обстоятельства, город, который делает, по его мнению, даже самых талантливых людей бездарными. Как город мог повлиять на Ионыча? Город с его провинциальным бытом стал условием, средой изменения того светлого, инициативного и помогающего окружающим врача. Ионыч считает, что он не мог ничего изменить, хотя и не предпринимал никаких попыток для этого. По нашему мнению, возможность предупредить подобное развитие существовала, Ионыч сам не хотел того, но он принял обстоятельства, проявил мягкохарактерность, которая не «к лицу», с позиции А. П. Чехова, истинному врачу.

Вероятно, писатель в рассказе стремился выявить те качества врача, которые стоит предупреждать в профессиональной деятельности, избегать их, параллельно развивая в себе полностью противоположные стандарты. А. П. Чехов детально останавливается на описании внешности и поведения персонажа в начале и в конце рассказа. Сравнивая их, можно понять, что изменилось не всё: многие черты просто развились в результате долгой работы и одной неудачи – но она не переломная, она лишь толчок к проявлению сущности Ионыча. Для А. П. Чехова ключевыми негативными качествами врача становятся такие, как безынициативность, податливость, равнодушие, противоречивость, ориентация на материальное, нежелание выслушать пациента. В сцене, когда Ионыч раздражается на пациента, А. П. Чехов показывает, что как врач он не готов выслушать и понять больного, понять его желания и разделить его боль. К тому же здесь достаточно четко проявляется убеждение автора в необходимости соблюдать врачом профессиональную этику. Это видно и в повседневном отношении Ионыча к окружающим. Старцев против либеральных настроений, сравнивая их с реальным убийством. Это происходит только потому, что он не готов к изменениям, его устраивает нынешнее положение дел, и он не может понять стремлений других. По мнению А. П. Чехова, врачу должны быть свойственны оперативность и гибкость в принятии решений – эти качества невозможно рассмотреть в равнодушном Ионыче.

С другой стороны, понять можно и Ионыча, если обратиться к мыслям о влиянии города, действительно, можно сказать, что всему виной те условия, в которые он попал. Эти условия, которые в итоге стали для Ионыча «каторгой», поначалу ему нравились. Так, сравнивая «культурную» обстановку с проведением времени в Дялиже, Ионыч отдавал

предпочтение культурной атмосфере. Но возникает вопрос, почему он не противостоял провинциальным нравам, не пытался изменить их? А. П. Чехов показал негативное влияние города в начале произведения, и город неизменен, как и люди, так и обстановка в нем. Символом неизменности и постоянства выступают камни, которые сыплются и сыплются; Екатерина, которая постоянно ударяет по клавишам; ее отец, который неоднократно воспроизводит одни и те же действия, повторяет одни и те же шутки. В начале рассказа Ионычу всё в новинку: обстановку в семье Катерины он находит приятной и новой для себя. Со временем повседневность города С. затягивает его, а он, в свою очередь, принимает ее и вписывается в жизнь города. Особое внимание уделяется стабильности, которая для врача становится одним из условий последующего выгорания. Всё это наталкивает на мысль о том, что бытовая среда провинциального города поглотила Ионыча. Он настолько вписался в обстановку вокруг себя и влился в нее, что стал ее неотъемлемой частью. Источник его трансформации – отсутствие профессионального роста, личностные качества самого Ионыча, его лень, влияние среды и обстоятельств.

РАСКРЫТИЕ ОБРАЗА ТОПОРКОВА В ПОВЕСТИ «ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ»

В произведении «Цветы запоздалые» образ врача Топоркова дан А. П. Чеховым неоднозначно. Герой предстает перед читателем вполне неплохим профессионалом. Читатель знакомится с героем исходя из мнения окружающих: Маруси, Егорушки и их матери, – а также непосредственных действий и поступков Топоркова.

Первоначально складывается образ Топоркова как точного, стремительного, решительного, статусного, надменного, спокойного и холодного человека. А. П. Чехов описывает героя как богатого красавца, принятого высшим обществом, и не лечащего пациентов, если они принадлежат к низшим сословиям. При этом подробно описывается путь Топоркова от сына крепостного до высокопрофессионального врача. Несмотря на свое происхождение, Топорков смог пройти сложный путь и освоить врачебное дело. Но какой ценой?

Описание героя не позволяет составить однозначную характеристику. В поведении Топоркова не осталось профессиональной этики, желания найти контакт с окружающими – при общении с пациентами он использует исключительно медицинские термины, что подчеркивает его

оторванность от окружающей реальности. Даже представители высшего общества не понимали речей и действий Топоркова. Врач сам диктует условия, не чтит чужих правил, не стремится найти общего языка с окружающими. Он не замечает никого вокруг себя, чувства и переживания людей ему не интересны.

Достаточно четко прослеживается его отношение к окружающим. Топорков ставит себя выше других, однако изначально не раскрываются мотивы его поведения. Сеем предположить, что дело в изменившемся статусе. Так, вместе с получением профессии, приобретением опыта, погружением в медицинские книги, а также формированием своего капитала Топорков теряет те качества, которые были присущи ему ранее. Теперь он не был похож на того «сорванца», получавшего розгами от князя, теперь он был иным человеком, он стал выше всего этого, и настолько выше, что отказался от своего прошлого, своих корней. Его прием как врача и работа стоят дорого: это свидетельствует, с одной стороны, о том, что он ставит материальное превыше всего, с другой – о том, что он высоко оценивает свой труд. Впоследствии становится известно, что врачу удалось скопить значительный капитал. Главным показательным моментом, в котором Топорков предстает как отрицательный персонаж, становится стремление найти жену, да и не только жену, но и весомое приданое, которое нужно для приобретения дома. В достижении целей Топорков действует с холодной расчетливостью и уверенностью. Его безразличие приводит к тому, что душевное и физическое здоровье Маруси в результате длительных страданий и переживаний оказывается серьезно подорвано и что в результате приводит к ее смерти.

Тем не менее, несмотря на сложные чувства Маруси, образ героя-врача, спасшего ее и ее брата, воспринимается ею положительно. Героиня оправдывает все недостатки Топоркова, характеризуя его как «холодного», «бесстрастного», «умного», «надменного», «порядочного», «разумного». Однако Топорков не стремится проявлять положительные качества своей личности. Автор создает противоречивый образ врача, трансформация личности которого не раскрывается вплоть до кульминации произведения. До определенного момента его и вовсе можно описать как отрицательный персонаж, поскольку лирическому герою чужды проявления эмоций. Он как «медицинская машина»: пунктуальный и точный, стремящийся вылечить, получить оплату и продолжить свою работу. Такая установка находит отражение в его состоянии: к концу произведения врач выглядит уставшим, мало спавшим. Впервые за все время Маруся отмечает, что лицо доктора потеряло свою

свежесть и выглядит уставшим. Изменения во внешнем облике сопровождаются резкой сменой настроения и поведения героя в последующем.

Признание Маруси в любви Топоркову, одновременно с ухудшением состояния ее здоровья и образом жизни, заставили врача задуматься о том, к чему он пришел. В этот момент Топорков возвращается к тем чистым чувствам, которые испытывал ранее, в своей молодости, когда у него не было ни финансового достатка, ни статуса в обществе. После признания Маруси в любви вся жизнь Топоркова прошла перед его глазами, он понял, как изменился:

Пятирублевки и десятирублевки, и ничего больше! Наука, жизнь, покой – всё отдано им. А они дали ему княжескую квартиру, изысканный стол, лошадей, всё то, одним словом, что называется комфортом (А. П. Чехов. *Цветы запоздалые*).

В молодости, будучи студентом, он голодал. Обращаясь в мыслях к тем временам, врач испытывает скорее теплые душевные чувства, на мгновение ему становится противным бархат вокруг, вся эта богатая вычурность.

С момента признания в любви Маруся обретает символический характер – Топорков видит в ней возможность изменить свою жизнь. Страдание девушки от болезни и малая вероятность того, что она сможет поправиться (даже доктор впервые оценивает свои возможности и подчеркивает, что он не в силах помочь справиться с ее недугом), вызывают у Топоркова желание и стремление излечить девушку несмотря ни на что, и тем самым спасти себя. Связь двух героев четко обозначается фразой: «Дайте мне чаю!», при помощи которой А. П. Чехов выстраивает зеркальную ситуацию: когда-то Топорков пил чай в доме Маруси и слушал, как она играет на рояли. Связь героев проходит тонкой нитью через всё произведение. За счет этого писатель формирует стремление лирического героя к спасению девушки.

Однако суровая реальность не прощает многолетнего равнодушия, и с потерей Маруси утрачивается возможность Топоркова вернуться к той жизни и к тому состоянию души, которыми были отмечены молодые годы.

Несмотря на смерть Маруси, герой возвращается к привычному укладу жизни с небольшими изменениями. Теперь врач взял к себе жить Егорushку, брата Маруси, и тратит на него все те пятирублевки, которые зарабатывает привычным трудом.

Таким образом, духовный упадок, стремление героя к социальным и материальным благам при непринятии чувств окружающих становятся факторами выгорания личности врача.

РАЗРУШЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ АСТРОВА В ПЬЕСЕ «ДЯДЯ ВАНЯ»

В пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» представлен образ положительного врача Астрова, который, помимо медицинской практики, занимается посадкой лесов и пытается защищать природу от пагубного влияния человека. Личность Астрова как врача раскрывается в разных аспектах на протяжении всего произведения. Первоначально А. П. Чеховым создается образ приятного и открытого человека с небольшими слабостями. Писатель не идеализирует Астрова, например, придает ему черты обычного человека, который иногда любит выпить. Происходит это, с его слов, раз в месяц, и обычно в этом состоянии врач, становится грубым и решительным. Это подтверждается и словами Елены Андреевны: «Он пьет, бывает грубоват», – однако сама же героиня подчеркивает, что талантливый человек, коим она признает Астрова, не может быть идеальным в условиях русской жизни, потому что «вокруг люди грубые, злые, недоверчивые, атмосфера не та». Вероятно, за счет подобных поступков мужчина пытается отгородиться от жизненных неудач: у него умер пациент на операционном столе – он винит себя за это. Состояние опьянения, как говорит сам Астров, позволяет ему прекрасно выполнять даже самые трудные операции. Опьянение рассматривается Астровым как возможность, пусть и временно, не замечать скучную, грязную обыденность жизни, а также избавляет его от боязни ошибок. Это показывает, что у Астрова происходит трансформация его жизненных ценностей и моральных установок. Герой не отказывается от врачебной практики, с профессиональной точки зрения полностью отдается своему делу. Астрову не свойственно профессиональное выгорание (как это было с Ионычем или Топорковым). Изменение его личности проявляется через разрушение миропонимания и мировидения. Постепенно Астров теряет свои жизненные ориентиры, растрчивает всё то, на что мог опираться и к чему мог стремиться. Сам герой в разговоре с Соней ставит под сомнение свое будущее, оканчивая короткий монолог фразой: «Но у меня вдали нет огонька» (А. П. Чехов, *Дядя Ваня*). Эта фраза однозначно указывает на осознание врачом того, что процесс уже запущен. Человек работает, ничего не замечая, только море труда, постоянные разъезды и профессиональная деятельность, он не успевает создать семью, утрачивает собственные ценностные ориентиры. Усугубляет эти утраты и привычка героя выпивать раз в месяц. В нетрезвом состоянии Астров начинает «рисовать самые широкие планы будущего» (А. П. Чехов, *Дядя Ваня*), он не видит себя «чужаком», обретает уверенность

в том, что он приносит «человечеству пользу». Вместо того чтобы фокусироваться на текущем и настоящем, он погружается в свои мечты и закрывает глаза на проблемы. Соня, вероятно, видит, как дурно действует на него алкоголь. После беседы об этом он даже дает ей обещание больше не пить, но нарушает его, обрекая себя на дальнейшее одиночество и потерю профессионализма.

Астров испытывает чувства к Елене Андреевне и, несмотря на ее замужество, продолжает добиваться ее. Тайные уголки характера Астрова проявляются не только в опьяненном состоянии, но и в его отношении к объекту внимания. Он не сдерживает себя и стремится к близости с Еленой, несмотря на ее четко обозначенную позицию. В итоге он частично преступает грань и страстно просит о встрече, если не сегодня, то завтра или когда угодно:

Приезжай завтра в лесничество... часам к двум... Да? Да? Ты приедешь? (А. П. Чехов. *Дядя Ваня*).

Однако Астров не замечает чувств другой женщины – Сони – и по просьбе самой Елены покидает поместье дяди Вани. Он признает, что не может полюбить и что его присутствие разрушает жизни тех, кто рядом. Но он всё еще не утратил интереса к женской красоте:

Постарел, заработался, испошил, притупились все чувства, и, кажется, я уже не мог бы привязаться к человеку. Я никого не люблю и... уже не люблю (А. П. Чехов. *Дядя Ваня*).

Примечательным кажется то, как А. П. Чехов сочетает чувства Астрова с состоянием окружающей природы. Когда герой молод и обладает определенными стремлениями, окрестности отличаются разнообразием растительного мира. Однако постепенно восприятие сужается и скучнее, что Астров констатирует лично. Отмечая изменения природы, он, сам того не замечая, постепенно истощается духовно. В разговоре с Войницким он признается, что становится хуже, обретает дурные качества:

Мы стали такими же пошляками, как все, – констатирует Астров (А. П. Чехов. *Дядя Ваня*).

Образ Астрова выстраивается из мельчайших деталей. Каждый самостоятельно формирует свои представления о герое. Один читатель может согласиться с мнением Астрова: во всем виновата среда; в его месячном отсутствии работы – он «бросил и свои леса, и медицину» – виновата Елена Андреевна; алкоголь делает его сильнее и придает уверенности в себе. Другой же читатель

скажет: любые проблемы обусловлены нежеланием самого героя признать и решить их. Астров не представляется Чеховым как человек мягкий, однако соотнося его образ с человеком, любящим и лелеющим природу, можно прийти к выводу, что врач отзывчив и внимателен ко всему живому.

В пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» трансформация героя происходит незаметно и проявляется не так сильно, как у героев других произведений. Тем не менее она находит свое выражение на духовно-личностном уровне, не затрагивая при этом профессионализма врача.

БЕЗРАЗЛИЧИЕ ВРАЧА КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПЬЕСЕ «ТРИ СЕСТРЫ»

В пьесе А. П. Чехова «Три сестры» представлен достаточно яркий образ врача Чебутыкина. Писатель акцентирует внимание читателя на повседневном укладе жизни врача, который после окончания университета не читает ни медицинские, ни какие другие книги, только газеты, не развивается ни духовно, ни профессионально, он только записывает те факты, которые кажутся ему интересными

Знаю по газетам, что был, положим, Добролюбов, а что он там писал – не знаю... Бог его знает... (А. П. Чехов. *Три сестры*).

На протяжении пьесы меняются природа, настроения и стремления всех героев, и только образ врача остается статичным. Первоначально он пытается скрыть чувство безысходности за фразами:

Я старый грешник (А. П. Чехов. *Три сестры*).
Для любви одной природа нас на свет произвела (А. П. Чехов. *Три сестры*).

Чебутыкин представляется искренне открытым человеком, не только принимающим свое текущее состояние, но и смирившимся с ним. Он говорит о себе:

Я старик, одинокий, ничтожный старик (А. П. Чехов. *Три сестры*).

Любовь только к трем сестрам – искреннее чувство глубоко немолодого человека, за которым скрываются ранее разбитые чувства к их матери: Чебутыкин в диалоге с Машей признается, что очень сильно любил их мать, но не знал взаимности.

Важной для понимания образа Чебутыкина является постоянно произносимая им фраза «Всё равно!», которая отражает глубокое безразличие героя и указывает на утрату им духовности и способности к переживаниям. Ее герой произносит и в незначительных ситуациях, например, когда Федор сбивает усы или когда врач должен проявить сострадание. В этом контексте А. С. Краковяк и С. А. Матяш указывают на сломенную скептическую жизнь врача, которая является следствием такого безразличия [Краковяк, Матяш, 2005]. Как врач Чебутыкин должен сохранять сострадание, однако он этого не делает. Противопоставляя Чебутыкина герою пьесы «Дядя Ваня» Астрову, можно заметить, что последний, в отличие от Чебутыкина, несмотря на деградацию личности, всё еще способен испытывать угрызения совести, сострадание. Астров мучается угрызениями совести от того, что на операционном столе погибает человек. Смерть барона на дуэли с Соленым воспринимается Чебутыкиным как что-то незначительное, отвлеченное от его реальности: газета, размеренный образ жизни и, вероятно, работа, к которой он приступит сразу после отъезда из имения.

Рутинность отражается на всем жизненном укладе врача: главной характеристикой Чебутыкина является безразличие, которое подчеркивается писателем на протяжении всего произведения. Безразличием отмечена и его последняя реплика, в которой дважды повторяется «коронная» фраза:

...Всё равно! Всё равно! (А. П. Чехов. *Три сестры*).

В результате читатель понимает, что возврат врача к прежнему состоянию не представляется возможным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, одним из наиболее характерных художественных образов в творчестве А. П. Чехова становится образ врача. Проведенный анализ позволяет подчеркнуть, что писатель достаточно чутко относится к тем изменениям и трансформациям, которым могут быть подвержены врачи в повседневности. Далеко не все герои проанализированных произведений растратили положительные качества. Например, Астров меняется духовно, но не профессионально – он всё еще сопереживает своим пациентам. Основными качествами врача А. П. Чехов считал гуманность, духовный рост, внимание к пациенту и сопереживание ему, соблюдение этики, профессионализм и готовность всегда прийти на помощь. Растрата этих качеств в проанализированных произведениях является отражением трансформации личности. Раскрывая этот процесс, А. П. Чехов определил основной посыл изменений, которые строятся на отчуждении и неготовности и / или нежелании прийти на помощь нуждающимся в ней людям, на приоритете материальных ценностей, проявлении эгоизма, пассивности. Эти качества становятся предпосылками к трансформации личности, которая представляется писателем как утрата духовности, профессиональное выгорание, потеря интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чехов А. П. Автобиография // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1979. Т. 16: Сочинения. 1881–1902.
2. Зубарева В. К. Чехов – основатель позиционного стиля в литературе // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. Т. 3. № 1. С. 54–69.
3. Идельчик Х. И. А. П. Чехов и русская общественная медицина (К 50-летию со дня смерти А. П. Чехова) // Гигиена и санитария. 1954. № 8. С. 7–10.
4. Ларионова М. Ч. Рассказ А. П. Чехова «Ионыч» в свете русской традиционной культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 165–172.
5. Краковяк А. С., Матяш С. А. Конфликт в драматургии А. П. Чехова и М. А. Булгакова («Три сестры» и «Дни Турбиных») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 1. С. 95–101.

REFERENCES

1. Chekhov, A. P. (1979). Avtobiografija. Polnoe sobranie sochinenij i pisem = Autobiography. Complete works and letters (vol. 5, Sochinenija. 1881–1902): in 30 vols. Moscow: Nauka. (In Russ.)

2. Zubareva, V. K. (2018). Chekhov – the founder of positional style in literature. Practices and interpretations: Journal of philological, educational and cultural research, 3(1), 54–69. (In Russ.)
3. Idelchik, X. I. (1954). A. P. Chekhov and Russian public medicine (To the 50th anniversary of the death of A. P. Chekhov). Hygiene and sanitation, 8, 7–10. (In Russ.)
4. Larionova, M. Ch. (2010). Chekhov's story «Ionich» in the light of Russian traditional culture. Problems of history, philology, culture, 4(30), 165–172. (In Russ.)
5. Krakovyak, A. S., Matyash, S. A. (2005). Conflict in the dramaturgy of A. P. Chekhov and M. A. Bulgakov («Three Sisters» and «Days of the Turbins»). Vestnik Orenburg State University, 1, 95–101. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дин Ижун

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ding Yihong

Postgraduate Student
Department of the History of Russian Literature
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	30.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 82-312.1

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_144

Буддийские идеи и мотивы в творчестве Ф. Н. Горенштейна

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, КНР
dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Автор статьи в рамках исследования «буддийского текста» современной русской литературы рассматривает идеи и мотивы буддизма в творчестве Ф. Н. Горенштейна; определяет особенности авторской рецепции буддизма и способы его художественного освоения. Устанавливается двойственный характер восприятия буддийской религии, о которой говорится в романах и повестях Ф. Н. Горенштейна, и фиксируется, что пассажи о буддизме в его произведениях являются значимой частью философских размышлений автора и героев о религиозной индивидуальности русского человека.

Ключевые слова: Ф. Н. Горенштейн, Р. Ф. Унгерн фон Штернберг, даурская готика, буддизм как проблема, буддизм и христианство, буддийский пейзаж, А. Л. Иванченко

Для цитирования: Дубаков Л. В. Буддийские идеи и мотивы в творчестве Ф. Н. Горенштейна // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 144–150. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_144

Original article

Buddhist Ideas and Motives in the Works of F. N. Gorenstein

Leonid V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. In the article, within the framework of a study devoted to the “Buddhist text” of modern Russian literature, Buddhist ideas and motives in the work of F. Gorenstein are considered, the features of the author’s perception of Buddhism and ways of its artistic development are determined. It also establishes the dual nature of the perception of the Buddhist religion, which is mentioned in Gorenstein’s novels and short stories. In addition, it is recorded that the passages about Buddhism in the works of F. Gorenstein are a significant part of the philosophical reflections of the author and characters in connection with the problem of the religious individuality of a Russian person.

Keywords: F. Gorenstein, R. Ungern von Sternberg, Daurian Gothic, Buddhism as a problem, Buddhism and Christianity, Buddhist landscape, A. Ivanchenko

For citation: Dubakov, L. V. (2023). Buddhist Ideas and Motives in the Works of F. Gorenstein. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 144–150. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_144

ВВЕДЕНИЕ

Русская литература проявляет интерес к буддизму начиная с XIX века. Буддийские идеи и мотивы можно обнаружить в творчестве Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова. На рубеже XIX и XX веков произошел всплеск интереса к буддийской религии, писатели Серебряного века, такие, как И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский, осваивали буддийскую образность, обращались к буддийской экзотике и мистике. Новый пик интереса к буддизму пришелся на момент перехода от советской к постсоветской литературе, появились писатели, глубоко погруженные в буддийскую теорию и практику, как, А. Л. Иванченко и В. О. Пелевин. Отечественное литературоведение, отталкиваясь от книги В. Н. Топорова, ставшей классической, переводя структурно-семиотический подход в религиозную сферу, говорит сегодня о существовании «буддийского текста» русской литературы [Топоров, 1995]. Так, «буддийский текст» как часть ориентального дискурса в истории русской литературы XIX века исследовал Р. Ф. Бекметов [Бекметов, 2019]. Современная литература по-разному соприкасается с буддийской религией, один из авторов, который пытается понять буддизм как часть русской ментальной культуры, – Ф. Н. Горенштейн.

СВАСТИКА КАК СИМВОЛ ТОТАЛИТАРНОГО

В 1995 году в жанре даурской готики [Михалёв, 2018; Соболевская, 2019], восходящей к «Балладе о даурском бароне» А. И. Несмелова и книге «И звери, и люди, и боги» А. Ф. Оссендовского, Ф. Н. Горенштейн пишет роман «Под знаком тибетской свастики», посвященный барону Р. Ф. Унгерну фон Штернбергу, а также судьбе белых русских офицеров и эмигрантов. Позже, в начале нулевых годов, им будет создан киносценарий «Унгерн». Об этой работе Л. А. Юзефович отзовется критически, так как, по его мнению, Горенштейн не только написал свой сценарий на основе его книги «Самодержец пустыни», по-своему перемешав исторические факты и персоны, но и взял оттуда множество буквальных заимствований [Юзефович, 2019]. И действительно, по прочтении киносценария «Унгерн», складывается впечатление его сюжетной вторичности и некоторого уплощения образов. В нем повторен едва ли не весь набор буддийских кодов, связанных с образом и историей жизни барона и представленных в литературе – от А. Ф. Оссендовского до Л. А. Юзефовича. При этом Горенштейн, конечно, добавляет отдельные яркие штрихи к истории барона. Например,

образ кладбищенских псов возле Урги, связанных с потусторонним миром, находит у него отражение в палачах барона Унгерна – Бурдуковском и Сипайлове:

Я чувствую в себе силу Махагалы, а значит, и справедливость Будды. При этом всякий, на кого обращается мой гнев, будь то дезертир, пьяница или тот же Чернов, становится врагом желтой религии, мешающим ее торжеству. И ты, Сипайлов, спутник Махагалы. Но я божество, слуга Будды, а ты и Бурдуковский со своими подручными – бесноватые кладбищенские демоны, жадные до крови и мяса (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Несмотря на некоторую вторичность системы образов и сюжета, образ Унгерна, созданный Ф. Н. Горенштейном, представляет интерес, так же как и в случае, например, с Э. В. Лимоновым (эссе «Барон Унгерн фон Штернберг: черный барон»¹) и А. Г. Дугиным (радиопьеса «Барон Унгерн: Бог Войны»²), попыткой интерпретации личности и деятельности Р. Ф. Унгерна фон Штернберга, обусловленной политическими воззрениями автора. В отличие от них, Горенштейн не апологизирует Унгерна, он обозначает аспект связи барона с праворадикальным, фашистским движением. При этом Горенштейн не называет Унгерна фашистом, однако проводит параллели между его философией и германским нацизмом. Вероятно, для того, чтобы, в свою очередь, провести, как ему кажется, верную параллель между фашизмом и социалистической идеологией. Например, в эпизоде разговора Унгерна с японским военным атташе Судзуки барон несколько комически (поскольку поверхностно) характеризует Гитлера как социалиста:

В Германии Альфред связался с каким-то социалистом Адольфом Гитлером, конечно же, прохвостом и негодяем, как все социалисты, и, похоже, сам стал социалистом. Да, он меня приглашает приехать и вступить в их социалистическую партию. Меня, рыцаря и аристократа, приглашает стать социалистом. Ведь это то же самое, что стать большевиком (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

При этом ранее он прямо говорит, что:

Есть расы свежей крови, расы завоевателей, <...> а есть расы гнилой крови. Кровь только на первый

¹Лимонов Э. В. Священные монстры (портреты), 2003.

URL: http://www.nbp-chuvashia.narod.ru/biblio/Limonov/Sv_Monstry.htm#sternberg

²Дугин А. Г. Барон Унгерн: Бог Войны, 1997.

URL: <http://arcto.ru/article/1104>

взгляд одного цвета. Под микроскопом она разная (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Таким образом, мысль, как бы опровергнутая, остается всё же высказанной. То же самое, но уже с перспективой проведения Горенштейном параллели между Германией, родившейся после Версальского договора, и собственной страной, можно обнаружить и в финале сценария, когда В. К. Блюхер во время допроса пытается завербовать Унгерна:

- России и Японии одинаково невыгодно, чтобы такие страны, как Америка, имели влияние в Китае. Кроме того, вы – немец, у вас связи с Германией. Германия ограблена Версальским договором и должна понять, что у нее с Россией много общего.
- Это так, – ответил барон. – Россия, как и Германия, противостоит западному разложению человечества (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Горенштейн демонстрирует кажущееся ему сходство идеологий также через показ доктринальной пластичности обоих учений. Как Унгерн свободно интегрирует буддийский мистицизм в свое крайне правое политико-философское мировоззрение, так и монголы-большевики заимствуют из буддизма прагматический взгляд на мир:

- Да, я большевик-буддист. Гаутама Будда дал миру законченное учение коммунизма.
- Кто же твой вождь – Будда или Ленин?
- Ленин высоко ценит истинный буддизм.
- В чем же, по-твоему, истинный буддизм? Разве не в мистицизме, отвергаемом большевиками, истинный буддизм?
- Силы, которыми обладает Будда, не чудесные. Его мощь согласуется с общим порядком вещей, система ленинских заветов восходит к учению Будды (Ф. И. Горенштейн. *Унгерн*. 2002).

Общее между идеологиями, по его мнению, Ф. Н. Горенштейн демонстрирует также на знаково-религиозном уровне – через символ свастики, как известно, заимствованный германским фашизмом (по замечанию А. В. Михалёва, в современной культуре «В зависимости от политической ориентации свастика трактуется либо как “древний азиатский солярный символ”, либо как наглядное подтверждение протофашистских взглядов барона» [Михалёв, 2018, с. 143]). Роман, на основе которого создан сценарий, называется «Под знаком тибетской свастики», и эта тибетская свастика появляется в сценарии в двух схожих эпизодах. Под белым знаменем с ней, буддийским символом вечного обновления, под

которым «евразийцы восстанавливают свое былое величие» (Ф. Н. Горенштейн. *Под знаком тибетской свастики*), выстроится воинство Унгерна, а древко знамени обмакнут в кровь специально зарученного для этого китайца. Позже, когда Ургу займет Сухэ-Батор, в сценарии вновь появится свастика, начертанная черным на красном знамени, и это красное знамя также будет «освящено» кровью:

По древнему обычаю, белый казак своей кровью освятит наше революционное красное монгольское знамя, – сказал Сухэ. Закричав, монголы подняли вверх сабли. Один из монголов рассек казаку грудь, вырвал трепещущее сердце и съел его. Знаменосец обмакнул древко знамени в текущую кровь (Ф. Н. Горенштейн. *Под знаком тибетской свастики*. 2002).

Последняя фраза оказывается повторена у Горенштейна буквально.

ДВОЙСТВЕННАЯ ЭТИКА БУДДИЗМА

Но этот роман и сценарий на его основе – не первое обращение Ф. Н. Горенштейна к буддизму. Так, еще в 1966 году он написал повесть «Ступени», главный герой которой, врач Юрий Дмитриевич, поражен душевной болезнью. Его нравственные мучения и философские размышления о смысле жизни, о религиях, о добре, а также конкретная ситуация и грубая распутная женщина порождают, среди прочего, следующий пассаж:

В основе буддизма также лежит легенда приношения себя в жертву, но, пожалуй, более благородная, чем христианское распятие... Будда, встретив голодную больную тигрицу, предложил ей себя съесть... Именно тигрице, самке... Тут тонкость... Тут не добро в основе, а наслаждение... Конечно, не каждодневное наслаждение, а наслаждение-идеал... Тут взаимная любовь приводит к слиянию в один организм... (Ф. Н. Горенштейн. *Ступени*. 2001).

Речь здесь идет об одном из сказаний о деяниях Будды Шакьямуни, совершенных Им до Его последнего воплощения. Это сказание называется «Джатака о тигрице» [Арья Шура, 2000]. Вчитанная здесь героем и далекая при этом от традиционного буддизма мысль о том, что важна разность полов жертвующего и хищника, не заслоняет тем не менее одного и центральных идей учения Будды – о ложности себялюбия и отделения себя от других существ. Юрий Дмитриевич в своем прогрессирующем душевном недомогании, подобно

персонажам Ф. М. Достоевского, восходит по ступеням земных мытарств до высокого нравственного идеала.

БУДДИЗМ КАК РЕЛИГИЯ ОТРИЦАНИЯ

В 1975 году Ф. Н. Горенштейн написал роман «Псалом», значительная часть которого посвящена размышлениям об иудаизме и христианстве, их особенностях. Рассматривая христианство как религию, что отступила от иудейской традиции и понесла вследствие этого духовный ущерб, Горенштейн сравнивает христианство с буддизмом. Буддизм для главного героя книги, Дана, Антихриста, – это религия созерцания, а значит, духовной смерти.

Христианство много веков проводило в духовной праздности, предаваясь чисто буддистскому созерцанию метафизических истин и заменив Деяние злобными спорами о добре и зле... (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Буддизм сбил русскую интеллигенцию XIX века с верного пути:

Толстой пуст во взоре, но это у него естественно, по-буддистски, ибо усилившаяся среди гуманистов девятнадцатого века страсть достичь совершенства наиболее кратким путем неизбежно вела к духовному поэтическому схематизму, которым характерен буддизм (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Буддизм – религия, подавляющая личность:

Во взгляде буддиста холодный эпос – от слияния с природой, то, что всё более завладело в упадке и христианством... (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

А. В. Татаринов в статье «Апокалипсис как суд над Россией: Фридрих Горенштейн и Виктор Ерофев» обнаруживает в этой цитате также «буддийское настроение» пейзажа «Псалма»: «Природа не вызывает у повествователя радости; особенно заражена буддизмом природа русская» [Татаринов, 2012].

Наконец, согласно Горенштейну, метафизический финал человека в буддизме, т. е. в нирване, – это удаление от Бога, а значит, ошибка и катастрофа. В финале романа один из героев, Савелий Иволгин, проводит алхимический эксперимент, и получившийся у него «философский человечек» сообщает ему «главные идеи мира». Эти «идеи» – что-то вроде итога философских и богословских размышлений «Псалма». В частности, «философский человечек» говорит, что «главные идеи мира» – это

идея Времени и идея Пространства. Идея Времени – религиозная, идея Пространства – атеистическая. Идея Пространства родила философию и науку, идея Времени – религию и искусство. Однако позднее произошло кровосмешение. Идея Пространства – созерцательная, и человек способен достичь в ней иллюзии равенства с Богом. Идея Времени – деятельная, человек чувствует в ней свою слабость перед Будущим, зависимость от Будущего и нуждается в помощи Господа. Буддизм и Античность – идеи Пространства. Библия – идея Времени. Когда разбита была Чаша, христианский мир из временного всё более становился пространственным. В идее Пространства, идее настоящего, идее красоты, гений достигает величия, но предела своего он все-таки достигает в идее Времени, идее Будущего (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Таким образом, буддизм в романе «Псалом» предстает как религия праздно-созерцательная, а не деятельная, интеллектуально-рассудочная, а не исполненная живой и сложной жизни, наконец, подавляющая личность и отрицающая Бога, а значит, по совокупности всего этого влекущая верующего к духовной гибели. Или другими словами: «Буддизм для Горенштейна – даже не сознательное стремление, а общее состояние мира, стремящегося скрыться от иудейского Бога – единственного легитимного Господа, который, судя по теологическим рассуждениям автора, не обещает ни любви, ни воскресения, ни бессмертия, но требует соблюдения ветхозаветного Закона, в рамках которого Иисус предстает лишь братом антихриста, одним из еврейских учителей, не имеющим никакого отношения к идее Богочеловека» [Татаринов, 2012]. В этом отношении Ф. Н. Горенштейн в романе повторяет тот ревностный, но поверхностный взгляд на буддизм, который можно увидеть, например, у Н. Ф. Фёдорова, что критиковал буддизм за то же самое, но только стоя на позиции активно настроенного по отношению к миру христианства, а не иудейства. Так, согласно Н. Ф. Фёдорову, буддизм – «вовсе не вера, не дело, а лишь сомнение (философия) во всех и во всем, бездействие, отречение, отчуждение от всех и от всего, от Бога, от людей, от природы, от самого себя – словом, полное уничтожение» [Фёдоров, 2008, с. 44].

Отдельно можно обратить внимание на сходство этой горенштейновской книги и романа А. Л. Иванченко «Монограмма» (1988). В «Монограмме» семья Марины, мамы главной героини, оказывается раскулаченной. Марина вместе с малолетним братом Гришуней просит подаяние, после гибели родителей их отправляют в детский дом, где ее и брата разлучают. Сбежав из детского дома, она прибавляется к семье горного инженера Емельяна

Львовича и Полины, в которой помогает по хозяйству. Из-за ревности Полины Марину «спроваживают». В «Псалме» Мария с братом Васей после смерти отца просит подаяние. Их подозревают, что они принадлежат к семье раскулаченных или подкулачников. Они оказываются в детском доме, где Мария теряет брата. Позже она приезжает к сестре Ксении, которая замужем за железнодорожным техником. После того, как Мария стала свидетельницей измены Ксении и сексуальных сцен между мужем и женой, ее отправляют назад, в деревню.

Случайно или нет это совпадение текстов, где звучны имена героинь и их судьбы, где схожи место и время действия (Украина), где близки отдельные элементы сюжета, однако нельзя не отметить угол зрения, который избирают авторы для подачи этих историй. Дан, антихрист Горенштейна, восстает против того, как с безнадежностью справляется русский человек – против забвения через алкоголь: в таком забвении он видел «подобие смерти». Эта смерть

была ненавистна народу его, смерть ли физическая, смерть ли в буддийском созерцании (Ф. Н. Горенштейн. *Псалом*).

Иванченко, напротив, весь роман строит на сопряжении тяжелых сцен российской истории и буддийских медитаций, в буддизме видя спасение человека. Так, за сценой раскулачивания в «Монограмме» следует медитация Майтри-бхавана для развития безграничной любви [Иванченко, 2005]. И Горенштейн, и Иванченко, таким образом, видят в буддизме возможное спасение, но первый отвергает его как, с его точки зрения, вариант духовной смерти, второй воспринимает как лекарство от страстей, ввергающих человека в страдание.

ИУДАИЗМ И БУДДИЗМ VS. ХРИСТИАНСТВО

В 1976 году Ф. Н. Горенштейн написал роман «Место». В этом тексте писатель продолжил размышлять об иудаизме, христианстве и буддизме, их специфике, их генеалогии. Бруно Фильмус, один из персонажей романа, проводит «физиологические» параллели между иудаизмом и буддизмом, говоря, что обе эти религии, в отличие от христианства, обладают мужским характером, ориентирующим человека на борьбу со страданием. Буддизм, как и иудаизм, предлагает человеку «духовную диету», твердые «гигиенические» правила, лишь соблюдая которые человек может получить удовлетворение от своей подлинной, а не вымышленной судьбы и от подлинных, а не вымышленных радостей бытия. При этом между иудаизмом и буддизмом огромная вероучительная

разница, например, выражающаяся в разных этических решениях при встрече со злом (Горенштейн вспоминает ветхозаветный принцип «око за око» и Дхаммападу: «вражда не прекращается враждой» или, в другом переводе: «ненависть не прекращается ненавистью» [Дхаммапада, 1960, с. 6]. А также разница между ними – в понимании собственных задач в мире, обусловленная географией:

буддизм возник в стране, где врачует сам мягкий климат и где народ отличается кротостью, в то время как иудаизм возник среди знойных песчаных пустынь и поработенного народа, требовавшего принудительного врачевания (Ф. Н. Горенштейн. *Место*).

БУДДИЙСКИЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

В рассказе 1982 года «На вокзале» Горенштейн задействует «буддийский колорит». Писатель оговаривается, что упоминание буддизма по ходу сюжета – это то, что не связано напрямую с идейным содержанием текста, однако «буддийский пейзаж» рассказа – «буддийская луна», под которой происходит убийство, и превращение убитого в «буддистский камушек», вероятно, свидетельствуют об ином. Одно из возможных истолкований «буддийской луны» – это проблема кармы, воздаяния и прощения. Убитый Зацепы, говорит автор,

пусть воздаст <...> убийцам своим добром за зло не по-христиански, а по-буддистски, не при жизни, а после жизни. Ибо сказано в буддистском каноне: «Кто воздаст добром за зло, тот блистает в этом мире, словно луна, которую сокрыло, а потом раскрыло облако» (Ф. Н. Горенштейн. *На вокзале*).

Таким образом, «буддийская луна», ее свет становится метафорой человека, преодолевшего страсти.

Другой буддийский аспект в рассказе – русская «лунная мистика», отталкивающаяся от буддийской, по выражению повествователя, идеи об отделении души от тела (у Горенштейна последнее имеет также ироническое измерение), что переводит разговор в метафизическую плоскость. Вспоминая Н. В. Гоголя, «великого лунного мистика» и его «Взгляд на составление Малороссии» (а действие рассказа происходит в СССР), писатель формулирует причины совершившегося в рассказе убийства – человек хватается (цепляется = Зацепы) за временное вместо вечного. И в данном случае это не частный криминальный эпизод, но символ возвращающегося омрачения русского народа – утрата великой объединяющей цели. Неслучайно

Зацепа, потомок революционеров (в гордыне устремившийся к карьерному восхождению), погибает от удара амбарным замком – кулацким наследием (от удара, который, в контексте присутствия буддийского маркера в начале пассажа, можно понять как реализацию кармы). Иными словами, «хаос браней за временное, за минутное» (Н. В. Гоголь) обуял в рассказе и убийц, и Зацепу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом при соприкосновении с творчеством Ф. Н. Горенштейна появляется ощущение широты его мифологического и религиозного контекста, в том числе буддийского. Например, Е. Е. Завьялова в монографии «Ф. Н. Горенштейн: поэтика поздней прозы» предполагает, помимо прочих, буддийское интертекстуальное включение даже в далекой от религиозной проблематики повести «Муха у капли чая» (1982), имея, вероятно, в виду буддийский ритуал «открытия глаз» (тиб. *spruandbye*) [Завьялова, 2018, с. 28].

Горенштейн смотрит на буддизм как на часть русской ментальной культуры и как на проблему

русского сознания. Буддизм в рассуждениях персонажей философских горенштейновских романов и повестей оказывается религией странной и опасной для русского человека: монгольский вариант буддизма, соединенный с природными культами и неотделенный от первобытной жестокости некоторых из тех, кто его исповедует, избирают для себя две не близкие Горенштейну идеологии XX века; у буддизма, по мнению писателя, своеобразная и искусительная, связанная с полом этика жертвенности и прощения; буддизм – созерцательная и негативистская религия, покушающаяся на Бога и на человеческое «я».

Отдельно нужно отметить то, что Горенштейн создает буддийский символический пейзаж: русская природа, изображенная в его произведениях, вследствие недолжного, темно-мистического сближения с ней человека несущая отпечаток буддизма, ощущается холодной и мертвой.

Однако, несмотря на скорее отрицательный взгляд на буддизм, Горенштейн тем не менее в своих романах и повестях отмечает также высокую этику буддизма, проявляющуюся в его мужественной борьбе против страдания и в активном сострадании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.
2. Бекметов Р. Ф. Русская литература 1830–1860-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2019.
3. Михалёв А. В. Бог войны, или Память о «черном бароне» в правовом дискурсе современной России // Политическая наука. 2018. № 3. С. 129–146.
4. Соболевская О. В. Введение в даурскую готику. 2019. URL: <https://iq.hse.ru/news/286418877.html>
5. Юзёфович Л. А. Самодержец пустыни. Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.
6. Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой; предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Восточная литература РАН, 2000.
7. Татаринов А. В. Апокалипсис как суд над Россией: Фридрих Горенштейн и Виктор Ерофеев // Парус. 2012. №14. URL: <http://parus.ruspole.info/node/2273>
8. Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008.
9. Иванченко А. Л. Монограмма. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2005.
10. Дхаммапада / пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова ; отв. ред. Ю. Н. Перих. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.
11. Завьялова Е. Е. Ф. Н. Горенштейн: поэтика поздней прозы. Астрахань: Астраханский университет, 2018.

REFERENCES

1. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe = Myth. The ritual. Symbol. Russian image: Research in the field of mythopoetic: Favorites. Moscow: Progress –Culture. (In Russ.)
2. Bekmetov, R. F. (2019). Russkayaliteratura 1830-60-h godov v zerkale vostochnyh (buddijskihidaosskih) tradicij = Russian literature of the 1830–1860s in the mirror of Eastern (Buddhist and Taoist) traditions: Senior Doctorate in Philology. Kazan. (In Russ.)

3. Mikhalev, A. V. (2018). God of war or the memory of the "black baron" in the right discourse of contemporary Russia. *Politicheskaya nauka*, 3, 129–146. (In Russ.)
4. Sobolevskaya, O. V. (2019). Vvedenie v daurskuyugotiku = Introduction to the Daurian Gothic. <https://iq.hse.ru/news/286418877.html>
5. Yuzefovich, L. A. (2019). Samoderzhec pustyni. Baron R. F. Ungern-Shternbergi mir, v kotorom on zhil = Autocrat of the desert. Baron R. F. Ungern-Sternberg and the world in which he lived. Moscow: AST Publishing House : Edited by Elena Shubina. (In Russ.)
6. Barannikov, A. P., Volkova, O. F. (Tr.). (2000). Ar'ya Shura. Girlyanda dzhatak, ili Skazaniya o podvigah Bodhisattvy = Arya Shura. Garland of jatak, or Tales of the Bodhisattva's Exploits. Moscow: Oriental Literature. (In Russ.)
7. Tatarinov, A. V. (2012). The Apocalypse as a trial over Russia: Friedrich Gorenstein and Viktor Yerofeyev. *Parus*, 14. <http://parus.ruspole.info/node/2273>
8. Fedorov, N. F. (2008). *Filosofiya obshchego dela (sbornik) = Philosophy of common cause (collection)*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
9. Ivanchenko, A. L. (2005). Monogram. Moscow: AST; St. Petersburg: Astrel-SPb. (In Russ.)
10. Toporov, V. N. (Tr.). (1960). *Dhammapada = Dhammapada*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature. (In Russ.)
11. Zavyalova, E. E. (2018). F. N. Gorenstejn: poetika pozdnej prozy = F. N. Gorenstein: poetics of late prose. Astrakhan: Astrakhan State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубаков Леонид Викторович

кандидат филологических наук

доцент факультета филологии Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubakov Leonid Viktorovich

PhD (Philology)

Associate Professor at the Faculty of Philology of the Shenzhen MSU-BIT University

<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	28.11.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	23.12.2022	
	27.01.2023	

Таллинское надгробие Понтуса Делагарди: текст и тексты

Д. В. Вальков^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

valkovdv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из наиболее значимых позднеренессансных и раннебарочных надгробных памятников в Шведской Эстляндии – надгробие Понтуса Делагарди. В центре внимания находится размещенный на саркофаге Делагарди эпитафийный текст. Лексико-синтаксические аллюзии позволяют говорить о нем как о ренессансной антологии ряда античных текстов (состав антологии определяется авторским замыслом). В дальнейшем эпитафийный текст Понтуса Делагарди становится предметом антологизации, значимым в контексте историографической актуализации в Швеции середины – второй половины XVII века идеи Шведской империи и роли семейства Делагарди в ее становлении и укреплении (сочинения К. Аррениуса, Ю. Видекинда).

Ключевые слова: Таллин, Понтус Делагарди, эпиграфика, эпитафия, Ренессанс, барокко

Для цитирования: Вальков Д. В. Таллинское надгробие Понтуса Делагарди: текст и тексты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 151–157. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_151

Original article

Tallinn Tombstone of Pontus Delagardi: Text and Texts

Dmitri V. Valkov^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow City University, Moscow, Russia

valkovdv@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the most significant Late Renaissance and Early Baroque tombstones in Swedish Estland – the tombstone of Pontus Delagardi. The article focuses on the epitaph text placed on the sarcophagus of Delagardi. Lexical and syntactic allusions introduced into it by the author allow us to speak of it as a Renaissance anthology of a number of mainly ancient texts, whose composition is determined by the author's intention. The epitaph text of Pontus Delagardi, in turn, becomes the subject of anthologizing, significant in the context of the historiographical actualization in Sweden of the mid-second half of the 17th century of the idea of the Swedish Empire and the role of the Delagardi family in its formation and strengthening (historiographical works of CL Arrhenius, J. Widekindi).

Keywords: Tallinn, Pontus Delagardi, epigraphy, epitaph, Renaissance, Baroque

For citation: Valkov, D. V. (2023). Tallinn Tombstone of Pontus Delagardi: Text and Texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 151–157. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_151

ВВЕДЕНИЕ

Род Делагарди занимает в истории Швеции, равно как и всей Циркумбалтики второй половины XVI–XVII веков, особое место. Военные кампании Понтуса Делагарди на завершающем этапе Ливонской войны (1580–1582) в северо-западном пограничье Московского царства до Тявзинского мира 1595 года определили территориально-политическую конфигурацию севера Восточной Европы. С разной степенью полноты они упомянуты в шведской и ливонской историографии: в частности, в сочинениях Бальтазара Руссова, Саломона Хеннинга, Юхана Мессения, Клавдия Аррения Эрнхельма, Иоганна Локценция [Russowen, 1853; Henning, 1853; Messenii, 1702; Arrhenius, 1690; Loccenii, s. d.]¹.

Характерной чертой исследований в области скандинавской эпиграфики является их неоднородность, обусловленная составом локального материала. Наиболее ранняя его часть оказывается предметом внимания эпиграфистов-рунологов и специалистов в области скандинаво-германской компаративистики и археологии. Если формирующийся в Швеции и Дании с рубежа XII–XIII веков латиноязычный латинографический материал имеет своего исследователя, то ренессансный и барочный массив памятников, оформляющийся в Швеции с последней трети XVI века, в контексте юхановского Возрождения, во многом находится в тени работ, посвященных развивающейся новолатинской литературе. В качестве обобщающего исследования шведской неолатинской литературы эпохи великодержавия необходимо указать работу Х. Хеландера [Helander, 2004]. De facto преимущественно анонимные и в большинстве своем не столь пространные скандинавские эпиграфические тексты (по большей части эпитафийные) последней трети XVI–XVII веков находятся на периферии исследовательского пространства литературоведов и текстологов-неолатинистов. В то же время эпиграфические памятники последней трети XVI–XVII веков второстепенны для эпиграфистов, специализирующихся на средневековом руническом и латиноязычном латинографическом материале. Отмеченные обстоятельства, обуславливая актуальность данной статьи, определяют необходимость анализа скандинавских, прежде всего шведских и датских, эпиграфических памятников XVI–XVII веков как выразителей наравне с литературными произведениями интереса к опыту европейского

ренессанса и барокко, обновившего профиль скандинавской культуры в раннее Новое время.

Текст надгробия Понтуса Делагарди, как и ряд авторских античных и ренессансных текстов, требует выявления и распознавания введенных в него автором лексико-синтаксических аллюзий, служащих обозначением известного ему текстового материала, культурно-мифологических кодов, событийных контекстов. Возможность выявления и распознавания читателем упомянутых лексико-синтаксических аллюзий определяет не только текстовую, но и метатекстовую рецепцию авторской информации в рамках эйдетического чтения.

Цель статьи – анализ надгробия Понтуса Делагарди как антологии и предмета антологизации на стыке Позднего Ренессанса и барокко.

Задачи статьи – обозначение лексико-синтаксических аллюзий в тексте надгробия и стоящего за ними вторичного текстового пространства; анализ связей текстовой и изобразительной составляющих надгробия между собой, а равно с хронологически близкими и более поздними ливонскими и шведскими авторскими текстами; определение места надгробия в эпиграфической и политической практике шведской Прибалтики последней трети XVI века.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Надгробие Понтуса Делагарди и его супруги Софии Юлленхельм (Гюлленхельм; 1589–1595 гг.) в авторстве Арента Пассера размещено у южной стены апсиды таллинского Домского собора св. Девы Марии; состоит из саркофага и настенной композиции [Karling, 1948; Üprus, 1987; Mäeväli, 2004; Eesti kunsti ajalugu, 2005].

В рамках настоящего изложения особый интерес представляют надписи, расположенные на боковых, восточной и западной, панелях саркофага.

Западная панель саркофага

¹ HIC PONTVS IACET AEQVOREIS SVBMERSVS IN VNDIS
² O FATVM O MAGNIS NVMINA INIQVA VIRIS
³ MAVORS ALTER ERAT PLANEQ(ue) VIR ARDVVS ERGO
⁴ EST TALEM AC TANTVM MORS RAPERE AVSA VIRVM
⁵ EST ITA SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT
⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m?) ANIMAMQ(ue) DEO

Понтус здесь лежит, утонувший в волнах приморских;
 о рок, о несправедливая к великим мужам воля богов;
 Марсом вторым он был, поистине муж ярый;
 такого столь великого мужа похитить осмелилась смерть;
 да, так, но похитила не всего, ведь оставила и потомству,
 и королю (~и дочери, и королю; и дочери, и сыну;
 и потомству, и роду) славу, душу же – Богу.

¹Russowen, 1853, с. 146–148, 155, 156; Henning, 1853, с. 276–277; Messenii, 1702, с. 63; Arrhenius Oernhielm, 1690; Loccenii, s. d., с. 408, 413, 416, 427, 484, 508, 512, 531, 545, 552, 609, 614, 631, 674, 693, 703, 710, 716, 735, 742, 746, 767, 770, 771–773, 788, 26 addenda.

Текст открывается «распознаванием» имени усопшего и констатацией его вовлеченности в причудливую игру планов бытия. ¹ HIC PONTVS IACET соотносится с автоэпитафией «Скорбных элегий» (*Ov. trist.*, III, 3, 73–76). Hic ego qui iaceo tenerorum lusor amorum Ingenio perii Naso poeta meo At tibi qui transis ne sit grave quisquis amasti Dicere Nasonis molliter ossa cubent. Не эта же ли аллюзия к идеальной эпитафийной формуле важна и для самого автора таллинского эпиграфического текста, включающего ее в метатекст моделируемой им собственной эпитафии? Изложение Овидия относится к побережью Понта; к морю отсылает имя Понтус, принадлежащее усопшему, погибшему у морского побережья. О поэтическом даре, жертвой которого становится поэт, пишет Овидий; к гибели через дар отсылают обстоятельства смерти Понтуса, ставшего жертвой собственного полководческого дарования. Автоэпитафия Овидия завершается пожеланием упокоения в прахе земли; причудлива игра судьбы таллинского усопшего, избравшей первоначальным местом упокоения его останков водную стихию, в виду покоренной земли. Прилагательное *aequoreus* (¹ AEQVOREIS... IN VNDIS) отсылает к другому овидиевскому тексту – «Метаморфозам» и в его рамках – к цезарианской теме (*Ov. met.*, XV, 745–842): scilicet aequoreos plus est domuisse Britannos (*Ov. met.*, XV, 752). Существительное *fama* [⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m³)] отсылает к овидиевской (*Ov. met.*, XV, 748: resque domi gestae properataque gloria rerum) и во многом порождающей ее цезарианской теме вергилиевской «Энеиды» (*Verg. En.*, I, 227–296): Nascetur pulchra Troianus origine Caesar, imperium oceano, famam qui terminet astris, – Iulius, a magno demissum nomen Iulo (*Verg. En.*, I, 286–288). Для овидиевского изложения значимы не только свершения войны и дела гражданские Цезаря, славен он и в соравном себе потомстве: praecipuum non bella magis finita triumphis resque domi gestae properataque gloria rerum in sidus vertere novum stellamque comantem, quam sua progenies; neque enim de Caesaris actis ullum maius opus, quam quod pater exstitit huius (*Ov. met.*, XV, 747–751); Понтус похищен не весь [⁵...SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT ⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m³)]. Рок, несправедливая к великим мужам воля богов позволили смерти похитить столь великого мужа [² O FATVM O MAGNIS NVMINA INIQVA VIRIS ³ MAVORS ALTER ERAT PLANEQ(ue) VIR ARDVVS ERGO ⁴ EST TALEM AC TANTVM MORS RAPERE AVSA VIRVM]; «не могут Боги железных разбить приговоров сестер вековечных» (qui rumpere quamquam ferrea non possunt veterum decreta sororum) (*Ov. met.*, XV, 780–781).

Восточная панель саркофага

¹ HIC MAGNV M VIRTUTE VIRVM PARVA INTEGIT VRNA
² QVI BELLI ARTE FVIT CLARVS ET ARTE TOGE
³ PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS V SVM
⁴ MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS
⁵ SED BREVE CVRRICVLV(m) VITÆ BONA FAMA REPE(n)DIT
⁶ ET MORS HÆC VITÆ NIL NISI CAVSSA NOVÆ EST

Здесь великого доблестью мужа малая урна вмещает, кто был искусством войны и дел гражданских преславен; Понтусом он был, от морской бездны вынес он обыкновенное имени, увы, тело же свое сокрыл Понтус в неглубоких водах; добрая слава явилась краткого жизни пути возмещением, и эта смерть – ничто иное как причина жизни новой.

От западной панели саркофага к восточной «распознавание» имени усопшего продолжается в третьей и четвертой строках: ³ PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS V SVM ⁴ MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS – так, читатель приглашается к окончательному постижению смысла имени Понтус, но, более того, – к размышлению о парадоксальности земной судьбы смертного, сделавшей победу залогом гибели. Вторая строка ² QVI BELLI ARTE FVIT CLARVS ET ARTE TOGE продолжает аллюзию к цезарианской теме «Метаморфоз»: Понтус был Марсом и той же преславен; в овидиевском тексте quem Marte togaque praecipuum non bella magis finita triumphis (*Ov. met.*, XV, 746–747). Изложение Овидия повествует о посмертном воздаянии погибшему Цезарю: tempora, perfectis, quos terrae debuit, annis. ut deus accedat caelo templisque colatur; hanc animam interea caeso de corpore raptam fac iubar, ut semper Capitolia nostra forumque divus ab excelsa prospectet Iulius aede! (*Ov. met.*, XV, 817–818, 840–842); добрая слава явилась краткого жизни пути возмещением, и эта смерть для погибшего Делгарди – ничто иное как причина жизни новой [⁵ SED BREVE CVRRICVLV(m) VITÆ BONA FAMA REPE(n)DIT ⁶ ET MORS HÆC VITÆ NIL NISI CAVSSA NOVÆ EST]. Местом нахождения останков Делгарди таллинский эпитафийный текст указывает малую урну, вмещающую великого доблестью мужа (¹ HIC MAGNV M VIRTUTE VIRVM PARVA INTEGIT VRNA). Введение в таллинский текст существительного VRNA обусловлено, как представляется, не только стремлением его автора передать трагическую всеобщность неумолимого поглощения великого малым. Оно обусловлено усмотрением встроить в эпитафийный текст (и формируемую им антологию античных текстов, составляющих таким образом вторичное текстовое пространство) упоминание челна как орудия всеобщего невозвратного перемещения в царство мертвых, удостоверяющее обстоятельства смерти

Делагарди, для которого челн буквально становится орудием смертельного изгнания: *omnes eodem cogimur, omnium versatur urna serius ocus sors exitura et nos in aeternum exilium impositura cumbae* (*Horat. carm., II, 3, 25–28*).

БАРЕЛЬЕФ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОСАДЫ НАРВЫ 1581 ГОДА

Между западной и восточной панелями саркофага помещен барельеф, на северной панели, изображающий успешную осаду Нарвы шведскими войсками в сентябре 1581 года. Панорама покоряющегося города представляет значимую часть эпитафийного текста, являясь его невербальной, изобразительной составляющей. При осаде Нарвы, согласно Бальтазару Руссову: «Понтус Делагарди разрешил идти на приступ не только ландскнехтам, но и гофлейтам, матросам и всем, кто только пожелает, и если с Божьей помощью они приступом возьмут город, то в продолжении 24 часов в их распоряжении будет всё добро, находящееся в Нарве, и всем, что в это время каждый сможет или захочет добыть, тем может воспользоваться. Тогда скоро все снарядились и стали собираться на приступ, будто на пляску»¹ (...jederman balde berehdt gewesen, unde sick mit groten fröwden tho dem Storme gerüstet, nicht anders also tho dem Dantze) [Russowen, 1853, с. 146–147; Messenii, 1702, с. 63; Loccenii, s.d., с. 419–429]. Уподобление Руссовым штурма города пляске представляется едва ли случайным и служит аллюзией к текстиконографическому массиву, известному в позднесредневековом и ренессансном искусстве Европы как «пляска смерти», знакомому и Руссову, и Аренту Пассеру, и автору таллинского эпитафийного текста (прежде всего по фламандско-голландским, верхне- и нижненемецким репликам). Обстоятельства смерти Делагарди также весьма динамичны. Герой эпитафийного текста гибнет на подступе ко взятому им городу, – успех становится залогом поражения [Arrhenius Oernhielm, 1690, с. 212–213] (ср. в овидиевском цезарианском цикле упоминание об объятom знаменем смерти городе как предвестнике гибели Цезаря, *Ov. met., XV, 796–798*).

АВТОРСТВО ЭПИТАФИЙНОГО ТЕКСТА ДЕЛАГАРДИ

Об авторстве эпитафийного текста Понтуса Делагарди необходимо говорить исходя из двух

обстоятельств. Во-первых, из едва ли не абсолютного совпадения начала строки 1 и строк 4–6 текста на западной панели таллинского саркофага с литературной эпитафией Авдия Претория (1524–1573) в авторстве Иоганна Майора (1533–1600), опубликованной в Виттенберге в 1576 году и составленной между 1573 и 1576 годами (*Dedicatio Epitaphii Viri Clarissimi, Domini Abdiae Praetorii, Oratoris et Legati...*): соответственно ¹ HIC PONTVS IACET... ⁴ EST TALEM AC TANTVM MORS RAPERE AVSA VIRVM ⁵ EST ITA SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT ⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m?) ANIMAMQ(ue) DEO и *Abdias iacet hic... Ergò Est talem ac tantum Mors rapere ausa virum? Est ita: sed rapuit non omnem: nan(que) reliquit Et nato et natae famam, animam(que) Deo* [Maioris, 1576, с. 176]. Во-вторых, из связи эпитафийных текстов в шведской литературной и эпиграфической практике эпохи Юхановского Возрождения последней трети XVI века с деятельностью сравнительно немногочисленного круга гуманистов на службе королевской канцелярии: Ёрана Перссона (около 1530–1568), приближенного Густава Вазы, секретаря и прокуратора Эрика XIV; Расмуса Людвигссона (ум. в 1594), антиквара, историка и генеалога, секретаря Густава Вазы, Эрика XIV, Юхана III; Венцеслова Герольдта (известен по документам 1560-х годов), секретаря Эрика XIV, Юхана III. Таким образом, учитывая первое обстоятельство, вероятным автором таллинского эпитафийного текста может выступать Иоганн Майор, из числа гуманистических поэтов и эрудитов виттенбергского круга Филиппа Меланхтона (включающий аллюзию к овидиевской автоэпитафии не только в таллинский текст, но и, через него, в собственную идеальную эпитафию). Однако, принимая во внимание происхождение супруги Понтуса Делагарди, Софии Юлленхельм (Гюлленхельм), внебрачной дочери короля Юхана III, нет также оснований, препятствующих видеть автором таллинского текста Расмуса Людвигссона. С сочинением Майора, как источником рецепции, Людвигссон мог быть знаком непосредственно из круга собственного чтения; медиация сочинений германских гуманистов меланхтоновского круга при шведском дворе могла быть инициирована еще Ёраном Перссоном. Определяющее влияние композиционно-декоративного решения уппсальского надгробия Густава Вазы на композицию и декор надгробия Делагарди является косвенным аргументом в пользу идентификации Людвигссона в качестве вероятного автора, а также овидиевского цезарианского цикла – в качестве основного предмета аллюзии таллинского эпитафийного текста.

¹Перевод по: [Сборник материалов, 1880, с. 326].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ позволяет рассматривать эпитафийный текст Понтуса Делагарди в качестве антологии, формирующейся на стыке Позднего Ренессанса и барокко и являющейся результатом аппликации принципов построения европейского ренессансного текста в целом и ренессансной эпитафии как его реплики. Предметом антологизации в рамках таллинского текста выступают «Скорбные элегии» (автоэпитафия) и «Метаморфозы» (цезарианский цикл) Овидия, «Энеида» (цезарианская тема) Вергилия, «аблятив» и «инструменталис» «смертельного изгнания» «Од» Горация. В качестве особого предмета антологизации необходимо указать текстово-иконографический массив «пляска смерти». Отмеченные произведения формируют вторичное текстовое пространство, к которому отсылают лексико-синтаксические аллюзии таллинского памятника. В качестве идеальных формул, предоставляемых включенными в таллинскую антологию произведениями, организующих эпитафийный текст Делагарди, необходимо отметить: *hic ego qui iaceo; nascetur pulchra origine; famam qui terminet astris; sua progenies; marte togaque praecipuus; accedat caelo; ab excelsa aede*.

В рамках новолатинской литературы XVII века таллинский эпитафийный текст Делагарди сам становится предметом антологизации. Так, в завершении «Жизнеописания Понтуса Делагарди» Клавдий Аррений приводит две эпитафии, связанные с таллинским надгробием. Первая (А.) 'Pontus eram terris dum vixi, (et) fortis in armis' – «сочинение весьма изящного поэта, пожелавшего разместить сложение на надгробии» (*tumulo inscribi sequens carmen voluit Poëta non inelegans*). Вторая (Б.) 'Ille togaque sagoque Ingens Delagardius Heros' – сочиненный самим Аррением текст, по утверждению автора, «качества низшего, в сравнении с предшествующим, но не меньшей почтительности» (*cui nos alterum hoc, venae, non pietatis, deterioris, adjecimus*) [Arrhenius Oernhielm, 1690, с. 215].

Pontus eram terris dum vixi, (et) fortis in armis, Is sed me necuit, qui quoque Pontus erat. In Ponto Pontus sum suffocatus (et) undis. Scis tu quid prosit sic potuisse mori? Me coelum duplici recipit ratione per undam, Dum sum denatus, dumque renatus eâ. Credite mortales, in corde animisque Sveorum Donec erit Pontus, hic quoque Pontus erit.

– Понтус я был, покуда жил на земле и был силен в битвах, но тот меня погубил, кто также был Понтом. Морем в волнах было прервано дыхание того, кто Понтусом был. Знаешь ли ты, почему выгодно

так умереть? Меня небо на двойном основании принимает чрез волны, ими я умерщвлен, ими же возрожден. Поверьте, смертные, в сердце и душах Свеев покуда Понтус будет, пребудет и море наше.

Ille togaque sagoque Ingens Delagardius Heros, More Periclaeo, verborum fulmine Falsi Vertere vim gnarus, fallentem imitamine Veri; Oppositas acies, arcesque adamante revinctas, Ceu luteas, pariter convellere fulmine dextrae Doctus, seu Regum celsas inviseret arces Principis Orator Sveci, seu Martis alumnus Sarmaticas notâ truces feritate phalanges Sterneret auspicio Sveci, magnis celer ausis, Exiguâ, quam dat Revalia, clauditur urnâ. Mens adscripta polo. Nomen sibi vindicat orbis. Corpus (et) ossa virens niveo sub marmore cespes. Gallia natalem, dedit almos Gotthia honores. Aeternam Virtus famam. Livonia bustum.

– Тот Делагарди (здесь лежит), богам сопричастный, в делах войны и мира преславный, подобно Периклу, умеющий разящим ударом сокрушить силу слов лжеца, обманывающего – изображением истинного; умеющий войска неприятельские и твердыни оплотов подобно ничтожному в равной степени смести разящей десницей; царей ли высокие дворцы посещал государя шведского посланник, Марса ли питомец сарматские неистовые фаланги во главе шведов разбивал с известной жестокостью, скорый великими дерзаниями, скрывается малой урной, Ревелем данной. Душа отошла небу. Славное имя присваивает себе мир. Тело и кости – заплесневелое под белизной мрамора прибежище. Галлия дала место рождения, высокие почести – Готия. Вечную славу – доблесть. Могилу – Ливония.

Эпитафия, приписанная Аррением себе же, предстает лабораторией барочного автора, демонстрирующей как его пристальное наблюдение за распадом идентичности героя под воздействием различных бытийных контекстов, так и механику его обращения посредством аллюзии к многослойному вторичному текстовому пространству. Фрагмент в эпитафии Аррения находит параллели в таллинском тексте. Ср.:

Mens adscripta polo. Nomen sibi vindicat orbis. Corpus (et) ossa virens niveo sub marmore cespes. Gallia natalem, dedit almos Gotthia honores. Aeternam Virtus famam. Livonia bustum

¹ HIC PONTVS IACET AEQVOREIS SVBMERSVS IN VNDIS...

⁵ EST ITA SED RAPVIT NON OMNEM NAMQ(ue) RELIQVIT

⁶ ET NATÆ ET GENERO FAMA(m?) ANIMAMQ(ue) DEO

¹ HIC MAGNVM VIRTUTE VIRVM PARVA INTEGIT VRNA...

³ PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS VSVM

⁴ MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS.

Параллели есть и в некоторых других позднеренессансных и барочных эпитафийных текстах. Например, – Авдия Претория в авторстве Иоганна Майора: *Abdias iacet hic, dederat cui Marchia cunas, Berlinum curas, Leucoris urbs requiem* (Авдий здесь лежит, кому Альтмарк колыбель, Берлин труды, Виттенберг упокоение даровал), а также риксрода Туре Нильссона Бильке [Linköpings domkyrka, 2001]:

¹DEBITA PARS TERRÆ CVBAT HIC
²PARS ALTERA CÆLO VIVIT
³VIRTVTIS FAMA PERENNIS ERIT
¹CORPVS HVMO TEGITVR
²PETIIT DIVINIOR ASTRA MENS
³CLARVM VASTO NOMEN IN ORBE MANET
 Должная земле часть лежит здесь, другая часть
 живет на небе, слава доблести пребудет вечной;
 тело укрывается землей, душа, что вдохнул Бог,
 направляется к звездам, славное имя пребывает
 повсеместно в мире.

Первая из приведенных Аррением эпитафий (в круг потенциальных авторов которой могут войти Петрус Лагерлёф, Ларс Форнелий, Иоганн Шеффер, Улоф Верелий, Эрик Линдшёльд, Улоф

Хермелин, Юхан Колумбус, существенно менее вероятно Юхан Видекинд, а равно и сам Клавдий Аррений) является едва ли не цитацией таллинского текста.

1) Pontus eram terris dum vixi, (et) fortis in armis – ³MAVORS ALTER ERAT PLANEQ(ue) VIR ARDVVS ERGO; ²QVI BELLI ARTE FVIT CLARVS.

2) Is sed me necuit, qui quoque Pontus erat. In Ponto Pontus sum suffocatus (et) undis – ¹HIC PONTVS IACET AEQVOREIS SVBMERSVS IN VNDIS; ³PONTVS ERAT PONTO DEDVXIT NOMINIS VSVM ⁴MERGITVR HEV PARVIS CORPORA PONTVS AQVIS.

3) Dum sum denatus, dumque renatus eā – ⁶ET MORS HÆC VITÆ NIL NISI CAVSSA NOVÆ EST.

В изложении Аррения, чья литературная деятельность приходится на период окончательного оформления шведского великодержавия, приведенный эпитафийный текст значим в контексте актуализации автором идеи Шведской империи и роли Понтуса Делагарди, сопоставимой с ролью Цезаря, в ее формировании [Arrhenius Oernhielm, 1690, с. 216].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Russowen B. *Chronica der Provintz Lyfflandt* // *Scriptores rerum livonicarum*. Bd. II. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 1853. S. 1–194.
2. Henning S. *Lifflendische Churlendische Chronica* // *Scriptores rerum livonicarum*. Bd. II. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 1853. S. 195–289.
3. Messenii Johannis. *Scandia illustrata, seu Chronologia de rebus Sueciae...* T. VII. Stockholmiae: Typis Olavi Enaei, 1702.
4. Arrhenius Oernhielm CL. *Vita Illustrissimi Herois Ponti De La Gardie, Exercituum Sveciae Supremi Campi Ducis, Regnante Johanne III. Svecorum Rege Gloriosissimo: Cujus occasione totius fere Livoniae Historia exhibetur; Ex incorruptae veritatis monumentis ... concinnata*. Lipsiae: Apud J. F. Gleditsch, 1690.
5. Loccenii Johannis. *Historiae rerum svecicarum a primo rege Sveciae usque ad Caroli Gustavi R. S. obitum libri novem*. Upsaliae: Henrici Curionis, s.d.
6. Helander H. *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas*. Uppsala: Universitas Upsaliensis, 2004.
7. Karling S. *Baltikum och Sverige / Antikvariska studier III / Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar*, 65. Lund; Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1948.
8. Üprus H. *Raidkivikunst Eestis XIII–XVII sajandini*. Tallinn: Kunst, 1987.
9. Mäeväli S. *Matustest ja hauatähistest Tallinna Toomkirikus*. Tallinn: Morgan Stuudio, 2004.
10. *Eesti kunsti ajalugu / Eesti Kunstiakadeemia*. 2. osa: 1520–1770. Tallinn: Eesti Kunstiakadeemia, 2005.
11. Maioris Iohan., ex valle S. Ioachimi. D. *Liber poematum, iam primum aeditus*. Witebergae: Iohannes Schwertel excudebat, 1576.
12. Linköpings domkyrka. III: *Inredning och inventarier / Av Å. Nisbeth och I. Estham med bidrag av R. A. Unnerbäck / Sveriges kyrkor*, vol. 225. Borås: Centraltryckeriet, 2001.
13. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига: Типография А. И. Липинского, 1880.

REFERENCES

1. Russowen, B. (1853). *Chronica der Provintz Lyfflandt. Scriptores rerum livonicarum*. Bd. II. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 1–194.
2. Henning, S. (1853). *Lifflandische Churlendische Chronica. Scriptores rerum livonicarum*. Bd. II. Riga; Leipzig: Eduard Frantzen's Verlag, 195–289.
3. Messenii, Johannis. (1702). *Scondia illustrata, seu Chronologia de rebus Sueciae...* T. VII. Stockholmiae: Typis Olavi Enaei.
4. Arrhenius Oernhielm, CL. (1690). *Vita Illustrissimi Herois Ponti De La Gardie, Excercituum Sveciae Supremi Campi Ducis, Regnante Johanne III. Svecorum Rege Gloriosissimo: Cujus occasione totius fere Livoniae Historia exhibetur; Ex incorruptae veritatis monumentis ... concinnata*. Lipsiae: Apud J. F. Gleditsch.
5. Loccenii, Johannis. (s. d.). *Historiae rerum svecicarum a primo rege Sveciae usque ad Caroli Gustavi R.S. obitum libri novem*. Upsaliae: Henrici Curionis.
6. Helander, H. (2004). *Neo-Latin Literature in Sweden in the Period 1620–1720. Stylistics, Vocabulary and Characteristic Ideas*. Uppsala: Universitas Upsaliensis.
7. Karling, S. (1948). *Baltikum och Sverige. Antikvariska studier III. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar*, 65. Lund; Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
8. Üprus, H. (1987). *Raidkivikunst Eestis XIII–XVII sajandini*. Tallinn: Kunst.
9. Mäeväli, S. (2004). *Matustest ja hauatähistest Tallinna Toomkirikus*. Tallinn: Morgan Stúdio.
10. Eesti kunsti ajalugu. (2005). *Eesti Kunstiakadeemia. 2. osa: 1520–1770*. Tallinn: Eesti Kunstiakadeemia.
11. Maioris, Iohan., ex valle S. Ioachimi. (1576). *D. Liber poematum, iam primum aeditus*. Witebergae: Iohannes Schwertel excudebat.
12. Linköpings domkyrka. (2001). *III: Inredning och inventarier*. Av Å. Nisbeth och I. Estham med bidrag av R. A. Unnerbäck. *Sveriges kyrkor*, vol. 225. Borås: Centraltryckeriet.
13. *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja (1880) = Collection of materials and articles on the history of the Baltic region*. Vol. III. Riga: Printing house of A. I. Lipinsky. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальков Дмитрий Вадимович

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры второго иностранного языка Института им. Мориса Тореца
Московского государственного лингвистического университета
доцент кафедры романской филологии
Московского городского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valkov Dmitri Vadimovich

PhD (History), Assistant Professor
Assistant Professor at the Department of the Second Foreign Language
of the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University
Assistant Professor at the Department of Romance Philology, Moscow City University

Статья поступила в редакцию	28.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_158

Мотив наказания грешников в изобразительном искусстве романского стиля

В. А. Тёмкин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vitem222@mail.ru

- Аннотация.** В статье рассматриваются различные интерпретации мотива наказания грешников на Страшном суде в монументальной скульптуре романского стиля. Для анализа были выбраны четыре примера: тимпаны порталов собора Сен-Лазар в Отене и базилики Сент-Фуа в Конке, мозаика церкви Вознесения Марии на острове Торчелло и капители церкви Сен-Пьер в Шовиньи. Рассматриваемый мотив реализуется в широком диапазоне художественных решений – от символики до конкретики, от метафоры до фантастики.
- Ключевые слова:** культура западноевропейского Средневековья, искусство романского стиля, мотив наказания грешников на Страшном суде, эстетическое решение
- Для цитирования:** Тёмкин В. А. Мотив наказания грешников в изобразительном искусстве романского стиля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 158–164. DOI 10.52070/2542-2197_2023_3_871_158

Original article

The Motive of Punishment of Sinners in the Fine Art of the Romanesque Style

Victor A. Tyomkin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vitem222@mail.ru

- Abstract.** This article is devoted to various interpretations of the motive of punishment of sinners at the Last Judgment in the Romanesque sculpture. Four examples were chosen: the tympanums of the Cathedral of Saint-Lazare in Autun and the Basilica of Sainte-Foy in Conques, the mosaic of the Church of the Ascension of Mary on the island of Torcello and the capitals of the church of Saint-Pierre in Chauvigny. The motive is realized in a wide range of artistic solutions – from symbolism to specifics, from metaphor to fiction.
- Keywords:** culture of the Western European Middle Ages, Romanesque art, motive of punishment of sinners at the Last Judgment, aesthetic solution
- For citation:** Tyomkin, V. A. (2023). The Motive of Punishment of Sinners in the Fine Art of the Romanesque Style. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(871), 158–164. 10.52070/2542-2197_2023_3_871_158

ВВЕДЕНИЕ

Классик французской медиевистики, воспитанник знаменитой школы «Анналов» Жорж Дюби неоднократно подчеркивал, что основной эстетический идеал, сформировавшийся в романскую эпоху и охвативший все виды искусства, возник на основе видения «Бога далекого, могучего, грозного, который наказывает живых и вернется судить мертвых, дабы обречь их, по их заслугам, на вечную радость или на вечные муки»¹ [Duby, Mandrou, 1968, vol.1, с. 29]. Это миропонимание проявилось в целом ряде произведений, особенно в зрелую фазу развития романики. Устрашающий Господь по результатам «взвешивания душ», которое производил архангел Михаил, обрекал грешников на неотменимое попадание в ад и заслуженное бесконечное страдание.

Недаром поэтому, как справедливо констатирует немецкий специалист Б. Даймлинг, «Страшный суд стал главной темой скульптуры романских порталов» [Романское искусство, 2001, с. 328]. Отечественный ученый, знаток искусства европейского Средневековья В. Н. Тяжелов, полагает, что «С теологической точки зрения именно Страшный суд восстанавливал связь времен и единство мира, объединял прошлое, настоящее и будущее и утверждал вечность» [Тяжелов, 1981, с. 128]. И, по утверждению искусствоведа, сознание греховности человечества занимало важное место в католической интерпретации указанного сюжета [там же].

Конкретные воплощения указанного мотива интересно рассмотреть на конкретных примерах памятников романского искусства, как-то: тимпан собора Сен-Лазар в Отене (1130–1140), тимпан базилики Сент-Фуа в Конке (ок. 1130–1135), мозаики Страшного суда в церкви Вознесения Марии на острове Торчелло (XI–XII вв.), а также капители колонн церкви Сен-Пьер в Шовиньи (пер. пол. XII в.).

ТИМПАН ПОРТАЛА СОБОРА СЕН-ЛАЗАР В ОТЕНЕ

Композиция тимпана западного портала собора Сен-Лазар фактически трехъярусная, однако горизонтали среднего и верхнего ярусов (регистров, поясов) объединены расположенной в центре крупной и значительно превышающей размеры всех остальных скульптур вертикальной фигурой Христа в мандорле, прерывающей продольную линию границы.

Самый нижний ярус, меньший по высоте, также поделен на правую и левую части вертикальной

фигурой ангела, отправляющего грешников в ад (одна часть надписи, отделяющей нижний ярус от среднего, гласит: «Пусть содрогнется от ужаса впаавший в земные заблуждения, ибо такова его страшная судьба, изображенная здесь»), а спасенных в рай («Так воскреснет тот, кто не вел безбожную жизнь»). Ангел дан в том же масштабе, что и души в облике обнаженных людей. Тех, чьи грехи непростительны, он отталкивает от себя и, соответственно, от дороги в рай. Прощенные в этом ярусе, те из них, кто ближе всего к ангелу, выступают как зрители, с трепетом наблюдающие, что происходит выше, в среднем ярусе, вокруг весов со следующими по порядку испытуемыми: кто-то прижимает ладони к лицу или всплескивает руками, или скрещивает их на груди. Второй ангел, стоящий в ряду спасенных, тоже заслуживает внимания, поскольку являет собой своеобразную границу: фигуры справа от него (слева с точки зрения зрителя) оказываются в одежде (не считая детей, не нуждающихся в покровах), те же, кто ближе к центральному ангелу, еще пребывают обнаженными. Слева от Христа на этом ярусе – общеизвестный трагический эпизод с одним из грешников, выхватываемым из ряда огромными клещеобразными руками – своего рода антитезой раскрытым ладоням Христа.

Интересно, что по левую руку Христа (справа с точки зрения зрителя) грешники показаны изменившимися: их лица зверообразны, они трансформируются и модифицируются словно на наших глазах, становясь подобными адским существам со второго, среднего, яруса, – согласно доктрине Страшного суда это бесы, населяющие ад. В одной из фигур караемых ими грешников Жак Ле Гофф усматривает «ужасный и великолепный средневековый образ страха» [Le Goff, 2019, с. 178].

Автор тимпана и всего скульптурного убранства собора, знаменитый романский мастер Жизлеберт (Gislebertus), оставивший свое имя непосредственно на рельефе, применяет нестандартные даже для своего времени пластические приемы. Неоднократно подчеркивалась угловатость фигуры Христа [Любимов, 1996], геометризм нижней части Его тела. Но Его торс и руки изваяны иначе: за счет драпировки или рукавов ни плечи, ни локти не выглядят угловатыми. Так же мягко и пластично вырезаны фигуры апостолов по правую руку Христа и убранство храма в Небесном Иерусалиме, куда попали спасенные. Полукруглые слепые арки трифория и аркатура над ним вмещают полуфигуры со сглаженными, плавными контурами, то же самое можно сказать о нескольких изваяниях чуть ниже (правда, геометрические линии встречаются и в этой группе). В. Н. Тяжелов пишет в этой связи: «Контраст добра и зла, милосердия и жестокости раскрыт в этой сцене и сюжетно, и образно: хрупкой, вытянутой

¹Зд. и далее перевод наш. – В. Т.

фигуре ангела с аккуратно сложенными крыльями, бережному жесту, которым он касается чаши весов, противопоставлен уродливый, конвульсивно дергающийся черт» [Тяжелов, 2011, с. 37]. И среди грешников мы не найдем ни одного персонажа с мягкими скругленными очертаниями тела: напротив, все они жесткие, и приемы изобразительного искусства как бы подчеркивают обреченность наказанных. В числе приговоренных оказывается и музыкант с барабаном или бубном.

Сцена на среднем ярусе слева от Христа, где происходит взвешивание душ, исполнена динамизма и драматизма. Жизлеберт чрезвычайно внимательно отнесся к передаче художественного времени. Человек, чьи добродетели перевесили грехи, всплескивает руками от счастья и смотрит туда, где находятся архангел, ангелы, Христос и чуть дальше – апостолы. Это ощущение свободы охватывает персонажа «вот сейчас», его взгляд – еще один способ связать единым смыслом обе части второго яруса рельефа. Бесы на другой чаше весов, за спиной спасенного, наоборот, явно разочарованы и разъярены, один из них вынужден удовольствоваться крокодиллом вместо упущенного человека. Над ним второй, которому повезло больше, набрасывается с оскаленной пастью на несчастных грешников. Ближайшая к пасти душа замерла от ужаса, а расположенная рядом (возможно, женщина) охватила голову руками, что создает своего рода перекличку с фигурой спасенного, также поднесшего руки к лицу.

Исследователи, в частности, В. Н. Тяжелов, неоднократно отмечали, что один из бесов (с точки зрения зрителя справа от чаши) пытается обмануть Божий суд и подтянуть чашу грехов ниже, чтобы она перевесила [Тяжелов, 2011]. С той же целью его сообщник сам залез в чашу с грехами, но из их затей ничего не выходит. Бесам помогает трехголовый змей, оплетающий ноги одного из них. Бесы ненасытны, их пасти овальных очертаний, что напоминает ямы в земле: как раз тот, который рукой пытается опустить чашу, другой рукой уже тянет к весам следующие души. Их подгоняет звуком трубы ангел, находящийся в углу (справа с точки зрения зрителя) второго яруса. Маленькие и дрожащие души с ужасом идут к весам, причем две последние – в обнимку. У ног архангела Михаила жмутся две фигуры, только что прошедшие испытание.

Третий, самый верхний ярус традиционен: на нем показаны фигуры святых, возможно, среди них и Богородица, и ангелы.

Столь подробное описание тимпана в Отене позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, как уже отмечалось, автор рельефа рассчитывал

на эффект «настоящего времени», тем самым создавая дополнительное средство этического воздействия на верующего. Во-вторых, сцена Страшного суда приобретает дополнительные сюжетные акценты благодаря введенным в композицию мотивам движения (главным образом оно передано через положение рук участников драмы, а также остро согнутые у грешников и распрямленные у праведников ноги). В-третьих, эти событийные нюансы Жизлеберт не подчиняет принципу изобразительной симметрии, их необходимо разглядывать, сопоставлять и осмысливать. Основные эстетические способы создания впечатления – членение на ярусы, центральная фигура Судьи, решенная пластически неоднозначно и помещенная в правильный овал мандорлы, композиционная уравновешенность сторон рельефа, достигнутая только благодаря умению мастера, не прибегающего к повторам и иным декоративным средствам, – делают наглядным этический урок, преподносимый живым здесь и сейчас.

ТИМПАН ПОРТАЛА БАЗИЛИКИ СЕНТ-ФУА В КОНКЕ

Переходя к следующему объекту, нужно учитывать, что в данном случае нас не интересует гипотеза П. Сегюре о том, что на тимпане базилики Сент-Фуа в Конке изображен не карающий, а милующий Бог, а сама сцена предрекает парусию. Эту идею нам уже приходилось рассматривать [Тёмкин, 2015], но в данном контексте уместнее обратиться к более традиционной интерпретации произведения.

Тимпан базилики Сент-Фуа в Конке в плане композиции следует тому же принципу, что был применен в Отенском соборе. Здесь также три яруса (регистры), они также ориентированы по правую и левую руку Христа, да и содержательная сторона близка в обоих случаях. Но полного тождества мы не наблюдаем.

Во-первых, следует отметить сегментацию нижнего яруса, которая выполнена посредством очертания парных строений с треугольной крышей. Райская часть включает в себя множество романских арок, в адской архитектурная структура отсутствует, композиция кажется более беспорядочной, однако на самом деле она уравновешена за счет вертикалей, созданных фигурой грешницы и дьявола, Древом познания Добра и Зла с обвившимся вокруг ствола змеем и парой вертикально расположенных лиц наказуемых. За счет отсутствия архитектурных образов наглядно показывается, что рай – это порядок, ад же хаотичен, беспорядочен, неструктурирован. Как считает В. Н. Тяжелов, весь

тимпан в целом «не обладает единством, картина распадается на отдельные эпизоды...» [Тяжелов, 2011, с. 37].

Центральный образ нижнего регистра – взвешивание душ, которым занимаются архангел Михаил и бес. Лик архангела, к сожалению, сохранился не полностью, в отличие от морды беса, чрезвычайно хитрой и характерной. Под весами столп-граница (формально – перегородка на фасадном плане строения с двумя крышами) между двумя мирами. Под архангелом находится ангел, защищающий отобранные души от бесовских посягательств, под бесом с весами – его товарищ, более крупного размера, с орудием наказания (булавой) в руках; он гонит падшие души в пасть к Левиафану, а далее они в нижнем и среднем регистрах претерпевают ужасные мучения. Надо сказать, что на тимпане в Сент-Фуа нет содержательных отличий между нижним и средним ярусами (кроме фигуры Христа в мандорле, о чем ниже).

Между архангелом и бесом на стороне рая, полускрытая опорным столпом, находится еще одна человеческая фигура: считается, что ангел вырвал ее у противника.

Обращает на себя внимание принцип подробности и телесной конкретности представления образов грешников и праведников на тимпане в Сент-Фуа. Особый акцент следует сделать на манере прямого представления деяния, за которое та или иная душа попала в ад: наказание является прямым продолжением того греха, которому человек предавался при жизни, а физически проводником кары становится тот орган на теле, которым человек грешил. Нетрудно понять, что персонаж, которого бес тянет за язык, стремясь его вырвать, много лишнего говорил при жизни, т. е. клеветал и злословил; рыцарь в броне (его статус подчеркнут фигурой лошади), которого держат вниз головой, по-видимому, не проявлял должного благородства, соответствующего социальной позиции; музыкант призывал к греховным развлечениям; персонаж с зайцеобразной головой может быть браконьером; пара с веревками на шее, по всей вероятности, предавалась прелюбодеянию; лежащий, которого попирает ногами дьявол, служит воплощением лени и т. д. Бесы и на нижнем, и на среднем ярусах весьма тщательно и увлеченно выполняют свою работу.

То же самое происходит и на среднем ярусе, достаточно указать на пьяницу, подвешенного вниз головой так, чтобы из него неостановимым потоком текла жидкость, или на сеть, которую грешник расставлял ближнему своему, а после смерти сам оказался пойман.

Таким образом, неизвестные создатели рельефа в Конке доносят до зрителя евангельскую

мысль о том, что свое наказание грешник носит в себе, и его грех после смерти оказывается его же собственной карой.

Второй композиционный пояс в середине несет фигуру Христа в мандорле, вписанную в прямоугольник с четырьмя ангелами по углам. Два верхних несут картуши с евангельскими надписями, два нижних – свечи в подсвечниках и сами символически воспринимаются как подсвечники. В свою очередь, прямоугольник помещен еще в один овал, по очертаниям более близкий к кругу. Внутри овала – стилизованные изображения волн, которые можно трактовать как облака. Равный по размеру прямоугольник находится по левую (опущенную) руку Христа, тем самым пребывая уже на территории ада. Он поделен условным (необозначенным) крестом на четыре прямоугольника поменьше, в каждом из них находится ангел. Два правых (от зрителя) с сожалением взирают на наказание грешников.

Следует обратить внимание, что на тимпане в Конке помещены изображения адского пламени в виде узнаваемых языков огня.

При сравнении тимпанов в Отене и Конке бросается в глаза более выраженная физиологическая конкретность образов грешников и мотива греха в южном рельефе. Индивидуальные характеристики грешников в Отене отсутствуют, в Конке каждый из осужденных – личность. В Отене главное – эмоциональный настрой сцены в целом, в Конке же авторы задались целью выстроить причинно-следственные связи между земной жизнью и посмертным воздаянием. Оба тимпана были суггестивным средством передачи евангельских истин и носили назидательный характер, однако мастера, работавшие в Конке, явно тяготели к более подробной и психологически мотивированной стилистике. Известный немецкий искусствовед Рольф Томан пишет по этому поводу: «Глядя сегодня на эти выразительные сцены, мы можем лишь догадываться, какой ужас должен был охватывать в те времена верующих людей при виде наказаний, грозивших им за грешную жизнь на земле» [Романское искусство, 2001, с. 9]. Ему вторит его коллега Уве Гиз, по словам которого тимпан в Конке «в огромном богатстве подробностей в изображении ада ... был чрезвычайно захватывающим зрелищем конца света и того, что ожидало грешников после смерти» [Geese, 2017, с. 371].

МОЗАИКА В ЦЕРКВИ ВОЗНЕСЕНИЯ МАРИИ НА ОСТРОВЕ ТОРЧЕЛЛО

Следующий объект рассмотрения – мозаичный покров западной стены церкви Вознесения Марии

на венецианском острове Торчелло. По традиции в интерьере на западной стене изображались мотивы, связанные со Страшным судом, что объясняется, как известно, логикой движения верующего по внутреннему пространству базилики: он постепенно уходил от греха и приближался к алтарю, т. е. к добродетели и жизни вечной.

Композиционно мозаика разделена на пять горизонтальных поясов. В верхнем помещена сцена Сошествия во ад, причем налицо синекдоха: выводимые из ада грешники представлены одной крупной фигурой, изображенной гризайлью, как и орудия Страстей Христовых, и расколотый гроб под ногами Спасителя. Также немногочисленны фигуры оставшихся в аду грешников (принцип расположения райских и адских сцен идентичен предыдущим) и праведников в раю. Интересно, что грешники, которых Христос не выводит, тем не менее воздевают руки в таком же славящем жесте, как и праведники по другую сторону. Колорит появляется в фигурах святых по обе стороны от Христа, их изображение неахроматично, хотя и полноцветными их назвать трудно. Зато образ Христа решен с помощью множества оттенков, за счет чего Спаситель выглядит самой живой фигурой на верхнем регистре и приковывает к себе внимание не только масштабом, но и ярко выраженной витальностью.

Второй сверху ярус посвящен Христу во славе (композиция может служить одной из вариаций деисусного чина), третий соединяет мотивы Страстей, Поклонения Кресту и Творения мира (один из ангелов держит свиток звездного неба, готовясь развернуть его: так реализуется мотив книги, текста в тварном мире). На четвертом регистре изображается сражение между силами рая и ада. Архангел Михаил, вооруженный только весами, готов столкнуться с тремя бесами, летящими ему навстречу. Другие ангелы попирают и грешников, всё глубже ввергая их в пучину геенны, и самого дьявола в правой от зрителя части этого яруса.

Самый нижний ярус в правой от зрителя части раскрывает мотив наказания за грехи. Гордецы и сластолюбцы утопают в языках пламени, чревоугодники кусают себе руки, гневливые погружены в холодные воды, глазницы завистников изъедены червями, у скупых отрублены головы, а ленивцам оторвали руки и ноги. Отрубленные головы навевают также ассоциации с черепом Адама, т. е. с первородным грехом, искупить который явился Христос. Таким образом намечается связь грешника и Спасителя. Так, в церкви Вознесения Марии на Торчелло появляется мотив личного спасения и подчеркивается отсутствие социальных разграничений в деле «взвешивания души», как это было в Конке (см. сюжет с рыцарем). Однако на смену конкретике

в Конке здесь приходит кара-символ, кара-метафора, далекая от бытового правдоподобия.

РЕЛЬЕФЫ НА КАПИТЕЛЯХ ЦЕРКВИ СЕН-ПЬЕР В ШОВИНЫИ

Рельефы на капителях колонн церкви Сен-Пьер в Шовиньи (провинция Пуату) ныне существуют в отреставрированном виде, однако всё еще позволяют говорить об аутентичности изображения мотива наказания грешников. Уве Гиз считает эти рельефы одними из «самых впечатляющих изображений французского романского искусства» [Geese, 2017, с. 438]. Если ранее мы видели бесов как антропоморфных чудовищ, то здесь побеждает чисто романская тенденция, в полной мере реализованная в современных рельефам Сен-Пьер, бестиариях. Недаром В. Н. Тяжелов пишет, что в романском искусстве отразился мир «рожденный народной фантазией, причудливый и гротескный... мир плетений, фантастических чудовищ, животных, русалок и акробатов» [Тяжелов, 2011, с. 33]. Эту мысль в отношении рельефов в Шовиньи конкретизирует искусствовед Рене Крозе: «Взгляд сразу же останавливает необычайное разнообразие ужасающих фигур, кошмарных зверей и чудовищ, дьявольских явлений, среди которых человек оказывается во власти худших мучений, ставших неотвратимым следствием греха» [Crozet, 1969, с. 14].

На капителях церкви Сен-Пьер бесы представлены в виде чудовищ, далеко не всегда имеющих даже отдаленное сходство с человеком. Так, отдельных грешников пожирают диковинные хищные птицы, имеющие сходство и с орлом, и с туканом, и с цаплей-китоглавом. Дьявол, держащий в руках знак смерти, правда, подобен человеку, но и он фланкирован двумя гибридными существами, похожими на драконов и львов. Они-то и мучают человеческие души.

Как в этом, так и в предыдущих случаях мы имеем дело с метонимизацией: бестелесные души испытывают страдания, передаваемые посредством аналогии с физической болью. Кошмарные бестии в церкви Сен-Пьер прямо передают идею невыносимого душевного страдания из-за своей непохожести на созданий из реального мира.

Третья капитель со сценой наказания грешников вызывает у современного зрителя смешанные чувства. С одной стороны, существо с львиной головой и передними лапами, орлиными крыльями и хвостом змеи (оно ближе всего к грифону), пожирающее грешника (половина его головы уже в пасти чудовища), не может не ужасать, с другой стороны, его морда вызывает горячую симпатию.

Вся сцена вынужденно трактуется как юмористическая, что подчеркнуто статуарной позой грешника и его высунутым языком. Юмор или то, что мы воспринимаем как таковой, в произведениях романских художников — самостоятельная тема. Сейчас важно отметить, что перед нами вновь предстает страшное, небывалое существо.

Все три проанализированные капители в церкви Сен-Пьер в Шовиньи помещены под декоративным живописным цветочным орнаментом. С одной стороны, такой орнамент опять-таки свойствен романской книжной иллюстрации, с другой — он неотменимо восходит к образу рая. В таком контексте адские страдания в Сен-Пьер выглядят загадочными и кажутся скорее символическим, чем прямым высказыванием романского мастера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные произведения романского изобразительного искусства при всем своеобразием

трактовки мотива наказания за грехи позволяют сделать вывод: в композиционном плане фризобразное, ярусное (приверженное к регистрам или поясам) изображение представлялось мастерам этой эпохи оптимальным для передачи необходимого христианину-нехудожнику содержания. Оно прежде всего соответствовало иерархичности средневекового мышления и помогало выстроить ценностную этическую архитектуру.

В плане метафорического и метонимического содержания все эти и подобные им изображения носят определенный назидательный характер, но красота, художественность решения при этом присутствует как неременный проводник евангельских концепций. Наконец, тема наказания грешников раскрывается на контрасте между высоким эстетическим уровнем исполнения и наглядной, в ряде случаев доходящей до наивного физиологизма, интерпретацией духовных страданий на телесном языке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Duby G., Mandrou R. Histoire de la civilisation française. Tome 1: Moyen Age – XVIe siècle. Paris: Librairie Armand Colin, 1968.
2. Романское искусство / Р. Томан [и др.] ; ред. нем. текста Р. Томана. Köln: Könemann, 2001.
3. Тяжелов В. Н. Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе // Малая история искусств. М.: Искусство, 1981.
4. Le Goff J. Un Moyen Age en images. Paris: Editions Hazan, 2019.
5. Любимов Л. Д. Искусство Западной Европы. М.: Просвещение, 1996.
6. Тяжелов В. Н. Романское искусство. М.: Белый город, 2011.
7. Тёмкин В. А. Отражение идеи паломничества в архитектуре и скульптурном убранстве церкви св. Веры в Конке (Франция) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 13 (724). С. 165–180.
8. Geese U. L'âge roman : Architecture et culture de l'image au Moyen Age classique de 1020 à 1250 // Sous la direction de R. Toman. Potsdam: H. F. Ulmann publishing GmbH, 2017.
9. Crozet R. Chauvigny, Saint Savin. Paris: Arts et tourisme, 1969.

REFERENCES

1. Duby, G., Mandrou, R. (1968). Histoire de la civilisation française. Vol. 1: Moyen Age – XVIe siècle. Paris: Librairie Armand Colin.
2. Tomann, R. (2001). Romanskoye iskusstvo = Romanesque art. Köln: Könemann. (In Russ.)
3. Tyazhelov, V. N. (1981). Iskustvo Srednikh vekov v Zapadnoy i Tsentralnoy Yevrope = Art of the Middle Ages in Western and Central Europe. Moscow: Iskustvo. (In Russ.)
4. Le Goff, J. (2019). Un Moyen Age en images. Paris: Editions Hazan.
5. Lyubimov, L. D. (1996). Iskustvo Zapadnoy Yevropy = Art of Western Europe. Moscow: Prosvestcheniye. (In Russ.)
6. Tyazhelov, V. N. (2011). Romanskoye iskusstvo = Romanesque art. Moscow: Belyy Gorod. (In Russ.)
7. Tyomkin, V. A. (2015). Reflection of the concept of pilgrimage in the architecture and the sculptural decoration of the church of Sainte-Foy in Conques (France). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 13 (724), 165–180. (In Russ.)

8. Geese, U. (2017). L'âge roman : Architecture et culture de l'image au Moyen Age classique de 1020 à 1250 // Sous la direction de R. Toman. Potsdam : H. F. Ulmann publishing GmbH.
9. Crozet, R. (1969). Chauvigny, Saint Savin. Paris: Arts et tourisme.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тёмкин Виктор Александрович

кандидат исторических наук

доцент кафедры мировой культуры

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tyomkin Victor Aleksandrovich

PhD (History)

Associate Professor at the Department of World Culture

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	28.11.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.12.2022	approved after reviewing
принята к публикации	27.01.2023	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 3 (871)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 3 (871)

Ответственные редакторы выпуска
кандидат филологических наук Е. А. Попова,
кандидат филологических наук Е. А. Попова

Executive editors
E. A. Popova, PhD (Philology)
E. A. Popova, PhD (Philology)

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: Г. П. Лопатина
Разработка макета: А. Алымов

Editor N. G. Pavlova
Layout: G. P. Lopatina
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 11.06.2023
Усл. печ. л. 20,6. Формат 60x90/8
Заказ № 30/23

Signed for print: 11.06.2023
Conventional printed sheets: 20,6. Layout format 60x90/8
Order 30/23

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:
Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».